

Джон Болл

Джон Болл
в Карстине

Джон Болл (1911-1988) – уроженец штата Нью-Йорк, долгие годы служил летчиком, автор 16 романов. Роман `Душной ночью в Каролине`, получивший премию Эдгара По как лучший дебют года, открыл сериал с участием чернокожего детектива Вирджила Тиббса. Тиббса норовят подмять блюстители порядка, те, что постарше чином, только потому, что у него `другой` цвет кожи и он намного талантливей их. Но его опасная кропотливая работа помогает раскрыть преступление и найти убийцу.

- [ДУШНОЙ НОЧЬЮ В КАРОЛИНЕ](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)

- [notes](#)

-
-
-

ДУШНОЙ НОЧЬЮ В КАРОЛИНЕ

Джон БОЛЛ

Глава 1

В два часа пятьдесят минут пополуночи городок Уэллс выглядел безжизненным, вялым и разомлевшим. Чуть ли не каждый из одиннадцати тысяч его жителей беспокойно метался во сне, а тем, кто не мог забыться, оставалось проклинать безветрие, сгущавшее духоту. Плотная и тяжелая, она висела в воздухе, как всегда в августе в Каролине.

Луна скрылась. В деловом квартале резкий свет редких уличных фонарей оттеснял густые ночные тени к запертым магазинам, доживавшему свой век кинотеатру и безмолвной заправочной станции. На перекрестке, где улица под прямым углом перерезала шоссе, в аптеке Саймона продолжал работать кондиционер, и его ровное мурлыканье нарушало ночную тишину. У тротуара напротив стоял патрульный автомобиль, который полиция Уэллса высылала на ночное время.

Сэм Вуд, плотно сжимая в крепких пальцах шариковую ручку, заполнял листок рапорта. Он положил планшетку на руль и выводил твердые печатные буквы, едва различимые при тусклом свете, проникавшем в автомобиль. Старательно и аккуратно он занес в свой отчет, что, согласно инструкции, полностью завершил тщательную проверку основного жилого района и нашел все в полном порядке. Сэм ощутил прилив гордости от своей заключительной фразы. Опять, как не раз случалось в последние три года, ритуал составления рапорта заставил его почувствовать, что в ночное время он самый значительный человек в городе, неусыпно бодрствующий на своем нелегком посту.

Покончив с записью, он положил планшетку на соседнее сиденье и вновь взглянул на часы. Было почти три – время выпить чашечку кофе в закусочной на шоссе. Но плотная духота делала мысль о кофе не очень-то приятной – куда лучше глотнуть чего-нибудь холодного. Перекусить сейчас или сперва проехать через Бидонвиль – как теперь называли бедняцкий район? Это была единственная часть еженощных объездов, которую он по-настоящему не любил, но задание должно быть выполнено до конца. Еще раз напомнив себе о значительности своей миссии, Сэм решил чуточку повременить с отдыхом. Он включил мотор и отъехал от бровки тротуара с ловкостью классного водителя.

Автомобиль пересек пустынное шоссе и затрясся по неровной мостовой широко разбросанного негритянского квартала. Сэм все время держал ногу на тормозе, памятуя о той ночи, несколько месяцев назад, когда он не заметил спящую собаку. Она расположилась посреди дороги, и Сэм увидел ее слишком поздно. Все вновь ожило перед ним: он сидит на корточках, поддерживая голову животного, и смотрит в доверчивые потрясенные глаза, полные боли и мольбы. Потом Сэм увидел, что наступила смерть, и, хотя часто бывал на охоте и вообще считался скупым на слезу, тут у него просто душа разрывалась от жалости и горького чувства вины.

Не сводя глаз с дороги, объезжая глубокие выбоины и остерегаясь собак, Сэм сделал короткий круг по негритянскому кварталу, притормозил машину на тряском железнодорожном переезде и поехал вверх по улице, с обеих сторон зажатой старыми уродливыми домами, кое-как сколоченными из некрашенных досок. Это были обиталища "белого отребья" – тех, у кого нет ни надежд, ни денег, а то даже и стремления выбраться на поверхность. Сэм лавировал, сосредоточенно объезжая выбоины. Затем, подняв глаза, в половине квартала перед собой он увидел желтый скошенный прямоугольник окна, – скорее всего, свет шел от дома Парди.

В такой час свет мог означать и расстройство желудка, и что угодно еще. Сэм презирал людей, которые не прочь заглянуть ночью в чужое окно, но полицейский при исполнении служебных обязанностей – это другое дело. Бесшумно и ловко, стараясь никого зря не

потревожить, он подвел автомобиль вплотную к тротуару и поехал еще медленнее, чтобы разобраться, по какой причине у Парди горит свет на кухне в начале четвертого ночи... хотя, как ему думалось, он знает и без того.

Кухню освещала голая стосвечовая лампочка, болтавшаяся на проводе. Тонкие от ветхости кружевные занавески безжизненно и неподвижно свисали в открытом окне, совершенно не скрывая происходящего на кухне. А там, прямо на самом виду, спиной к нему стояла Делорес Парди. И как уже дважды случалось за последние недели, она предстала перед ним без рубашки.

В тот самый момент, когда патрульная машина поравнялась с окном, Делорес сняла с плиты маленькую кастрюльку, наклонила ее и стала наполнять чашку. Юные груди и приятные округлости бедер шестнадцатилетней девушки оказались прямо перед глазами Сэма. Однако в Делорес чувствовалось что-то такое, что отталкивало его, обнаженное тело девушки не вызывало у него волнения. Причиной этого была ее какая-то вечная неумытость, во всяком случае, Делорес производила на него такое впечатление. Когда Сэм увидел, что девушка подносит к губам чашку с кофе, ему стало ясно – тут нет и намека на расстройство желудка, и он отвел глаза в сторону. Сэм хотел было постучать и предупредить, что ее видно с улицы, но решил этого не делать: стук в такое время мог разбудить детей, которых в семействе Парди было полным-полно. Ну а кроме того, не пойдет же Делорес открывать дверь неодетой. Сэм повернул за угол и поехал к шоссе.

Хотя других автомобилей не было и в помине, Сэм остановился у перекрестка и только потом повернул к городу. Он разгонял машину, пока горячий воздух, врывающийся в открытое окно, не создал иллюзию ветерка. Три минуты – до самой окраины – Сэм ехал, не сбавляя скорости. Въезжая в город, он сбросил газ и плавно завернул на стоянку возле ночной закусочной. Очень легко для такого крупного человека он вылез из машины и направился к двери.

В закусочной было еще более жарко и душно. Посреди комнаты возвышалась полукруглая стойка, покрытая потертым пластиком. Места за столиками, отделенными друг от друга перегородками из твердой многослойной фанеры, не располагали долго засиживаться или искать особого уединения. Рассчитанный совсем на другое помещение, вентилятор выталкивал слабую струю прохладного воздуха, бесследно исчезающую в нескольких дюймах от отдушины. Стены, некогда обитые деревянными панелями, покрывала белая краска, с годами она пожелтела. На потолке красовалось черное жирное пятно – вечный памятник тысячам поспешно приготовленных блюд, проглоченных на ходу и тут же забытых.

Ночным барменом в закусочной работал худой девятнадцатилетний парень с чересчур длинными руками, которые высывались из манжет засаленной рубашки, словно вытянутые каким-то дьявольским механизмом. Его острую, невероятно тощую физиономию усеивали прыщи, нижняя губа слегка отвисала, и было не понять, то ли это знак брезгливого пренебрежения к людям, то ли он попросту слабоумный. Когда Сэм вошел, он стоял за стойкой, опираясь на локти и сложившись пополам, и, казалось, был полностью поглощен комиксом.

При появлении блюстителя порядка он мигом смел комикс со стойки и расправил узкие плечи, готовый предложить свои услуги и свое общество стражу спящего города. Когда Сэм взобрался у стойки на один из трех стульев с уцелевшей обивкой, бармен потянулся к толстым кофейным чашкам.

– Только не кофе, Ральф, и без того жарко, – остановил его Сэм. – Лучше дай кока-колы. – Он снял форменную фуражку и правой рукой вытер лоб.

Парень схватил шейкер, набитый колотым льдом, откупорил бутылку и наполнил стакан жидкостью с пеной.

Когда пена осела, Сэм опустошил стакан, поболтал остатками льда и спросил:

– Кто выиграл вчера вечером?

– Риччи, – немедленно отозвался бармен. – Судьи разделились. У него пока остаются шансы на титул.

Сэм наполнил стакан и вновь разом осушил его, перед тем как продолжить разговор.

– Это хорошо, что Риччи выиграл. Мне не очень-то по душе итальянцы, но тут все-таки белый может стать чемпионом.

Бармен кивнул с живейшим одобрением.

– Сейчас у нас в чемпионах шесть черных – от полусреднего до тяжелого веса. Не понимаю, как им удается так здорово драться. – Он надавил руками на стойку и растопырил костлявые пальцы в тщетной попытке заставить их казаться сильными и могучими; потом перевел взгляд на мощные кисти полицейского и задумался, будут ли и у него когда-нибудь вот такие ручищи?

Сэм взял последний кусок торта, сиротливо лежавший на стойке под прозрачным пластиковым колпаком.

– Они не ощущают ударов, как вот мы с тобой, – объяснил он. – У них совсем другая нервная система. Они вроде животных: чтобы сбить их с ног, приходится хрястнуть топором по голове, вот и все. Потому-то они и выигрывают, потому-то и лезут на ринг без всякого страха.

Ральф кивнул; блеск его глаз говорил, что Сэм подвел черту под этой проблемой. Он поправил пластиковый колпак.

– Мантоли появился в городе вчера вечером. И дочку с собой привез. Настоящая красotka, говорят.

– Я думал, ему нечего тут делать до первого числа.

Бармен подался вперед и обтер стойку выцветшей мокрой тряпкой.

– Построить эстраду оказалось дороже, чем они воображали. Теперь он думают накинуть цену на билеты, чтобы вовремя рассчитаться с долгами. Говорят, Мантоли прикатил помочь им прикинуть, сколько публика согласится выложить.

Сэм перелил в стакан остатки кока-колы.

– Не знаю, – заметил он. – Эта затея может пройти как по маслу, а может и с треском провалиться. Я, правда, не разбираюсь в классической музыке, но все же не могу представить, что люди кинутся сюда толпами только для того, чтобы послушать, как дирижирует Мантоли. Понятно, это симфонический оркестр и все такое, но те, кому нравятся подобные штуки, могут слушать всякие там оркестры всю зиму, не приезжая сюда, чтобы посидеть на бревнах. А если еще и дожди зарядят! – Он залпом осушил стакан и взглянул на часы.

– А, да что об этом, – согласился Ральф. – Мне наплевать на чью-то там музыку, а уж на этого длинноволосого и подавно. Но я скажу, если из-за нее у нас есть шанс попасть в путеводители, как нам обещают, и привлечь туристов с деньгами, может, это заставит привести в порядок весь этот свинарник и мы заживем малость получше. – Сэм поднялся.

– Сколько с меня? – спросил он.

– Пятнадцать центов. Пирожное бесплатно – это было последнее. Доброй вам ночи, мистер Вуд.

Сэм положил на стойку четверть доллара и повернул к выходу. Как-то раз бармен осмелился назвать его по имени. Он взглянул на него с холодным неодобрением, и это сделало свое дело. Теперь тот всегда говорил ему "мистер Вуд" и в точности так, как Сэму хотелось. Он снова забрался в машину и коротко доложил по радио обстановку, прежде чем возвратиться по шоссе в город. Готовясь к монотонному одиночеству, которое сулил остаток ночи, Сэм поудобней устроился на сиденье.

Машина набирала скорость, и ночной воздух встречал ее плотной подушкой. Впервые с начала дежурства Сэм позволил себе обругать давящую духоту, которая обещала знойный день.

А значит, и завтрашняя ночь будет душной, и следующая, может быть, тоже. Въезжая на центральные улицы, Сэм притормозил. Вокруг было все так же пустынно, но он по привычке медленно пересек небольшой деловой центр. Мысль о Делорес Парди вновь пришла ему в голову. Она выскочит замуж совсем молоденькой, подумалось Сэму, и кто-то получит кучу удовольствия, завалившись с ней в сено. И в этот момент он увидел за квартал впереди какой-то предмет прямо посреди дороги.

Сэм нажал на газ, и машина рванулась вперед. В световой дорожке от четырех фар непонятный предмет становился все больше, пока Сэм не затормозил посреди дороги в нескольких футах; теперь он мог разглядеть – это был человек, распростертый на мостовой.

Сэм включил красную полицейскую мигалку и стремительно выскочил из машины. Прежде чем наклониться над лежащим, он быстро огляделся, готовый ко всяким неожиданностям; рука его лежала на кобуре пистолета 38-го калибра. Он ничего не увидел, кроме безмолвных домов и пустынной бетонной мостовой. Мгновенно успокоившись, Сэм опустил на колено возле распростертого человека.

Тот лежал на животе, обхватив голову руками, ноги раскинуты, правая щека прижата к шершавому стертому бетону. У него были необычно длинные волосы, завивавшиеся на шее от постоянного прикосновения воротника. Валявшаяся рядом, в пяти или шести футах, трость с серебряным набалдашником выглядела странно беспомощной на грубом шоссежном полотне.

Сэм подсунул левую руку под распростертого человека и постарался нащупать сердце. Несмотря на изнурительную духоту, на неизвестном был плотно застегнутый жилет, и через него Сэм не мог уловить никаких признаков жизни. Тогда он попытался припомнить, что ему доводилось читать о предполагаемой смерти при несчастных случаях. У Сэма не было никакой специальной подготовки – его попросту зачислили в состав городской полиции и отправили исполнять новые обязанности, лишь накануне сообщив, в чем они заключаются. Но согласно полученным предписаниям, он уже самостоятельно ознакомился со сводами законов графства и штата и проштудировал два или три учебника, отыскавшиеся в небольшом здании полицейского управления. У Сэма была хорошая память, и сведения, которые он тогда почерпнул, вернулись к нему теперь, в момент крайней необходимости.

"Пока факт смерти не будет подтвержден врачом, не следует считать пострадавшего мертвым – он может находиться в обмороке, быть оглушенным или потерять сознание по каким-либо иным причинам. Так, лица, получившие большую дозу инсулина, часто ошибочно принимаются за умерших, и бывали случаи, когда они приходили в себя уже в морге. При отсутствии особенно тяжких увечий, скажем, ампутации головы, следует считать, что пострадавший жив, то есть в любых случаях, когда не затронуты жизненно важные центры, при поражении которых дальнейшее функционирование организма не представляется возможным".

Сэм торопливо вернулся к машине и схватил микрофон. Как только на его вызов откликнулись, он заговорил быстро и просто – сейчас было не до того, чтобы подбирать официальные выражения.

– Приблизительно на углу Пайни-стрит и шоссе посреди дороги лежит человек, похоже, что мертвый. Вокруг никого, и ни одной машины не было за несколько последних минут. Немедленно выезжайте и высылайте "скорую".

На мгновение остановившись, Сэм подумал, правильно ли он все изложил? Он впервые столкнулся с таким случаем и хотел бы вести себя должным образом. Голос дежурного диспетчера оторвал его от этих мыслей:

– Оставайся на месте. Личность пострадавшего установлена?

Сэм мгновенно прикинул.

– Нет, еще нет, – ответил он. – Насколько помнится, я никогда раньше не встречал этого

человека. Но, по-моему, я знаю, кто он такой. У него длинные волосы, он в жилете и с тростью. Маленького роста – не больше пяти футов пяти дюймов.

– Это Мантоли! – воскликнул диспетчер. – Дирижер. Главный во всей этой затее с фестивалем. Если это он и действительно мертвый, может выйти страшная неприятность. Повторяю, оставайся на месте.

Сэм положил микрофон и поспешил к распростертому телу. До больницы было всего девять кварталов, значит, "скорая помощь" должна появиться через каких-нибудь пять минут. Сэм вновь склонился над упавшим, и перед ним мелькнуло видение сбитой собаки, но то, что он видел сейчас, было бесконечно хуже.

Сэм протянул руку и очень осторожно приложил ее к затылку человека, словно мог успокоить его этим прикосновением и сказать, что помощь уже близка, что ему осталось лежать на грубом бетоне всего две-три минуты, да к тому же не в одиночестве. Пока эти мысли проносились в голове Сэма, он почувствовал, как что-то густое и липкое медленно стекает по его пальцам. Резким произвольным движением он отдернул руку. Жалость, которую он только что испытывал, исчезла в багровой волне нарастающего гнева.

В четыре минуты пятого Билла Гиллспи, начальника городской полиции Уэллса, разбудил телефонный звонок. Гиллспи понадобилось несколько секунд, чтобы встряхнуться и хоть как-то прийти в себя. Протягивая руку к телефону, он уже знал, что случилось несчастье, и, возможно, большое, иначе бы обошлись без него. В трубке звучал голос дежурного:

– Шеф, мне очень жаль, что приходится вас будить, но, если Сэм Вуд не ошибается, произошло убийство с отягчающими обстоятельствами.

Гиллспи заставил себя сесть и спустить ноги с кровати.

– Какой-нибудь турист?

– Нет, не совсем. Сэм вроде бы опознал его, похоже, это Энрико Мантоли, ну, знаете, тот самый, кто собирался провести здесь музыкальный фестиваль. Понимаете, шеф, пока еще нет уверенности, кто этот человек мертв, но если это так и Сэм не ошибся, то кто-то пристукнул нашу здешнюю знаменитость и вся эта музыкально-фестивальная затея летит к чертям.

Теперь Билл Гиллспи окончательно проснулся. Он машинально возил по полу ногами в поисках домашних туфель и знал, что от него ждут распоряжений. Курс профессионального обучения, пройденный еще в Техасе, подсказал ему нужные слова.

– Хорошо, слушай. Я выезжаю немедленно. Сразу же пошли врача, "скорую", фотографа и разыщи пару понятых. Вуд пусть остается на месте, пока я не прибуду. Действуйте согласно инструкции, ясно?

Дежурный, которому никогда не приходилось иметь дело с убийством, ответил, что ясно. Едва положив трубку, Гиллспи распрямился во все свои шесть футов четыре дюйма и принялся натягивать одежду, торопливо обдумывая, что ему делать, когда он прибудет на место происшествия. Прошло всего девять недель, как он стал начальником полиции и жителем Уэллса, и вот ему представился случай показать себя. Нагнувшись и взяв со шнурками, он подумал, что сделает все, как надо, но лучше бы ничего этого не случилось.

Хотя Биллу Гиллспи исполнилось всего тридцать два года, он обладал непоколебимой уверенностью в том, что способен справиться с любым брошенным ему вызовом. Рост позволял Биллу буквально смотреть сверху вниз почти на каждого встречного. А напористость, отпугнувшая девушку, на которой он собирался жениться, сметала большинство обычных препятствий, словно их никогда и не возникало. Раз ему в руки попало дело об убийстве, Гиллспи доведет его до конца, и никто не посмеет усомниться в этом.

Тут Гиллспи вспомнил, что ему не сообщили, где именно произошло убийство. Он сердито сорвал трубку и второпях ошибся номером. Раньше чем кто-нибудь подошел к телефону, он бросил трубку на рычаг и, заставляя себя быть спокойным, вновь набрал номер.

Ждавший его звонка дежурный отозвался немедленно.

– Где все это? – требовательно спросил Гиллспи.

– На шоссе, шеф, чуть-чуть за Пайни. "Скорая" уже на месте, и врач подтвердил факт смерти. Личность пока что окончательно не установлена.

– Понятно, – коротко сказал шеф и бросил трубку. Перезванивать и выяснять, куда ехать, Гиллспи было не по душе. Должны сразу сообщать, где что случилось.

Машина Гиллспи была оборудована сиреной, красной полицейской мигалкой и радиоустановкой. Он прыгнул в нее, резко нажал на стартер, рывком отъехал от тротуара и включил полный газ, не обращая внимания на то, что мотор еще не прогрелся. Не прошло и пяти минут, как он увидел стоящий полицейский автомобиль, "скорую помощь" и небольшую группу людей посреди шоссе. Стремительно подкатив, Гиллспи нажал на тормоз и выскочил из

машины, прежде чем она успела полностью остановиться.

Пока ни к кому не обращаясь, размашистыми шагами он подошел к распростертому телу, опустился на корточки и стал быстро обыскивать пострадавшего.

– А бумажника нет? – спросил он. Для ответа вперед выступил Сэм Вуд.

– Нет. По крайней мере, на теле я его не обнаружил.

– Личность установлена? – выпалил Гиллспи.

Ответил молодой врач "скорой помощи":

– Это Энрико Мантоли, дирижер. Он был главной пружиной в музыкальном фестивале, который тут намечался.

– Знаю, – отрывисто произнес Гиллспи и вновь переключил внимание на тело. Он испытывал сильное желание приказать лежащему человеку сесть, стереть грязь с лица и сообщить ему, что случилось и кто во всем виноват. Но это был единственный из присутствующих, который ему не подчинялся. Ну что же, тогда придется идти другим путем. Гиллспи поднял глаза.

– Сэм, возьми свою машину, поезжай на вокзал, а потом проверь северный выезд из города – может, какой-нибудь сумасшедший попытается выбраться на попутных с той стороны. Подожди-ка минутку. – Он быстро повернул голову к врачу:

– Давно он мертв?

– Меньше часа, я бы даже сказал, меньше сорока пяти минут. Кто бы это ни сделал, ему не удалось уйти слишком далеко.

Нескрываемое раздражение появилось на лице Гиллспи.

– Все, о чем я вас спрашиваю, – давно ли этот человек мертв, а дальше я уж как-нибудь обойдусь без ваших советов. Итак, сделать фотографии тела со всех точек, разными планами, чтобы в кадр попадал тротуар и дома на восточной стороне улицы. Дальше: очертить положение тела мелом и выставить указатели для объезда. После этого тело можно убраться. – Он выпрямился и увидел Сэма, безмятежно стоявшего рядом. – Я что тебе приказал?

– Подождать минуту, – спокойно ответил Сэм.

– Ну ладно, можешь отправляться. Действуй.

Сэм быстро зашагал к патрульному автомобилю и отъехал со скоростью, достаточной, чтобы избежать возможных замечаний. По дороге на железнодорожную станцию он позволил себе слегка помечтать, чтобы Гиллспи как-нибудь выставил себя дураком и завалил дело. Но тут же к нему пришло понимание, что подобные мысли вовсе не к лицу блюстителю порядка, присягнувшему на служение обществу, и он решил: что бы там ни было, его часть работы будет выполнена четко и быстро.

Приближаясь к безмолвному вокзалу, он сбавил скорость, чтобы не спугнуть убийцу, возможно притаившегося внутри. Сэм подъехал вплотную к деревянной платформе и без колебаний вылез из машины. Маленький вокзал, выстроенный по крайней мере полвека назад, был тускло освещен несколькими запыленными лампами, которые казались такими же древними, как истертые жесткие скамьи и твердые плитки кафельного пола. Стремительно шагнув за порог зала для белых, Сэм почувствовал внезапное желание ослабить ремешок форменной фуражки. Но тут же подавил это чувство и вошел в здание вокзала с ног до головы полицейским – с правой рукой на кобуре пистолета. В зале ожидания было пусто.

Сэм быстро втянул воздух и не ощутил ничего, что позволяло бы предположить, будто здесь кто-то недавно находился. Ни намек на свежий дым сигареты – лишь запах, типичный для таких вокзалов, обычная улика, оставленная тысячами безмянных людей, прошедших сквозь эти двери и уехавших дальше.

Окошечко билетной кассы было закрыто. С внутренней стороны стекла висела квадратная

картонка с расписанием ночных поездов, неуклюже выведенным цветным карандашом. Сэм еще раз внимательно осмотрел помещение. Если убийца и здесь, у него, наверное, нет пистолета. Того он убил, ударив по затылку каким-то тупым предметом, а такого оружия Сэм не боялся. Он нагнулся и осмотрел узкий промежуток между скамьями. Кроме грязи и клочков газетной бумаги, там ничего не было.

Сэм пересек зал ожидания и, толкнув дверь на платформу, выглянул направо, потом налево. Платформа тоже была пуста. Твердыми, решительными шагами Сэм миновал запертую камеру хранения – он толкнулся в нее на ходу и убедился в этом – и приостановился перед грязной дверью с белой деревянной табличкой наверху: "Для цветных". Вновь положив правую руку на пистолет, Сэм ворвался в тускло освещенную комнату, и у него перехватило дыхание. Там кто-то был.

Сэм смерил неизвестного быстрым взглядом и сразу понял, что тот нездешний. Он был довольно строен и одет по-городскому, даже в белой рубашке и при галстукe. Сэму показалось, что ему около тридцати, но о возрасте черных никогда нельзя сказать с уверенностью. Вместо того чтобы растянуться на скамье и спать, он сидел прямо, словно чего-то ожидая. Аккуратно сложенный пиджак лежал рядом с ним. Он читал книжку в дешевой бумажной обложке и при появлении Сэма поднял голову; Сэм не увидел на его лице расплуснутого носа и толстых, мясистых губ, типичных для большинства здешних южных работяг. Нос у него был почти как у белого, и линия рта смотрелась прямо и строго. Будь он немного посветлее, Сэм мог бы принять его за белого.

Забыв про свою книжку, незнакомец уронил ее на колени и взглянул в широкое лицо Сэма.

Сэм не дал ему опомниться.

– А ну встать, черномазый! – приказал он и несколькими стремительными шагами пересек разделявшее их пространство.

Негр потянулся к своему пиджаку.

– Не смей! – Сэм ударил его по руке и рывком развернул противника. В следующее мгновение подбородок негра был прижат к локтю Сэма, и теперь неизвестный был в полной его власти. Свободной рукой Сэм быстро обыскал своего пленника; тот казался слишком напуганным, чтобы сопротивляться. Завершив операцию, Сэм ослабил руку на горле неизвестного.

– Повернись. Подними лапы и обопрись о стену. Руки не опускать и не двигаться без приказаний.

Негр молча повиновался. Сэм поднял со скамьи пиджак и похлопал по внутреннему карману. Там был бумажник, к тому же необычно пухлый на ощупь.

С каким-то странным покалыванием в груди Сэм вынул его и заглянул внутрь. Бумажник был набит деньгами. Сэм провел большим пальцем по краешкам банкнот – в основном, это были десятки и двадцатки. Сэм остановился на длинной узкой бумажке в пятьдесят долларов, он был полностью удовлетворен. Он захлопнул бумажник и опустил его в свой карман. Задержанный не шевелился – ступни ног в стороне от стены, туловище наклонено вперед, весь упор на вытянутые руки. Сэм вновь внимательно оглядел его, теперь уже сзади. Что-то около ста пятидесяти фунтов, может, чуть тяжелее, но ненамного. Пять футов и девять дюймов – достаточно высок, чтобы справиться с тем делом. Брюки еще держали складку, значит, костюм не так давно гладили. Когда Сэм охлопывал негра в поисках оружия, его ладонь ощутила крепкое, налитое тело.

Сэм перекинул пиджак через руку.

– Шагай в дверь налево, – приказал он. – У платформы стоит полицейская машина. Влезешь на заднее сиденье и закроешь дверцу. Одно лишнее движение – и ты поедешь с пулей в

позвоночнике. Теперь ступай.

Негр повернулся, куда было приказано, спустился с платформы и послушно забрался на заднее сиденье поджидавшего автомобиля. Он хлопнул дверцей не сильнее, чем было нужно, чтобы она надежно закрылась, и устроился на сиденье. Ни одного движения сверх того, что ему было предписано.

Сэм уселся за руль. С внутренней стороны дверцы в патрульной машине не было ручек, и Сэм прекрасно знал, что задержанному не убежать. На секунду ему вспомнилось, как был убит Мантоли: предположительно ударом по затылку, и, скорее всего, это сделал тот самый человек, который сидит сзади. Но Сэм тут же успокоился – ведь на заднем сиденье не было ничего такого, чем негр мог воспользоваться как оружием, а нападения голыми руками бояться не стоит. Пожалуй, это будет выглядеть даже еще лучше – схватка с задержанным, за исход которой, кстати, нечего опасаться.

Сэм поднял микрофон и сдержанно произнес:

– Говорит Вуд, от железнодорожной станции. Задержал подозрительного цветного, возвращаюсь в полицию. – Он умолк на мгновение, подумал и решил ничего не добавлять. С остальным можно подождать до участка. Служебная тайна есть служебная тайна.

Пока Сэм с заправской плавностью вел машину к полиции, задержанный не издал ни звука. У подъезда их ждали двое, но Сэм, уверенный в своих способностях препроводить арестованного без посторонней помощи, махнул рукой, чтобы они не вмешивались. Нарочито медленно он выбрался из машины, обогнул ее и распахнул заднюю дверцу.

– Выходи, – приказал он.

Негр вылез и ни капли не сопротивлялся, когда Сэм ухватил его пониже плеча и повел в участок. Сэм держался точно на картинке в прочитанных им учебниках, как его и обязывала важность происходящего. Крепкой левой рукой он придерживал арестованного, а правая, готовая к любым неожиданностям, покоилась на пистолете. Он даже пожалел, что некому запечатлеть этот момент, но тут же опомнился – нельзя забывать о своем личном и служебном достоинстве.

Сэм повернул было за угол, к камерам, но тут его перехватил дежурный и молча показал на кабинет Гиллспи. Сэм кивнул, подвел задержанного к двери и постучал.

– Войдите, – донесся резкий голос.

Свободной рукой Сэм повернул дверную ручку, затем втолкнул арестованного в кабинет и остановился в ожидании перед столом шефа. Гиллспи делал вид, будто занят разложенными перед ним бумагами. Наконец он положил карандаш на стол и тяжелым взглядом почти полминуты смотрел на арестованного. Ответной реакции Сэму не было видно, а повернуть голову и посмотреть он не решился из боязни помешать психологическому воздействию.

– Имя? – неожиданно выпалил Гиллспи. Вопрос слетел с его губ с внезапностью выстрела.

Негр заговорил в первый раз за все время, и, к удивлению Сэма, ровным, размеренным голосом.

– Меня зовут Тиббс, Вирджил Тиббс, – ответил он и продолжал стоять, сохраняя безмятежное спокойствие.

Сэм ослабил хватку на руке арестованного, но тот и не попытался опуститься на свободный стул, который стоял рядом.

– Что ты делал на станции? – На сей раз вопрос прозвучал не так взрывчато. Тон негра не изменился.

– Я дожидался поезда пять семнадцать на Вашингтон.

Повторилась немая сцена: Сэм не шевелился, Гиллспи сохранял полную неподвижность в своем кресле, арестованный не делал никаких попыток что-нибудь предпринять.

– А откуда ты взялся? – Теперь голос Гиллспи был обманчиво мягким и кротким.

– Я приехал поездом двенадцать тридцать пять. Он опоздал на сорок пять минут.

– Что еще за поезд двенадцать тридцать пять? – сорвался Гиллспи.

В голосе задержанного не изменилось ни единой нотки.

– Местный. С Юга.

Сэму невольно подумалось, что этот черный из образованных, вроде тех, которые слоняются по зданию Объединенных Наций в Нью-Йорке, как показывают в кинохронике. В таком случае Гиллспи придется повозиться.

Чтобы не выдать себя улыбкой, Сэм стиснул зубы и крепко сжал рот.

– Что ты делал на Юге?

– Ездил навестить мать.

Перед следующим вопросом Гиллспи выдержал паузу. Должно быть, готовится что-то важное, решил Сэм, и Гиллспи намеренно выжидает, чтобы усилить воздействие.

– Откуда у тебя деньги на проезд?

Прежде чем арестованный успел ответить, Сэм ожил. Он вытащил из кармана бумажник негра и передал Гиллспи. Шеф быстро заглянул в него и с силой хлопнул бумажником по столу.

– Где ты взял столько монет? – спросил он и приподнялся в кресле, чтобы арестованный мог оценить его рост.

– Заработал, – ответил негр.

Удовлетворенный, Гиллспи шлепнулся обратно в кресло. Таких денег цветному не заработать, а уж тем более не сберечь, ему-то это прекрасно известно. Приговор был произнесен, груз упал с его плеч.

– Где же ты работаешь? – осведомился он таким тоном, что Сэму стало ясно: шеф уже собрался домой, в постельку.

– Я работаю в Калифорнии, в Пасадене.

Билл Гиллспи позволил себе мрачно улыбнуться. Две тысячи миль для большинства людей – дальняя дорога, а уж для цветного и подавно. Достаточно дальняя, чтобы им показалось, будто можно врать, не боясь проверки.

Билл перегнулся через стол, как бы собираясь вогнать последний шар в самую лузу.

– И чем это ты занимаешься в Пасадене, что гребешь эдакие деньги?

Арестованный ответил в ту же секунду.

– Служу в полиции, – сказал он.

Глава 3

Вообще говоря, Сэм Вуд недолго любил негров, по крайней мере в непосредственном общении. И когда неожиданно ощутил прилив восхищения стоящим рядом с ним стройным человеком, это на какое-то мгновение его смутило. Но Сэм был спортсменом в душе, и его не могло не обрадовать, что кто-то, кем бы он там ни был, с успехом противостоит новому шефу городской полиции.

До появления Гиллспи Сэм Вуд считался в Уэллсе видным мужчиной, но башенноподобный рост Билла автоматически низвел его до статуса нормального человека. Новый начальник был старше всего на три года, – слишком молод, думал Сэм, для такой службы, даже и в маленьком городке вроде Уэллса. Вдобавок Гиллспи прикатил из Техаса, а к этому штату Сэм не испытывал особой привязанности. Но больше всего, признаться, Сэма коробила жесткая, пренебрежительная и настырная манера Гиллспи. И Сэм пришел к выводу: дело не в том, будто он испытывает симпатию к негру, просто он глубоко удовлетворен, видя Гиллспи в таком глухом тупике. Он не успел продолжить свои мысли, как Гиллспи обратил взгляд к нему.

– Вы вообще-то допросили этого человека, прежде чем доставить его сюда? – спросил Гиллспи.

– Нет, сэр, – ответил Сэм. Это "сэр" застряло у него в горле.

– Почему? – рявкнул Гиллспи, и Сэму показалось, что вопрос прозвучал намеренно оскорбительно. Но если уж негр мог не терять самообладания, он сумеет не хуже, решил Сэм. Поразмыслив секунду, он ответил со всем спокойствием, на какое был способен:

– Вы приказали мне осмотреть станцию и шоссе и задержать всех подозрительных. Обнаружив этого чер... этого человека на вокзале, я немедленно доставил его, чтобы выполнить ваши приказания. Теперь я могу идти?

Сэм гордился собой. Он знал, что не мастак говорить, но эта речь ему удалась.

– Сперва я хочу покончить с опросом, – Гиллспи перевел взгляд на Тиббса. – Так, говоришь, ты полицейский из Калифорнии?

– Да, – подтвердил Тиббс, все еще терпеливо стоя возле свободного стула.

– Как ты это докажешь?

– В бумажнике есть удостоверение.

Гиллспи взял со стола бумажник, будто это было что-то омерзительное и испачканное в грязи. Он открыл отделение для документов, тяжелым взглядом уставился на маленькую белую карточку, вправленную в пластик, захлопнул бумажник и небрежно швырнул его на стол молодому негру. Тиббс взял бумажник и спокойно сунул в карман.

– Чем ты занимался, с тех пор как приехал? – Теперь в тоне Гиллспи чувствовалось раздражение. Это был голос человека, готового к ссоре и подбивающего противника принять вызов.

– Сойдя с поезда, я вошел в вокзал и ждал там. Я не покидал станции. – В манере Тиббса было все то же неизменное спокойствие, что, очевидно, и раздражало Гиллспи.

Он резко повернул разговор:

– Тебе ведь известно, что мы бы здесь не позволили таким, как ты, лезть в полицейские, а?

Он подождал ответа, но в комнате по-прежнему царил молчок.

– У тебя хватило ума обойти зал для белых. Значит, кое-что тебе все-таки было известно? –

Гиллспи уперся в стол своими огромными руками, словно собираясь привстать.

– Да, кое-что мне было известно.

Гиллспи принял решение.

– Хорошо, подожди где-нибудь там. Мне нужно навести о тебе справки. Присмотри за ним, Сэм.

Не проронив ни звука, Сэм Вуд повернулся кругом и вслед за Вирджилом Тиббсом вышел из комнаты. В другой ситуации он бы не позволил черному пройти в дверь первым, но, хотя негр и не подождал, чтобы пропустить его, Сэм решил, что сейчас неподходящее время заводиться по этому поводу. Едва они вышли, Гиллспи поднял здоровенный кулак и от души хлопнул по столу. Затем сорвал телефонную трубку и продиктовал депешу в полицейское управление Пасадены.

В маленькой предварилке Сэм указал задержанному на жесткую скамью. Тиббс поблагодарил, уселся, вытащил книжку, что была у него на вокзале, и вернулся к чтению. Сэм бросил взгляд на обложку: Конант. "Естественные науки – что это такое?" Сэм в свою очередь уселся и пожалел, что ему нечего почитать.

Когда стекло окна стало серым и в глубине неба, затеплившегося светом, обрисовались высокие облака, проплывавшие странными грязными полосками, Сэм понял, что в эту ночь ему больше не придется выезжать на патрулирование. От жесткой скамьи ломило тело. Несмотря на жару, хотелось выпить чашечку кофе, хотелось просто подвигаться. Он заколебался – может, все-таки встать, потянуться, и пусть со стороны это выглядит как угодно. Но тут в дверях неожиданно появился Гиллспи. Тиббс взглянул на него со спокойным вопросом в глазах.

– Если тебе хочется, можешь идти, – сказал Гиллспи, глядя на Тиббса. – Но поезд ты уже пропустил, и другого не будет до двенадцати. А хочешь, подожди здесь, посмотрим, что можно устроить с завтраком.

– Благодарю, – согласился Тиббс.

Сэм решил, что это сигнал к окончанию его дежурства, и поднялся на ноги. Едва Гиллспи исчез за дверью, Сэм вышел и, миновав небольшой холл, скрылся в комнате с надписью: "Для белых". Ночной дежурный мыл руки. По какому-то неуловимому изгибу губ Сэм понял, что у того интересные новости.

– Пришел ответ, Пит? – спросил он.

Пит кивнул, ополоснул лицо и уткнулся в полотенце. Вынырнув оттуда, чтобы глотнуть воздуха, он ответил:

– Несколько минут назад шеф получил телеграмму. – На этом он приостановился, нагнулся и посмотрел, нет ли кого в кабинках. – Из Пасадены. Гиллспи послал туда запрос: "У нас произошло серьезное преступление. Запрашиваем информацию о Вирджиле Тиббсе, цветном, который выдает себя за служащего полицейского управления Пасадены. Задержан по подозрению в убийстве".

– Он должен был проверить, что тут скажешь, – рассудил Сэм.

– Подожди, сейчас ты услышишь, что он получил в ответ. – Пит понизил голос до того, что Сэму пришлось подойти на шаг ближе. – "Подтверждаем, что Вирджил Тиббс последние десять лет является служащим полицейского управления Пасадены. В настоящее время занимает должность следователя. Специалист по расследованию убийств и других серьезных преступлений. Репутация отличная. Рекомендуем воспользоваться его услугами. Особенно если случай серьезный".

– Ну и ну, – только и мог сказать Сэм.

– Вот именно, – согласился Пит. – Готов поспорить, Гиллспи ни черта не смыслит в расследовании убийств. А если он ничего не раскроет, и притом быстро, весь город потребует его крови. Так вот, ему предлагают спеца, а тот и главный подозреваемый, и чер...

Сэм предупреждающе поднял руку, и Пит умолк. Шаги удалились по коридору и

растворились в тишине.

– Что бы я хотел знать, – произнес Сэм, – так это почему Гиллспи получил свое место, коли он такой твердолобый дурак? Наверное, он считался парнем не промах у себя в Техасе?

Пит потряс головой:

– Он никогда не служил в полиции – рост выше нормы. Он работал в кутузке: здоровенный малый и лапы у него как раз, чтобы управляться с пьяницами. Там он прокоптил три года, а потом отозвался на наше объявление и получил должность. Наверное, он рассчитывает, что эта работа даст шанс продвинуться. Но стоит ему сейчас поскользнуться – и он человек конченный, он это и сам знает.

– Где ты собрал эти сведения?

Пит сжал губы и усмехнулся:

– Я слишком давно в полиции, и у меня хватает дружков и здесь и там. Я считаю, надо немного подождать и присмотреться. С сегодняшнего числа перехожу на дневное дежурство, так будет удобнее наблюдать за происходящим. Как, по-твоему?

– Пожалуй, ты прав, – согласился Сэм.

Десять минут спустя в полицию привезли тело маэстро Энрико Мантоли. Держать его дольше клиника отказалась. Когда Пит вошел в кабинет Гиллспи, чтобы самому преподнести шефу эту новость, он застал его в позе глубокой задумчивости – руки заложены за пояс брюк, а мысли витают где-то за много миль. Пит подождал, когда его заметят, сообщил о случившемся и быстро ретировался подобру-поздорову. Через несколько секунд Гиллспи показался в дверях кабинета, прошествовал по коридору и остановился в дверях предварилки.

Пристальным взглядом он уставился на Тиббса, который сидел, углубившись в книжку. Заметив Гиллспи, тот поднял глаза и ждал, что же скажет верзила.

– Там, в Пасадене, говорят, будто ты специалист по расследованию убийств? – ворчливо спросил Гиллспи.

– Да, это верно, – ответил Тиббс.

– И тебе приходилось видеть трупы? – В этот вопрос Гиллспи подмешал иронии.

– Чаше, чем хотелось бы.

– Я собираюсь взглянуть сейчас на один... Можешь пойти со мной, если хочешь.

Тиббс поднялся на ноги.

– После вас, сэр, – любезно произнес он.

В маленьком морге никого особенно не удивило, когда вслед за подпирающим потолок Гиллспи показался молчаливый Вирджил Тиббс. Полицейский морг с единственным анатомическим столом посередине и полудюжиной мрачных, встроенных в стену ящиков, похожих на солидную картотеку, выглядел весьма скромно. Здесь стоял еще и обычный стол с приставленным к нему стулом и тут же шкафчик, наполовину заполненный инструментами. Шеф бестрепетно приблизился к прозекторскому столу, наклонился над ним и пристально посмотрел на тело. Потом – раз и другой – обошел вокруг... Осторожно согнул руку трупа в локте и вернул ее в прежнее положение... Наконец опустил на корточки и всмотрелся в затылок – область рокового удара. Затем вновь выпрямился. Выбросив руку почти обвиняющим жестом, он произнес:

– Это Вирджил, следователь по особо важным делам из Пасадены. Он хочет взглянуть на тело. Пусть посмотрит.

Закончив свое сообщение, Гиллспи прошествовал в туалет ополоснуть руки.

Смыв ощущение грязи от прикосновения к мертвому телу, Билл Гиллспи сразу же вспомнил о завтраке. С мыслью о сне он уже совсем распрощался. Возвращаться домой и бриться тоже не было смысла – в теперешних обстоятельствах не стоило слишком хорошо выглядеть, и тот факт, что у него имеются видимые признаки бессонных трудов, мог быть ему на руку. Он решил выйти и подкрепиться.

Он пересек служебное помещение, вышел к стоянке, кое-как втиснулся за руль и развернулся настолько стремительно, что машину занесло. Через шесть минут Гиллспи въехал на стоянку возле ночной закуской и привел в трепет юного служителя уже одним своим видом, с каким взгромоздился на стул у стойки.

– Завтрак "по-деревенски", – скомандовал он.

Бармен поспешно кивнул и сразу же кинулся подавать булочку, яйца, бекон, поджаренные хлебцы и кофе, что и должно было составить завтрак "по-деревенски". Стараясь получше услужить, он ненароком разбил два яйца, выбросил и взял пару других. На сей раз вышло удачнее. Тем временем Гиллспи пил кофе, Ральф только успевал наполнять его чашку. Когда верзила наконец покончил с едой и удалился, не оставив на чай, парень почувствовал внезапную жажду и едва донес до рта стакан – так у него тряслись руки. Гиллспи не произнес ни слова сверх того, что заказал завтрак, но складки над его бровями выдавали сосредоточенность на какой-то мысли, которая явно не нравилась шерифу.

На обратном пути в полицию Гиллспи ехал медленнее. Солнце уже поднялось, и по шоссе время от времени проносились автомобили. Осторожность Гиллспи была продиктована отчасти нежеланием пренебрегать правилами движения, которые он, вступая в должность, торжественно поклялся соблюдать, а в основном – необходимостью обдумать ситуацию.

"Как взяться за розыск убийцы?" – спрашивал он себя. Обычно начинают с выяснения, кому покойный был поперек горла, но здесь-то ведь речь идет о простом ограблении. В морге Гиллспи уяснил две вещи: бумажник мертвого бесследно исчез, а Мантоли, как говорили, носил при себе солидные суммы. Ну хорошо, а как же теперь найти человека, который нанес покойному смертельный удар по голове и смылся глухой ночью, без всяких свидетелей? Как найти человека, которому нужно денег больше, чем ему полагается, и как напасть на след этих денег, если нет номеров серий и вообще не единой зацепки, кроме факта их существования? Если бы посреди шоссе шла какая-нибудь "нейтральная полоса", на которой могли остаться отпечатки следов или рисунок шин, а то ведь и этого не было. Что же, черт возьми, прикажете делать?

Ну, можно привлечь на помощь какого-нибудь эксперта по убийствам. А если тут под рукой всего один, да и тот с черной кожей? Гиллспи неожиданно повернул машину – он отказался от намерения не заезжать домой.

Не принимая душа, он протер дезодорантом подмышки, побрился, причесался и по улицам, на которых царил утреннее оживление, поехал к зданию полиции. В пути Гиллспи все же успел принять одно решение: он выставит Тиббса как можно скорее. Рекомендую его, парни из Пасадены попросту валяли дурака – никто не докажет Гиллспи, будто цветной способен на что-то, чего он сам не сумеет сделать.

Почерпнув в этой идее новые силы, Гиллспи через две ступеньки взбежал по лестнице и приостановился у барьера в дежурке.

– Где Тиббс?

Дневной дежурный, которому конечно же все было прекрасно известно, ответил:

– Мне кажется, сэр, он все еще осматривает тело.

– Все еще осматривает! – взорвался Гиллспи. – Какого черта ему там нужно, долго ли

выяснить, отчего умер человек, которого так хватили по голове, что разнесли череп?

– Я заглянул туда на минутку, прежде чем заступить, – ответил дежурный. – Он собирал грязь, которая осталась под ногтями у убитого. Он спросил, нет ли у нас микроскопа, и я сказал, что такого не числится. Потом он снял кольцо у мертвого с пальца и стал разглядывать инициалы внутри. Тут я вышел, мне было пора на дежурство.

Подойдя к кабинету, Гиллспи увидел Сэма Вуда.

– Я подумал, лучше уж доложусь вам, прежде чем идти домой, – объяснил Сэм, – на случай, если от меня потребуются какие-нибудь сведения или понадобится остаться на дежурстве.

На секунду Гиллспи позволил себе держаться по-человечески.

– Это очень любезно с вашей стороны, Вуд, – искренне произнес он. – Присядьте и скажите, что вы думаете о нашем цветном приятеле – полицейском Вирджиле Тиббсе.

Сэм уселся.

– По-моему, он толковый, – ответил он, глядя на шефа. Затем, будто это заявление показалось ему чересчур сильным, изменил тон. – Во всяком случае, он не боится иметь дело с трупами.

– Мне показалось, он обмолвился, что ему не по душе эти осмотры, – вставил Гиллспи.

– Я понял это в том смысле, что ему не по душе, когда убивают людей.

– По-моему, на этом и держится его работа.

Беседа была прервана – в дверях появился Вирджил Тиббс.

– Прошу прощения, джентльмены, – произнес он, – но не скажете ли вы, где я могу умыться?

Гиллспи отозвался незамедлительно:

– Комната для цветных – через холл направо.

Тиббс кивнул и исчез.

– Там нет ни мыла, ни полотенца, – напомнил Сэм.

– Обойдется рубашкой, – огрызнулся Гиллспи.

Сэм на мгновение напрягся, перекинул ногу на ногу и опять расслабился. Это не его дело. Он хотел было уйти и даже привстал, но вспомнил, что сам предложил остаться и еще не получил ответа. Он посмотрел на Гиллспи, а тот уставился на свои огромные руки, сложенные на столе. Лицо его стали затягивать грозовые тучи. Затем он поднял глаза.

– Пожалуй, тебе стоит сесть в машину и попробовать разузнать, где остановилась дочка этого Мантоли. Я слышал, она гостит у Эндикоттов. Надо сообщить ей, что произошло, и доставить сюда для официального опознания трупа. Понимаю, это будет нелегко, но такая уж у нас работа. И лучше отправляйся прямо сейчас, если хочешь застать ее, пока она не услышала от других. Мы-то не болтали, но в таком городке попробуй что-нибудь удержать в секрете.

В раскрытых дверях вновь появился Вирджил Тиббс и вопросительно посмотрел на Гиллспи.

– Вас интересуют результаты осмотра, сэр? – осведомился он.

Гиллспи слегка откинулся в своем кресле – при таком весе он не мог себе позволить большего, не рискуя опрокинуться.

– Я тут все обдумал, Вирджил, и решил, что самое для тебя лучшее – это уехать следующим же поездом. Здесь тебе не место. А про тело я знаю все, что мне нужно. Когда вернешься домой, передай своему начальнику, что я очень ему признателен за предложение воспользоваться твоими услугами, но это совершенно невозможно, и ты сам понимаешь почему.

Гиллспи принял прежнюю позу.

– Да, чуть не забыл, – добавил он. – У меня тут подготовлен документ, что мы не несем ответственность за твой арест, как выяснилось, не совсем законный. Я хочу, чтобы ты подписал

его, прежде чем уехать.

– Скажу вам как полицейский полицейскому, – ровно произнес Тиббс, – что я и не собираюсь возбуждать дело о незаконном аресте ни против вас, ни против мистера Вуда. Оправдательный документ вам не понадобится. Спасибо за гостеприимство.

Вдруг чья-то рука отстранила Тиббса, и в дверях появился Пит с горящим от возбуждения лицом.

– Мы взяли его, шеф, намертво взяли. Это Харви Оберст. Он и раньше нам попадался. Ребята задержали его с бумажником Мантоли.

Гиллспи посмотрел на Тиббса, который все еще стоял у дверного косяка:

– Вот я и говорю, Вирджил, мы тут сами с усами. Так что можешь отправляться.

Билл Гиллспи перевел взгляд на Сэма.

– Ты что-нибудь ел? – спросил он.

– Только ночью, – отозвался Сэм.

– Тогда оставайся и пожуй. Пусть за дочкой Мантоли съездит Арнольд.

– Ничего, я и сам съезжу. Арнольд, наверное, не знает, как добраться до Эндикоттов, а я в курсе. Кстати, насчет еды, мы ведь предложили Вирджику позавтракать, прямо-таки пообещали, сэр.

– Я уже сказал, чтобы он выкатывался.

Сэм Вуд почувствовал, что можно пойти немного дальше.

– Это так, сэр, но ближайший поезд будет только через несколько часов, а автобус на север всего один, да и тот не берет цветных. Ведь он пропустил поезд из-за меня. И потом, он все-таки полицейский, может, стоит разрешить ему подождать здесь, – Сэм на секунду умолк и продолжал дальше, словно его только что осенило:

– По крайней мере он хорошо отзовется о нас у себя в Пасадене.

Гиллспи воспринял эту дипломатию как неизбежное зло.

– Ну ладно. Только тут нет закусовых для цветных. Задержи Вирджила, пока он не ушел, и верни ко мне, а Пит пусть принесет сэндвич с копченой колбасой или что там сумеет подцепить. Похоже, это мысль – дать ему поглядеть, как мы стреножим этого типа, показать, что мы и сами можем управиться.

Сэм кивнул и поспешно ретировался, пока Гиллспи не изменил своего решения. Тиббса он нашел в дежурке, тот прощался с Питом.

– Вирджил, шеф только что вспомнил, что обещал тебе завтрак, – сообщил Сэм. – Он сказал, чтобы ты вернулся в кабинет. – Сэм мгновение боролся с собой и был рад, когда справедливость победила в его душе. – И спасибо, что не стал подлавливать меня на крючок за незаконный арест. Ты мог бы оказаться и не таким сговорчивым.

Вирджил Тиббс протянул было руку, но, к огромному облегчению Сэма, вовремя остановился и сделал вид, будто перекладывает пиджак.

– Не стоит благодарности, мистер Вуд. Уверен, вы поступили бы точно так же, если бы это произошло в Пасадене.

На секунду Сэма охватил стыд за то, что он был готов отвернуться, если бы Тиббс протянул руку. Ведь здесь присутствовал Пит и все такое. Но Тиббс выручил его, и Сэм испытывал к нему благодарность. Он вышел из здания и отправился выполнять свое малоприятное поручение.

Тиббс вернулся по коридору к кабинету Гиллспи.

– Мистер Вуд передал мне, что вы хотели меня видеть, – сказал он.

Гиллспи показал на стул возле стены:

– Я сказал, чтобы тебе принесли завтрак. Можешь подождать тут. У ребят сейчас хватает забот. Мы поймали убийцу.

– Он подписал признание? – осведомился Тиббс.

– Это никому не нужно, – отпарировал Гиллспи. – Я просмотрел его дело. Всего девятнадцать лет, а уже два привода. Один за мелкую кражу, другой за то, что приставал к девушке по имени Делорес Парди. А потом, у него оказался бумажник Мантоли.

– Похоже, что начало хорошее, – согласился Вирджил Тиббс.

– Вот сейчас и посмотрим, какое это начало, – заявил Гиллспи и потянулся к селектору. – Приведите Оберста, – приказал он.

Пока они ждали, Гиллспи бросил быстрый взгляд в сторону Тиббса.

– Тебе известно, что такое "белое отребье", Вирджил? – спросил он.

– Я слышал это выражение, – ответил Тиббс.

В коридоре зазвучали шаги, и плотный приземистый полицейский втолкнул в кабинет юношу, почти подростка. Арестант был в наручниках. Он казался слишком худым даже для своего невысокого роста. Угловатые коленки выступали резко и неуклюже, туго обтянутые голубыми бумажными брюками. Он то и дело мигал, поводя глазами вокруг, а потом кидал взгляд на скованные запястья, на Гиллспи и опять на свои руки. Казалось, Оберста качает и ему приходится прилагать героические усилия, чтобы сохранить равновесие.

Гиллспи выпрямился и рявкнул:

– Сесть!

Харви Оберст просто-напросто перестал удерживать свое тело и плюхнулся на стул. Его тощий зад с глухим стуком ударился о жесткое сиденье, но Оберст, казалось, ничего не почувствовал. Он уронил руки на колени и, словно теперь не осталось смысла держать голову прямо, позволил ей упасть набок.

Проходили секунды, а Гиллспи все тянул, выжидая, когда арестованный до смерти перепугается. Однако по Оберсту нельзя было заметить, чтобы это на него подействовало.

Гиллспи перевел взгляд на полицейского.

– А остальное при тебе? – спросил он.

Приземистый полисмен полез во внутренний карман и извлек тисненый бумажник. Гиллспи завладел им, внимательно осмотрел сверху, а затем влез внутрь и изучил содержимое.

– Можно снять браслеты, – сказал он почти по-домашнему.

Освобожденный от наручников, Харви Оберст тут же принялся растирать руки, сперва одно запястье, потом другое, но не произнес ни слова.

– Зачем ты это сделал? – спросил Гиллспи.

Оберст приподнял голову и набрал воздуха.

– Потому что он лежал там, и все. Прямо на виду. Набитый деньгами. Я видел: он мертвый и они ему не нужны. А он просто валяется. Не я, так кто-нибудь другой взял бы. А мне они были очень кстати. Я и взял. – Он помолчал и добавил примирительным тоном:

– Вот и все.

– Ну да, только сначала ты его убил, – подсказал Гиллспи.

Арестованный вскочил на ноги, словно его внезапно пронзила острая, нестерпимая боль.

– Я взял бумажник! – закричал он с искаженным лицом. – Взял, потому что тот тип все равно был уже мертвый. Мне были нужны деньги, очень! Но я не убивал! – На последних словах голос у него сорвался, и он прохрипел конец фразы, лишив ее силы убеждения.

Тогда Оберст сделал новую попытку. Указательным пальцем левой руки он постучал себя в грудь.

– Я не убивал и не стал бы убивать его, если бы даже собирался ограбить. Он и вправду был хорошим малым – я знал его раньше. А если бы мне было нужно, я бы запросто справился с ним и так, без всякого убийства. Говорю вам, я только подобрал бумажник! – Вдруг он умолк и снова упал на стул. Теперь голова Оберста наклонилась вперед, пока подбородок не уткнулся в грудь.

Билл Гиллспи взмахнул рукой, давая знать, что разговор окончен.

– Зарегистрируйте его, – приказал он. – Подозрение в убийстве.

Шеф откинулся в своем кресле, насколько хватило риска, и уставился в потолок. Он не опускал глаз, пока арестованного не увели.

Когда несколько мгновений спустя донесся лязг захлопнувшейся двери, Гиллспи заметно

расслабился и перевел взгляд на Вирджила Тиббса, спокойно сидевшего в стороне на неудобном стуле.

– Ну, с этим ясно, – заметил он.

– Да, это очень поможет следствию, – согласился Тиббс.

– То есть как "поможет"? – спросил Гиллспи, разнообразия ради почти нормальным тоном.

– Это исключает поверхностные мотивы, скажем обыкновенный грабеж, – объяснил Тиббс. – Выходит, надо копать поглубже. Я так и думал, но увидеть прямое подтверждение – просто удача.

Гиллспи повернулся к Тиббсу, насмешливая улыбка озарила его лицо.

– Не рассказывай, будто ты поверил в эту детскую историю. А я-то думал, ты малый не промах, Шерлок Холмс с Побережья, охотник за головами. Ну, если уж ты сыщик, то я – китайский император.

В дверях появился Арнольд, в одной руке он нес сэндвичи, завернутые в пергамент, в другой – бумажный стакан с кофе. Ни слова не говоря, он протянул все Тиббсу и затем повернулся к шефу.

– Ну что, это точно Оберст? – спросил он.

Гиллспи махнул рукой в сторону Тиббса, который разворачивал сэндвичи.

– Спроси у него, – предложил он.

Арнольд послушно поглядел на Тиббса.

– Ну? – спросил он.

– Оберст не виновен в убийстве, я почти уверен в этом, – ответил Тиббс.

– Теперь объясни почему, – подбодрил Гиллспи.

– Потому что он левша, – сказал Тиббс и откусил от сэндвича.

Арнольд возрился на Гиллспи.

– А дальше? – спросил тот.

Тиббс, занятый едой, ответил не сразу.

– Когда сегодня утром я осматривал тело, – терпеливо начал он, – выяснилось, что смертельный удар был нанесен по затылку справа под углом в семнадцать градусов каким-то тупым орудием. Это почти неопровержимо доказывает, что нападавший не был левшой. Если вы, мистер Гиллспи, возьмете на минутку вашу линейку, я объясню вам, в чем суть.

К величайшему изумлению Арнольда, Гиллспи покорно повиновался.

– Теперь вообразите, будто вы хотите ударить кого-то, кто вам по плечо или даже немного повыше. Сожмите линейку покрепче, и вы убедитесь, что прямо держать ее почти невозможно – анатомия запястья этого не позволит. Чтобы ударить справа, вам придется вывернуть руку ладонью вверх. А для того чтобы опустить линейку прямо перед собой, вы должны развернуть запястье на девяносто градусов.

Гиллспи поглядел на линейку в своей руке, а потом положил на стол.

– А ты думаешь, Оберст левша? – спросил он.

– Я в этом уверен, – ответил негр. – вспомните, как он постучал пальцем в грудь, когда пытался выгородить себя. Даже в том случае, если он одинаково владеет правой и левой, он бы прибегнул к помощи сильнейшей руки, а ведь Оберст постучал себя левым указательным пальцем. Я подумал, что он не виновен, едва он вошел, ну а это убедило меня окончательно. – Тиббс вновь откусил от сэндвича и запил глотком густого черного кофе.

– Да, я совсем забыл о сахаре, – сказал Арнольд.

– Все и так чудесно, спасибо, – ответил Тиббс.

– Ты только взглянул на этого малого и уже решил, что, пожалуй, он не виновен. В чем тут суть, в интуиции? – спросил Гиллспи.

– Нет, в его ботинках, – ответил Тиббс, – и в том, что он был небрит.

Гиллспи погрузился в молчание. Для Арнольда это было неожиданно: он думал, начальник спросит, при чем здесь бритые и ботинки. Потом он понял: Гиллспи не станет спрашивать – это было бы уступкой. А Билл Гиллспи не очень-то любил уступать. Арнольд откашлялся.

Он выждал, когда Тиббс прожует, и спросил сам:

– А почему?

– Помните, как произошло нападение, – ответил Тиббс. – Мантоли ударили сзади по голове. Значит, либо на него напал кто-то знакомый, которому он доверял, – улучил момент, отступил на шаг и ударил, либо, что более вероятно, к нему кто-то подкрался, да так тихо, что Мантоли не почувствовал опасности. Если бы его что-то насторожило, хоть на мгновение, он бы повернул голову и удар пришелся бы под другим углом.

– Понятно, – сказал Арнольд.

– А у Оберста жесткие кожаные каблуки, – продолжал Тиббс, – да еще со стальными подковками, чтобы поменьше снашивались. В таких ботинках слышен каждый шаг, и ему было бы трудно напасть неожиданно.

– Он мог сто раз переобуться, – перебил Гиллспи.

– Конечно, вы правы, мистер Гиллспи, – согласился Тиббс, – но вы тут сами упомянули, что этот человек из "белого отребья", а значит, обуви у него не очень-то густо. И, судя по щетине на его подбородке, я бы предположил, что он провел всю ночь где-то вне дома. Если бы он зашел переменить обувь, он бы, пожалуй, и побрился. Это в его привычках – я сужу по порезу от бритвы под самым подбородком.

– Я этого не заметил, – с вызовом сказал Гиллспи.

– Отсюда удобней смотреть, мистер Гиллспи, – ответил Тиббс, – и пониже, и света гораздо больше.

– Ты так уверен в себе, а, Вирджил? – поддел Гиллспи. – Кстати, Вирджил – довольно затейливое имя для черномазого вроде тебя. Небось там, откуда ты приехал, тебя зовут по-другому?

– Там меня зовут мистер Тиббс, – ответил Вирджил.

Сэм Вуд медленно вел патрульную машину по дороге, поднимавшейся к дому Эндикоттов. Хотя солнце уже пекло, жара казалась куда более сносной, скорее всего потому, что к дневному пеклу он давно уже внутренне подготовился. Гораздо больше Сэм страдал от жары ночью, когда солнце как-никак скрывалось и темнота вроде бы должна была приносить облегчение. Вот эти-то обманутые ожидания и заставляли его испытывать двойные мучения. Дорога поднималась равномерно. Город был уже где-то далеко внизу, но до самой вершины, где стоял дом Эндикоттов, надо было еще ехать и ехать. Сэм знал дорогу, как почти каждый в Уэллсе, поскольку Эндикотты считались местными богачами, но не был знаком с ними и не бывал у них в доме. Сидя за рулем, он старался составить фразы, в которых сообщит о случившемся. Это будет вовсе не просто. Почему-то ему представилось, что у гости Эндикоттов, дочери Мантоли, нет матери. Теперь она осталась совсем одна, если, конечно, еще не замужем. Наверное, давно успела выскочить, решил он, итальянки рано выходят замуж, заводят кучу детей, и глядишь, уже растолстели.

Наконец дорога достигла вершины и закончилась небольшой стоянкой, рассчитанной, как Сэм быстро прикинул, на шесть, от силы восемь автомобилей. Он аккуратно поставил машину

и, ступив на землю, осторожно закрыл дверцу. Солнечные лучи казались здесь еще более яркими, но воздух, подумал он, все же попрохладней. Это было великолепное место. Несмотря на ответственность своей миссии, Сэм не смог удержаться от волнения при виде широкой панорамы Скалистых гор. Бесконечные вершины вздымали свои зубчатые пики до самого горизонта. Сэм направился к парадной двери, открывшейся прежде, чем он успел позвонить.

Его встретила женщина, которая сразу понравилась Сэму: с выражением гостеприимства и сдержанности на лице она ждала, когда он сообщит о своем деле. Ей было далеко за пятьдесят, но годы отнеслись к ее внешности с большой бережливостью. Спокойное, изящное полотняное платье создавало общую линию, считавшуюся модной лет тридцать назад, а красиво подстриженные и уложенные волосы обрамляли лицо, на котором не было заметных морщин. Она терпеливо ждала, когда Сэм подойдет к порогу.

– Миссис Эндикотт? – осведомился он, внезапно почувствовав, насколько зарос его подбородок за последние восемнадцать часов.

– Да, чем могу служить, сэр?

Сэм принял моментальное решение:

– Мне хотелось бы видеть мистера Эндикотта.

Грейс Эндикотт отступила на шаг и придержала дверь.

– Входите, – пригласила она. – Я его позову.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Сэм вошел в дом и последовал за хозяйкой в просторную светлую гостиную, левая стена которой была почти сплошь из стекла. Противоположную стену снизу доверху закрывали длинные полки, уставленные книгами и пластинками, – это было самое большое собрание, которое Сэм когда-либо видел.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – пригласила миссис Эндикотт и тут же вышла из комнаты. Сэм поглядел на глубокие, удобные с виду кресла и решил остаться на ногах. Он сказал себе, что все дело займет минут десять или того меньше, а там уж можно будет вернуться к машине и отправиться восвояси.

Вошел хозяин, и Сэм обернулся ему навстречу. Возраст Эндикотта был более заметен, чем у его жены, но он нес свои годы со спокойным достоинством. Это было трудно объяснить, но между ним и его домом существовало неуловимое сходство. Они были пригнаны друг к другу, как корабли и их капитаны. Пока хозяин не заговорил, Сэм успел подумать, что было бы хорошо, если бы его положение в обществе позволяло ему иметь таких вот друзей. Затем он вспомнил, что его сюда привело.

– Если не ошибаюсь, вы хотели со мной поговорить, – вступил в разговор Эндикотт.

– Да, сэр. Если не ошибаюсь, вы знакомы с мистером Мантоли? – Сэм знал, что это не слишком удачное начало, но отступать было уже поздно.

– Мы знакомы с ним очень близко. Надеюсь, он не попал в какую-нибудь неприятную историю?

Стесняясь в душе, что не сделал этого раньше, Сэм поднял руку и снял форменную фуражку.

– И да и нет, мистер Эндикотт. – Сэм покраснел. Теперь уже ничего не оставалось, как выложить правду. – Мне очень жаль, но я должен сообщить вам, что его убили.

Эндикотт оперся было о спинку кресла, потом медленно осел на сиденье; глаза его сошлись в какой-то далекой, невидимой точке.

– Энрико мертв. Невероятно.

Сэм неловко стоял и ждал, пока Эндикотт придет в себя.

– Это ужасно, – наконец произнес Эндикотт. – Он был самым близким и дорогим нашим другом. Сейчас у нас гостит его дочь. Я...

В глубине души Сэм проклял тот день, когда бросил гараж и пошел служить в полицию. Эндикотт повернулся к нему.

– Как произошел несчастный случай? – спросил он едва слышно.

На сей раз Сэм нашел более уместные слова.

– К несчастью, сэр, это не случай. На мистера Мантоли напали ранним утром, почти в самом центре города. Нам еще не известно, кто и как это сделал. Я обнаружил тело около четырех утра. – Сэму хотелось что-нибудь добавить. – Очень сожалею, что вынужден сообщить вам такие новости, – сказал он, пытаясь хоть как-то смягчить удар, который обрушился на сидящего перед ним человека.

– Вы хотите сказать, – осторожно подбирая слова, спросил Эндикотт, – что его убили намеренно?

Сэм молча кивнул, благодарный, что это произнесли за него. Эндикотт поднялся.

– Пожалуй, мне лучше сперва сообщить об этом жене, – сказал он. Сэму показалось, что человек перед ним внезапно почувствовал странную усталость: это было не утомление однодневного дня, а то изнеможение, которое въедается в кости и не проходит, словно болезнь.

– Присядьте, пожалуйста, – сказал Эндикотт и медленно вышел из своей красивой, эффектной гостиной; с его уходом Сэму показалось, будто она опустела.

Сэм разрешил себе присесть и опустился на краешек одного из глубоких удобных кресел. Теперь он то ли сидел на корточках, то ли стоял в неудобной согнутой позе, но это положение как нельзя больше соответствовало его душевному состоянию. Сэм попытался выкинуть из головы ту сцену, которая должна происходить сейчас в другой части дома. Он заставлял себя вглядываться в открывшуюся за стеклянной стеной величественную панораму, на которой лежал отблеск вечности.

Эндикотт вернулся в гостиную.

– Может быть, в подобных случаях необходимо что-нибудь такое... для чего потребуется моя помощь? – спросил он.

Сэм поднялся на ноги:

– Да, сэр. Мне... То есть нам известно, что дочь мистера Мантоли находится в этом доме, и, наверное, ее следует известить. Позже, когда она почувствует себя в силах сделать это, нам бы хотелось, чтобы она приехала официально опознать тело.

На какую-то секунду Эндикотт заколебался.

– Мисс Мантоли здесь. Но она еще отдыхает. Вчера вечером мы засиделись, обсуждая последние планы насчет музыкального фестиваля. – Он провел рукой по лбу. – Когда мисс Мантоли проснется, моя жена сообщит ей о случившемся. А кстати, разве есть какая-нибудь причина, из-за которой я не могу опознать тело? Мне бы хотелось избавить ее от этого. Это возможно?

– По-моему, вполне, – ответил Сэм. Он старался говорить очень сочувственно, но ему казалось, что звуки слетают у него с языка совсем не такими, как было бы нужно. – Можете поехать сейчас со мной, если хотите. Вас доставят обратно на полицейской машине.

– Хорошо, – согласился Эндикотт. – С вашего разрешения, я только предупрежу жену.

На обратном пути в город, каждую секунду ощущая рядом с собой присутствие Эндикотта, Сэм не сводил глаз с извилистой дороги и старался вести машину очень плавно и ровно. С такой же сверхосторожностью он подъехал к зданию муниципалитета с той стороны, где был вход в полицию, высадил своего пассажира, затем, все время держась на шаг сзади, последовал за ним по лестнице и дальше, через проходную, к столу дежурного.

Он уже собирался было попрощаться и получить разрешение отправиться домой, но, когда Эндикотт, предводимый Арнольдом, повернулся, чтобы идти в морг, Сэм передумал и пошел

рядом со стариком в надежде, что это хоть как-то его поддержит. Когда отдернули простыню и Эндикотт горестно склонил голову, Сэму стало совсем не по себе.

– Удостоверяю, что это тело маэстро Энрико Мантоли, – произнес Эндикотт и, исполнив свой долг, поспешно повернул к выходу. У стола дежурного он остановился. – Нельзя ли мне повидать начальника полиции? – спросил он.

Фрэд повернулся к селектору. Секунду спустя он кивнул, и Сэм, уловив, что от него требуется, показал дорогу.

– Мистер Эндикотт... мистер Гиллспи, – представил он, когда они вошли в кабинет.

Эндикотт протянул руку.

– Мы знакомы, – сказал он просто. – Я ведь член городского совета.

Гиллспи встал и торопливо вышел из-за стола.

– Конечно, конечно, мистер Эндикотт. Большое спасибо за то, что вы приехали. – Он было направился обратно к своему креслу, но потом повернулся:

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил он.

Джордж Эндикотт осторожно опустился на жесткий дубовый стул.

– Мистер Гиллспи, – начал он, – я убежден, что вы и ваши сотрудники сделаете все возможное, чтобы найти и наказать того, кто это совершил. Если вам в чем-то понадобится моя помощь, я прошу вас тут же звонить мне. Маэстро Мантоли был очень близким другом моей семьи, он и приехал сюда по нашему приглашению. Так что в какой-то степени мы виноваты в случившемся. Надеюсь, вы понимаете, что я сейчас переживаю.

Гиллспи достал блокнот и взял ручку с письменного прибора.

– Быть может, вы не откажетесь дать мне кое-какие сведения? – начал он. – Сколько лет было покойному?

– Энрико исполнилось сорок семь.

– Женат?

– Вдовец.

– Ближайшие родственники?

– Дочь Дьюна, его единственный ребенок. Сейчас она гостит у нас.

– Гражданство?

– Он гражданин Соединенных Штатов.

Гиллспи слегка нахмурился, затем его лицо прояснилось.

– Место рождения? – спросил он.

Эндикотт заколебался.

– Где-то в Италии. Не могу точно припомнить.

– Генуя, я полагаю, – тихо уточнил Вирджил Тиббс.

Оба повернулись и посмотрели на него. Первым заговорил Эндикотт.

– Маэстро Мантоли был вашим другом? – спросил он.

– Нет, я никогда не имел чести быть с ним знакомым, но по предложению мистера Гиллспи сегодня утром я осматривал тело.

Эндикотт, казалось, несколько растерялся.

– Вы... из похоронного бюро? – предположил он.

Тиббс отрицательно качнул головой. Ответить он не успел – в разговор вмешался Гиллспи:

– Это Вирджил, он следователь из Беверли-Хиллс, в Калифорнии.

– Из Пасадены, – уточнил Тиббс.

– Ну хорошо, из Пасадены. Какая разница? – В голосе Гиллспи прорвалось раздражение.

Джордж Эндикотт встал.

– Простите, я не расслышал вашей фамилии, – сказал он и протянул руку. Молодой негр

поднялся и пожал ее.

– Тиббс, – представился он.

– Очень рад познакомиться с вами, мистер Тиббс, – произнес Эндикотт. – Какого рода случаи вы расследуете?

– Совершенно различные, сэр. Я занимался наркотиками, дорожными происшествиями и кражами со взломом, но в основном я специалист по преступлениям против личности – убийствам, изнасилованиям и подобным крупным правонарушениям.

Эндикотт повернулся к Гиллспи.

– Интересно, как получилось, что мистер Тиббс оказался здесь? – спросил он.

Сэм Вуд заметил выражение, которое начинало проступать на лице Гиллспи, и понял: дело за ним.

– Это из-за меня, – сказал он. – Вирджил ждал поезда, а я задержал его и доставил как подозрительного. Его личность была установлена позднее.

– Полисмен Вуд действовал очень решительно, – добавил Тиббс, – он не оставил возможному убийце ни одного шанса на побег.

И тут впервые в жизни Сэм Вуд почувствовал, что ему нравится чернокожий.

Эндикотт вновь обратился к детективу из Пасадены.

– И надолго вы собираетесь задержаться в Уэллсе? – спросил он.

– До ближайшего поезда, – ответил Тиббс.

– А когда он прибудет?

– Если не ошибаюсь, в пятнадцать сорок.

Эндикотт наклонил голову в знак того, что он удовлетворен. Гиллспи смущенно заерзал в своем кресле. Сэм почувствовал, что ему надо исчезнуть. Мало-помалу до него начало доходить, что его начальник попал в скверную историю и в какой-то степени он был тому причиной. Сэм откашлялся, стараясь обратить на себя внимание.

– Сэр, – сказал он Гиллспи, – если я больше не нужен, мне бы хотелось привести себя в порядок и немного отдохнуть.

Гиллспи поднял глаза.

– Можете идти, – сказал он.

Усевшись за руль своего "плимута", купленного четыре года назад, Сэм Вуд подумал о том, что отношения между Биллом Гиллспи и чернокожим сыщиком становятся явно напряженными. Он не задавался вопросом, кто выйдет победителем из этого столкновения, но его начинало все больше и больше тревожить, что он может оказаться втянутым в самую гущу событий, если дела пойдут плохо.

Все еще занятый этими рассуждениями, он остановил машину возле своего маленького домика, вошел в дверь, торопливо сбросил одежду и полез под душ. На секунду ему пришла мысль немного подкрепиться, но он тут же сказал себе, что ничуть не голоден, и поскорее забрался в постель. Пижаму надевать не хотелось, он натянул на себя простыню и, несмотря на жару, духоту и тревогу, сразу же погрузился в сон.

Едва только Эндикотт отошел на приличное расстояние от дверей кабинета, Билл Гиллспи повернулся к Тиббсу.

– Какого черта, спрашивается, ты разеваешь свою черную пасть? – прорычал он. – Если мне понадобится, чтобы ты что-то сказал, я тебя попрошу. Пока ты не влез, опрос Эндикотта шел именно так, как мне было нужно. – Он сжал в кулак свою огромную руку и с силой потер о ладонь. – А теперь вот что: я хочу, чтобы ты немедленно убирался отсюда. Когда там придет следующий поезд, я не знаю и знать не желаю, – валяй на станцию и жди там. А как только он подойдет, неважно с какой стороны, прыгай в него, и точка. Отчаливай!

Вирджил Тиббс спокойно поднялся. В дверях кабинета он повернулся и посмотрел прямо в лицо здоровенному Гиллспи, который заполнял собой всю маленькую комнатку.

– Всего хорошего, сэр, – произнес он.

Уже на выходе его остановил дежурный:

– Вирджил, не ты утром оставил на вокзале коричневый фибровый чемодан? На нем еще инициалы В. Р. Т.?

Тиббс кивнул:

– Да, это мой. А где он?

– Его привезли сюда. Подожди пять минут, я закончу и принесу.

Ждать было довольно неприятно: выйдя из кабинета, Гиллспи мог увидеть, что он еще здесь, а Тиббсу этого не хотелось. Не то чтобы он боялся свирепого верзилы, но перспектива еще одного разговора казалась ему малопривлекательной. Тиббс оставался на ногах, вежливо давая понять, что не хочет здесь долго задерживаться.

Наконец через пять томительных минут дежурный возвратился с его чемоданом.

– Нельзя ли устроить, чтобы меня подбросили к станции? – спросил Тиббс.

– Узнай у шефа. Если он не против, так я и вовсе.

– Не надо, – коротко ответил Тиббс. Он поднял чемодан и пошел вниз по длинному ряду ступенек, которые вели на улицу.

Десять минут спустя в кабинете Гиллспи раздался телефонный звонок. Билла вызывали по линии, номер которой был известен лишь нескольким людям в городе. Он поднял трубку и коротко произнес:

– Гиллспи.

– Это Фрэнк Шуберт, Билл.

– Слушаю, Фрэнк. – Глава полиции сделал усилие, чтобы это прозвучало сердечно и искренне. Фрэнк Шуберт держал посудо-хозяйственный магазин и владел двумя заправочными станциями. А вдобавок к тому, он был мэром Уэллса и председателем небольшого комитета, который вершил судьбы города.

– Билл, от меня только что вышел Джордж Эндикотт.

– Да? – Голос Гиллспи поднялся почти до крика, и он тут же решил следить за собой повнимательней.

– Он приходил насчет цветного сыщика, которого откопал кто-то из твоих парней. И хотел, чтобы мы позвонили в Пасадену – узнать, нельзя ли одолжить его на несколько дней. Видишь ли, Джордж ужасно переживает смерть этого Мантоли.

– Да, вижу, – резко перебил Гиллспи. Он чувствовал, что с ним обращаются как с ребенком.

– Мы немедленно связались с Пасаденой, – продолжал Шуберт, – и Моррис, это их начальник полиции, сказал, что все в порядке.

Гиллспи тяжело перевел дыхание.

– Фрэнк, твоя помощь для меня очень много значит, но я только что избавился от этого малого и, честно говоря, не хочу, чтобы он возвращался. На моих парней я не жалуюсь, да и у меня самого есть кое-какой опыт. Прости, что я говорю тебе это, но Эндикотт крупный специалист лезть в чужие дела.

– Я тоже это заметил, – согласился Шуберт, – и к тому же он с Севера, а там они думают совсем иначе, чем мы. Но все-таки мне кажется, ты кое-что недоучитываешь.

– Что именно? – спросил Гиллспи.

– Это даст тебе возможность полностью оставаться в стороне. Эндикотт хочет, чтобы привлекли его черномазого приятеля. Ну и ладно, пусть так оно и будет. Предположим, он найдет того, кого вы ищете. Но он здесь никто, и ему придется передать все тебе. А если у него ничего не получится, ты все равно выйдешь сухим из воды, и каждый в городе будет на твоей стороне – вина целиком на нем. Так и так ты в выигрыше. А если откажешься от него и по каким-нибудь причинам не заарканишь убийцу достаточно быстро, Эндикотт сдерет с тебя скальп – ведь у него денег побольше, чем у любого другого в городе.

Гиллспи на миг прикусил нижнюю губу.

– Я только что вышиб его отсюда, – сказал он.

– Ну так верни, – посоветовал Шуберт. – В нем твое алиби. Будь с ним помягче, а там пусть хоть повесится. Если кто-нибудь упрекнет тебя, скажи, что действуешь по моим указаниям.

Гиллспи понял, что деваться некуда.

– Ладно, – неохотно произнес он и повесил трубку. Быстро поднявшись, он напомнил себе, что даже не знает, с чего начинать поиски преступника, и поэтому Вирджил Тиббс – действительно удачно подвернувшееся алиби, снимающее с его плеч всю ответственность за расследование. Хорошо бы в довершение ко всему подсунуть Тиббсу веревку, на которой он повесится, решил Гиллспи, сгибаясь в три погибели, чтобы сесть в автомобиль.

Он нагнал того, кто был ему нужен, за два квартала до станции. Тиббс как раз приостановился, чтобы переложить чемодан в другую руку, когда Гиллспи подкатил к тротуару.

– Вирджил, лезь-ка сюда, мне надо поговорить с тобой, – сказал он.

Тиббс послушно двинулся к машине, и тут Гиллспи внезапно стало не по себе. Вирджил прошел несколько кварталов по жаре, да еще с тяжелым чемоданом, и наверняка вспотел, а Гиллспи терпеть не мог запах, который, как он думал, обычен для всех черных. Он повернулся, поспешно опустил стекло и только тогда указал Тиббсу на переднее сиденье.

– Положи чемодан сзади, – сказал он.

Тиббс так и сделал, а затем сел в машину. К величайшему облегчению Гиллспи, от него не разило.

Гиллспи тронул машину с места и отъехал от тротуара.

– Вирджил, – начал он, – сегодня я был резок с тобой. – Ему показалось, что на этом лучше остановиться, и он умолк.

Тиббс не произнес ни слова.

– Твой друг Эндикотт, – продолжал Гиллспи, – говорил о тебе с мистером Шубертом, нашим мэром. А тот позвонил в Пасадену. Потом они проконсультировались со мной, и мы пришли к решению, что ты будешь расследовать убийство Мантоли под моим руководством.

В машине наступило молчание, которое тянулось, пока они не проехали следующие три квартала. Затем Тиббс нарушил тишину, тщательно подбирая слова:

– По-моему, мистер Гиллспи, мне стоит уехать отсюда, как вы предлагали, да и для вас так было бы удобнее.

Гиллспи повернул машину за угол.

– Ну а если бы твой шеф попросил тебя остаться? – осведомился он.

– Если бы мистер Моррис попросил меня, – живо отозвался Тиббс, – я бы поехал в Англию и выследил Джека Потрошителя.

– Ну так вот, мистер Моррис сообщил, что ты можешь на неделю задержаться у нас. Ты, понятно, не относишься к нашему управлению, поэтому придется тебе обойтись без формы.

– А я и так уже давно ее не ношу, – сказал Тиббс.

– Ну и порядок. А что тебе может понадобиться, как ты думаешь?

– Я провел всю ночь на ногах, и мне было не до того, как я выгляжу, – ответил Тиббс. – Если здесь есть отель, в который меня пустят, я бы хотел побриться, принять душ и переодеться. А если бы вы смогли что-нибудь устроить с транспортом, большего мне и не нужно. По крайней мере для начала.

Гиллспи на секунду задумался.

– Тут нет гостиниц, в которые тебя пустят, Вирджил, но в пяти милях по шоссе есть мотель для цветных. Ты можешь остановиться там. А у нас в запасе есть старый полицейский автомобиль, бери, я не против.

– Только, пожалуйста, не полицейский автомобиль, – попросил Тиббс. – Было бы гораздо лучше, если бы у вас оказался на примете торговец подержанными машинами, у которого найдется на время какая-нибудь развалюха. Я не хочу быть приметным.

Гиллспи подумал, что подвести Тиббса под петлю будет куда труднее, чем он поначалу вообразил.

– Кажется, я знаю одно такое место, – сказал он и развернулся на половине пути.

Они подъехали к гаражу за железной дорогой. Здоровенный негр вышел навстречу.

– Джесс, – повелительно произнес Гиллспи, – это Вирджил, он у меня работает. Дай ему напрокат машину, в общем, устрой что-нибудь. На неделю или около того. Может быть, какую-нибудь из тех, которые ты чинил, лишь бы кое-как ползала.

– Все, что я чинил, хорошо ползают, – отозвался Джесс. – А кто будет за нее отвечать?

– Я, – произнес Тиббс.

– Тогда пойдем, – сказал Джесс и двинулся к гаражу.

Тиббс вылез из машины, взял чемодан с заднего сиденья и обратился к своему новому начальнику.

– Я явлюсь, как только приведу себя в надлежащий вид, – сказал он.

– Можешь не торопиться, – ответил Гиллспи. – До завтра ты не понадобишься. – Он резко нажал на стартер, и машина сорвалась с места, оставив за собой тучу пыли.

Тиббс поднял чемодан и вошел в гараж.

– Ты кто такой будешь? – спросил Джесс.

– Я полицейский из Калифорнии, Вирджил Тиббс.

Джесс обтер руки ветошью.

– Я и сам коплю деньги, чтобы двинуть на Запад. Хочу отвалить отсюда, – сообщил он, – только пока помалкиваю. Можешь взять мою машину. Я себе достану, если понадобится куда-нибудь съездить. А чем ты тут собираешься заниматься?

– Сегодня утром у вас в городе убили человека. Здешняя полиция не знает, как за это взяться, вот и впутали меня, чтобы было на кого свалить.

Предчувствие неизбежной беды омрачило круглое лицо Джесса.

– Как же ты сможешь вывернуться? – спросил он.

– Поймав убийцу, – ответил Тиббс.

Из-за жары и того, что Сэм лег в необычное для себя время, сон его был короток и беспокоен. К двум часам дня он уже встал и оделся. Потом приготовил сандвич из скудного набора продуктов, которые оказались под рукой, и просмотрел почту. Последнее из трех писем в маленькой пачке его корреспонденции Сэм вскрыл дрожащими пальцами. В конверте была записка на листке с типографским адресом и названием конторы и заполненный чек. Увидев его, Сэм забыл о своих волнениях по поводу убийства. Он сунул чек и письмо во внутренний карман, взглянул на часы и заторопился из дому. Для него вдруг стало очень важным успеть в банк до трех.

Час спустя Сэм заехал в полицейское управление узнать новости. Кроме того, сегодня выдавали жалованье. В дежурке Билл Гиллспи, к удивлению Сэма, мирно беседовал с Тиббсом.

Сэм взял со стола положенный ему чек, расписался в ведомости и, повернувшись, увидел, что Гиллспи ждет, когда он освободится.

– Вуд, вы не на дежурстве, я знаю, но тут нужно кое-что сделать. Вы не можете отвезти Вирджила к Эндикоттам – он хочет порасспросить дочь Мантоли.

Это был не вопрос, а смягченная форма приказа. Сэм не мог понять, с чего это вдруг Гиллспи стал так терпим к сыщику из Калифорнии, но осторожность подсказала ему, что сейчас не время и не место для расспросов. А работать он был даже рад – ему хотелось быть в гуще событий.

– Конечно, шеф, если это нужно.

Гиллспи с раздражением вдохнул воздух.

– Если бы это не было нужно, Вуд, я бы не просил тебя. У Вирджила есть машина, но он не знает дороги.

Ну почему вот, подумалось Сэму, всякий раз, когда он пытается быть вежливым с Гиллспи, новый начальник воспринимает это совсем наоборот? Он кивнул Тиббсу и на секунду заколебался: поехать на своей машине или взять патрульный автомобиль, который стоит во дворе? Правда, он не надел форму... Решение пришло внезапно: в любом костюме он остается полицейским и поэтому может вести служебную машину. Он двинулся к выходу, Тиббс следом. Когда Сэм занял место водителя, Тиббс открыл противоположную дверцу и уселся рядом. Какое-то мгновение Сэм не знал, что на это сказать, а затем решил промолчать и нажал на стартер.

Когда они выбрались из города и, минуя предместья, ехали по дороге, ведущей к горному гнезду Эндикоттов, Сэм поддался сжигавшему его любопытству.

– Похоже, что шеф переменяет к тебе отношение, – заметил он и тут же подумал, не слишком ли это прямо или чересчур по-приятельски, а может быть, и то и другое.

– Понимаю, вас это должно удивлять, – ответил Тиббс. – Мое присутствие стесняло мистера Гиллспи, и, признаться, я поступил не совсем правильно, вмешавшись в беседу, которую он вел.

– Что верно, то верно, – сказал Сэм.

Тиббс пропустил замечание мимо ушей.

– Короче говоря, мистер Гиллспи поручил мне в течение ближайших дней помочь разобраться в деле Мантоли. Разумеется, с одобрения и разрешения моего прямого начальства.

– А в каком качестве? – не удержался Сэм.

– Ни в каком, мне попросту разрешили приложить руку, только и всего. И у меня масса возможностей накинуть на себя петлю.

Бетон кончился, и машина въехала на гравий.

– Надеешься справиться? – спросил Сэм.

– Могу представить кое-какие отзывы, – ответил Тиббс.

– Если из Калифорнии, они здесь ни к чему, – заметил Сэм.

– Из Калифорнии, – согласился Тиббс. – Из Сан-Квентина*.

Тут Сэм решил прекратить разговор и ехать молча.

Когда дом Эндикоттов распахнул перед ним свои двери уже второй раз за сегодняшний день, на пороге, как и прежде, стояла хозяйка. Теперь она была в простом черном платье. И хотя миссис Эндикотт не улыбалась, Сэм вновь почувствовал ее приветливую доброжелательность.

– Рада видеть вас, сэр, – сказала она. – К сожалению, не знаю вашего имени.

– Сэм Вуд, мэм.

Ее рука коснулась его ладони.

– А тот джентльмен, я уверена, мистер Тиббс. – Так же мимолетно миссис Эндикотт дотронулась до руки негра. – Входите, пожалуйста, – пригласила она.

Следом за хозяйкой Сэм двинулся в просторную, эффектно обставленную гостиную и, войдя в нее, увидел, что кроме Эндикотта здесь еще двое – мужчина и девушка. Они держались за руки, но Сэм сразу почувствовал: девушка к этому не стремилась. Мужчины поднялись навстречу вошедшим.

– Дьюна, разреши представить тебе мистера Тиббса и мистера Вуда. Джентльмены, это мисс Мантоли. И мистер Эрик Кауфман, помощник маэстро Мантоли и его импресарио.

Мужчины пожали друг другу руки. Сэм тут же перестал интересоваться Кауфманом. Было заметно, что этот молодежавый человек стремится казаться старше, выше и значительнее, чем он есть на самом деле.

С девушкой все было иначе. Она продолжала спокойно сидеть на месте, и, бросив на нее осторожный взгляд, Сэм решительно переменял свои представления об итальянках. Она не только не казалась толстой, но и не было похоже, что это когда-нибудь с ней случится. Сэм отметил, что она относится к тому типу, который всегда ему нравился, – брюнетка с коротко подстриженными волосами. И эта девушка только сегодня утром узнала о том, что ее отец жестоко убит, напомнил он себе. Его словно толкнуло к Дьюне – хотелось подойти, нежно обнять ее за плечи и сказать, что все еще как-то наладится.

Но жизнь Дьюны не могла так просто наладиться – для этого нужно слишком долгое время. Сэм все еще думал о ней, когда Вирджил Тиббс со спокойным достоинством взял на себя начало разговора.

– Мисс Мантоли, – сказал он, – у нас есть единственное оправдание за то, что мы беспокоим вас в такое время. Ваша помощь необходима, чтобы найти и наказать преступника. Вы способны сейчас ответить на несколько вопросов?

Девушка подняла на него покрасневшие, заплаканные глаза, затем опустила ресницы и молчаливым кивком показала на кресло. Сэм сел, испытывая громадное облегчение, – ему больше всего хотелось уйти на задний план, пусть Тиббс сам ведет дело.

– Пожалуй, нам будет легче всего начать с вас, – сказал Тиббс, поворачиваясь к Эрику Кауфману. – Вы были здесь вчера вечером?

– Да, был... то есть не до конца. Я ушел в десять – мне было нужно в Атланту. Сами знаете, это не близкий путь, а у меня там были дела, назначенные на раннее утро.

– Вы всю ночь провели в дороге?

– О нет. Я был на месте около половины третьего. Остановился в отеле, чтобы хоть немного поспать, успел снова подняться и брился, когда... когда мне позвонили отсюда, – закончил он.

Тиббс повернулся к Дьюне, сидевшей, опустив голову и уронив на колени крепко сжатые

руки. Когда Тиббс заговорил, его голос немного изменился. Он был по-прежнему спокойным и ровным, но все же в нем чувствовалось скрытое сострадание.

– Вам не известны какие-нибудь неудачливые коллеги вашего отца, которые могли бы... не слишком радоваться его успехам?

Девушка подняла глаза.

– Нет, определенно нет, – ответила она. Голос ее звучал слабо, но слова были ясными, твердыми и отчетливыми. – Я хочу сказать, это действительно так. Здешний фестиваль – целиком его идея... – Она говорила все тише и тише и наконец умолкла, даже не попытавшись закончить предложение.

– Ваш отец имел обыкновение носить при себе солидные суммы денег? Скажем, больше двухсот долларов?

– Иногда, в дороге. Я пыталась заставить его перейти на аккредитивы, но ему казалось, что с ними слишком много хлопот. – Она взглянула на Тиббса и в свою очередь задала вопрос:

– Что же, его убили из-за нескольких долларов?.. – В голосе Дьюны слышалась горечь, губы дрожали. И на глаза вновь набежали слезы.

– Я сильно сомневаюсь в этом, мисс Мантоли, – ответил Тиббс, – тут есть еще по крайней мере три серьезные версии, которые нужно тщательно проверить.

В разговор вмешалась Грейс Эндикотт:

– Мистер Тиббс, мы вам очень признательны за все, что вы делаете для нас, но нельзя ли избавиться от этого Дьюну, может быть, мы сумеем и сами ответить на большинство ваших вопросов? Она потрясена случившимся, и я убеждена, вы это хорошо понимаете.

– Конечно, конечно, – согласился Тиббс. – Я могу поговорить с мисс Мантоли, когда она немного оправится от удара, а может быть, этого и вообще не понадобится.

Грейс Эндикотт ласково прикоснулась к руке Дьюны.

– Тебе надо пойти прилечь, – сказала она.

Девушка встала, но отрицательно покачала головой.

– Лучше я немного побуду на воздухе, – ответила она. – Жарко, но я все-таки выйду.

Ее собеседница все поняла.

– Я принесу твою шляпу, – сказала она, – или что-нибудь другое прикрыть голову от солнца. Это просто необходимо.

Когда обе женщины удалились, Джордж Эндикотт произнес:

– Мне не хочется отпускать ее одну. Мы живем достаточно уединенно, и до тех пор пока все не выяснится, я бы предпочел избегать осложнений. Эрик, будь добр... – Но тут ему пришлось остановиться.

Сэм Вуд ощутил внезапный порыв, какой еще никогда не испытывал. Он стремительно поднялся на ноги.

– Разрешите мне, – вызвался он.

Сэм был почти вдвое крупнее Кауфмана, а кроме того, в форме или в штатском, он оставался представителем закона. Это был его долг.

– Меня нисколько не затруднит... – начал Кауфман.

– Возможно, вы будете нужны здесь, – напомнил ему Эндикотт.

Сэм расценил это замечание как ответ на его предложение. Он кивнул Эндикотту и двинулся к входной двери. Сэм прекрасно понимал, что сейчас, в солнечный яркий день, нет никакой опасности, и почти сожалел об этом; кроме того, он предпочел бы предстать перед девушкой в полной форме, с пистолетом на поясе, чтобы она почувствовала в нем своего защитника. А так он был просто здоровенный мужчина в обычном костюме. Наконец появились миссис Эндикотт с Дьюной. Девушка была в легкой широкополой шляпе и, несмотря на свое

горе, выглядела так привлекательно, что это казалось даже не совсем ко времени. Сэм вздохнул.

– Я провожу вас, мисс Мантоли, – решительно произнес он.

– Вы очень любезны, – отозвалась Грейс Эндикотт.

Сэм придержал дверь, пропуская Дьюну. Не проронив ни слова, девушка обошла дом и ступила на узенькую тропинку, которая сбегала по пологому склону и через две-три сотни футов привела их к маленькой крытой терраске, о существовании которой Сэм и не подозревал. Устроенная в небольшой ложбине, она была спрятана от взглядов почти со всех сторон. В глубине стояла скамейка, так что, сидя на ней, можно было любоваться Скалистыми горами, оставаясь невидимым.

Дьюна осторожно опустилась на скамейку и подобрала юбку, давая понять, что Сэму позволено сесть рядом. Он сел, положил руки на колени и устремил глаза к вершинам, уходившим вдаль на многие и многие мили. Ему стало понятно, почему Дьюну потянуло сюда, они словно повисли на краю вечности, и, глядя на молчаливые каменные громады, было невозможно избавиться от чувства, что дальше, за горизонтом, цепи гор продолжают без конца. Несколько мгновений они провели в полной тишине, затем Дьюна без всякого вступления спросила:

– Это вы нашли моего отца?

– Стоит ли сейчас говорить об этом? – ответил Сэм вопросом на вопрос.

– Я должна это знать, – сказала девушка. – Вы его нашли?

– Да, я.

– Где это было?

Сэм на секунду заколебался.

– На шоссе. Прямо посередине.

– Может быть, его сбила машина?

– Нет. – Сэм помолчал, раздумывая, что еще можно сказать, щадя ее чувства. – Удар нанесен сзади, тупым предметом. Рядом лежала его палка. Я хочу сказать, его трость. Орудием убийства могла быть и она.

– Он... – Дьюна запнулась, осторожно подыскивая слова. – Это случилось мгновенно? – Впервые она повернула голову и посмотрела ему в глаза. Сэм кивнул:

– Да, он даже ничего не успел понять. И вовсе не почувствовал боли, я в этом совершенно уверен.

Ее длинные, тонкие пальцы впились в скамейку, и она вновь устремила свой взгляд на величественную панораму гор.

– Он не был очень значительным или важным человеком, – сказала она, наполовину обращаясь к молчаливым вершинам. – Он всю жизнь трудился в надежде на счастливый случай, который поможет ему занять свое место в музыкальном мире. И таким шансом мог стать фестиваль. Это очень трудная доля – жизнь музыканта, и в ней почти невозможно чего-то достичь, если вовремя не почувствовать, какая школа, какое направление идет в гору. Кто бы ни был тот человек, который убил моего отца, он убил все его неосуществленные мечты и надежды. – Она умолкла, продолжая смотреть перед собой.

Сэм украдкой глядел в ее сторону и был зол на себя за то, что в такие минуты думает, как она привлекательна. Ему отчаянно хотелось предложить ей свою защиту, держать ее руку в утешающем пожатии, и пусть она выплачется на его широком плече, если это может принести ей какое-то облегчение. Но на это он, разумеется, не мог отважиться, самое большее – это попытаться выразить свои чувства словами.

– Мисс Мантоли, мне хочется сказать, может, это послужит хоть слабым утешением... Каким бы трудным ни оказалось расследование, каждый человек в нашем полицейском

управлении готов сделать все, что от него зависит, чтобы найти и наказать преступника. Это, конечно, не слишком утешит вас, но, быть может, чуть-чуть поддержит.

– Вы очень добры, мистер Вуд, – сказала Дьюна, и было похоже, что в этот момент она думает совсем о другом. – Присутствие мистера Тиббса у вас воспринимают как помеху? – неожиданно спросила она.

Сэм на секунду наморщил брови.

– По правде говоря, на это трудно ответить. Я, честно сказать, затрудняюсь.

– И все дело в том, что он негр...

– Да, все дело в том, что он черный. Вы ведь знаете, как у нас к этому относятся.

Почувствовав на себе спокойный и твердый взгляд девушки, Сэм испытал неожиданное чувство, которое был не в силах понять.

– Да, я знаю, – сказала она. – Некоторые не любят и итальянцев – им кажется, будто мы совсем иначе устроены. О, конечно, они готовы сделать исключение для Тосканини или Софи Лорен, ну а все оставшиеся годятся только в разносчики овощей да еще в гангстеры. – Она небрежно откинула волосы рукой и, отвернувшись от него, устремила глаза на горы.

– Может быть, нам стоит вернуться, – предложил Сэм, испытывая мучительную неловкость.

Девушка поднялась на ноги.

– Пожалуй, вы правы, – сказала она. – Спасибо, что побыли со мной.

Когда они подходили к дому, дверь распахнулась и появился Эрик Кауфман. Он придержал дверь, пропуская шедшего следом Вирджила Тиббса, и с подчеркнутой вежливостью пожал ему руку. Даже Сэму стало понятно, что все это делается на публику.

– Мистер Тиббс, – произнес Кауфман достаточно громко, чтобы Дьюна и Сэм могли его слышать, – мне все равно, во что это обойдется и как вы будете действовать. Я человек небогатый, но не остановлюсь ни перед чем, чтобы узнать, кто убийца, чтобы этот тип был пойман и ответил за все. – Голос его прервался. – Пристукнуть из-за угла такого человека! И не оставить ему ни одного шанса выкарабкаться! Пожалуйста, сделайте все, что только возможно.

Сэм не мог бы сказать наверняка, насколько эта речь была искренней, а насколько рассчитанной на то, чтобы произвести впечатление на девушку. Кауфман, должно быть, хорошо ее изучил, подумал Сэм, и возможно... Он не позволил себе закончить. Странное, глупое желание охватило его: чтобы Дьюна, такая, как она есть, только сегодня появилась на земле и он первый встретился ей и взял под свою защиту.

Он почувствовал, что раскисает, и решил: хватит, пора взять себя в руки.

Вирджил Тиббс распрощался, и они сели в машину. Сэм включил зажигание, вывернул на дорогу, которая спускалась в город, и, когда они уже довольно далеко отъехали от дома, заговорил:

– Ну и как, что-нибудь выяснилось?

– Да, пожалуй, – ответил Тиббс.

Сэм подождал более подробного объяснения, но ему пришлось спросить еще раз:

– Что же именно, Вирджил?

– В основном прошлое Мантоли и предыстория музыкального фестиваля. Эндикотты вложили в эту затею большие средства. Они и обосновались здесь в надежде, что Уэллс станет вторым Тенглвудом или Вифлеемом, где проводится фестиваль памяти Баха. Случалось, что такие проекты приводили к заметному успеху.

– Большинству здешних это казалось чепухой, – сказал Сэм.

– Для самих Эндикоттов было неожиданностью, когда публика охотно откликнулась, – добавил Тиббс. – Я не очень хорошо разбираюсь в музыке, но, очевидно, Мантоли составил

программу, которая заинтересовала любителей разъезжать по концертам такого рода. По крайней мере, люди были готовы платить, и довольно прилично, чтобы целыми вечерами просиживать на складных стульях и бревнах, пока эта затея не будет иметь успеха и для них не поставят чего-нибудь поудобнее.

– И ничего поближе к делу? Ничего что может навести на след?

– Тут тоже кое-что есть, – неопределенно ответил Тиббс, потом добавил:

– Мистер Эндикотт просил поскорее перевезти тело в похоронное бюро.

Сэм подождал секунду-другую, и снова ему пришлось заговорить первому.

– А теперь что? – спросил он.

– Давайте вернемся в управление. Я хочу взглянуть на того задержанного парня. На Оберста.

– Я и забыл о нем, – признался Сэм. – А на что он тебе понадобился?

– Мне нужно поговорить с ним, – ответил Тиббс. – А дальше все будет зависеть от того, какую свободу действий даст мне Гиллспи.

Остаток пути они проехали молча. Вписывая машину в крутые повороты извилистой дороги, Сэм безуспешно пытался решить для себя, хочется ему или нет, чтобы сидящий возле него человек успешно справился с делом. Перед его мысленным взором возник яркий образ Дьюны Мантоли, затем, как в меняющихся кадрах проектора, он увидел Гиллспи и, не поворачивая головы, того самого негра, который сидел рядом. Вот что терзало его. Пусть бы на его месте оказался любой чужак, но мысль, что черный достигнет успеха в этом деле, была для него как зазубренный риф в бурном потоке. Они подъехали к полиции, а Сэм все еще не пришел ни к какому решению. Ему очень хотелось, чтобы преступление было раскрыто, но совершить это должен был человек, достойный его уважения, человек, на которого Сэм мог бы смотреть снизу вверх. Одна беда: ему некого было даже представить в такой роли.

Глава 6

Вирджил Тиббс остановился у стола дежурного и сообщил о своем желании увидеться с Оберстом. Затем он скрылся в направлении комнаты для цветных, предоставляя возможность взвесить просьбу и проконсультироваться с Гиллспи. Шеф куда-то вышел, и дежурному пришлось брать ответственность на себя. Тщательно перебрав в памяти данные ему инструкции, он наконец решился – вызвал Арнольда и сказал, чтобы тот провел Тиббса в камеру, где сидит Харви Оберст.

Когда стальная решетчатая дверь отодвинулась, пропуская Тиббса, Оберст привстал.

– Нечего его сюда совать, – запротестовал он. – Посадите его куда-нибудь еще. Мне тут не нужны всякие черн...

Стальная решетка с лязгом захлопнулась.

– А вот ты ему нужен, – с издевкой сообщил Арнольд и удалился.

Оберст плюхнулся на самый краешек жестких нар, Тиббс спокойно уселся по другую сторону. В одной рубашке с засученными рукавами и без галстука, он сидел молча, сложив на коленях худые темные руки, и не обращал внимания на Оберста. Проходила минута за минутой, но ни тот, ни другой не делали попыток вступить в разговор. Затем Оберст стал проявлять признаки беспокойства. Пошевелил руками, завозил ногами, потом заерзал на месте и, обретя голос, заговорил:

– С какой стати на тебе одежда белого?

Тиббс продолжал словно бы не замечать его присутствия.

– Я купил ее у белых, – наконец сказал он.

Теперь Харви Оберст повнимательней присмотрелся к своему соседу по камере и откровенно изучил его с ног до головы.

– Ты учился в школе? – спросил он.

Тиббс неторопливо кивнул:

– В колледже.

Оберст ощетинился:

– Думаешь, больно умный, а?

Вирджил Тиббс, по-прежнему не отрываясь, смотрел на свои сжатые пальцы.

– В общем, диплом мне дали.

На секунду вновь наступило молчание.

– Где это тебя пустили в колледж?

– В Калифорнии.

Оберст переменял позу, забравшись с ногами на жесткие доски.

– Они там и сами не знают, что делают.

Тиббс пропустил замечание мимо ушей.

– Кто такая Делорес Парди? – спросил он.

Оберст подался вперед.

– Не твое дело, – отрезал он. – Она белая девушка.

Тиббс расцепил руки, откачнулся назад и, точно так же, как Оберст, положил ноги на нары.

– Либо ты будешь отвечать на мои вопросы, – сказал он, – либо пеняй на себя, если тебя вздернут за убийство!

– Ты бы не шлепал губами, черномазый, не тебе меня приговаривать, – окрысился Харви. – Ты ноль без палочки и всегда им останешься. Школа или там колледж не сделали тебя белым, ты и сам это прекрасно знаешь.

– А я и не особенно хочу быть белым, – сказал Тиббс. – Да и потом, белый ты или черный – какая разница, если болтаешься на веревке? А когда уж повалеешься в земле что-нибудь с годик или чуть больше, считая с этого дня, никто и не вспомнит, какого цвета была твоя кожа, и всем будет в высшей степени наплевать на это. Ее уже вовсе не станет. Тебе этого хочется?

Оберст подтянул колени к груди и обхватил их руками, словно защищаясь.

– Кого ты из себя корчишь, черт тебя подери? – бросил он Тиббсу. Но в его голосе чувствовался страх, а вовсе не высокомерие, которое ему хотелось придать своим словам.

– Я полицейский. Ищу человека, убившего того, чьи деньги ты прикарманил. Хочешь верь, хочешь нет, но это так и есть. И между прочим, кроме меня, тут никто не думает, будто ты можешь быть не причастен к убийству. Так что уж лучше держись за меня – я твой единственный шанс в этом деле.

– Никакой ты не полицейский, – помолчав, сказал Оберст.

Тиббс полез в карман рубашки и вытащил маленькую белую карточку в пластиковой обложке.

– Я работаю в Пасадене следователем, можешь считать сыщиком, если тебе понятней. Меня одолжили на время здешнему полицейскому управлению, чтобы найти, кто убил Мантоли – того, на которого ты наткнулся. И хватит вопросов. Либо ты ставишь на меня, либо тебя будут судить за убийство.

Оберст хранил молчание.

Тиббс выдержал томительную паузу.

– Кто такая Делорес Парди? – вновь спросил он.

Оберст решил:

– Она живет рядом со мной. Там таких навалом.

– Сколько ей лет?

– Шестнадцать, скоро семнадцать.

– Знаешь, как у нас таких называют? Санквентинские перепелочки.

Оберст живо откликнулся:

– Я попал с ней в одну историю, но вовсе не так, как ты думаешь.

– Что же случилось?

Оберст ничего не ответил.

– Я ведь могу пойти и посмотреть в твоём деле, – напомнил Тиббс. – Но я предпочитаю услышать это от тебя.

Оберст признал поражение:

– Эта Делорес, она хоть и молоденькая, но уже сложена будь здоров, сметана, как скирда, если понимаешь, что это значит. В общем, есть за что подержаться.

– Таких много, – заметил Тиббс.

– Да, но эта Делорес прямо лопается от гордости из-за того, с чем родилась на свет. Она до смерти любит выставлять себя напоказ. Ну, пошли мы с ней погулять к пруду Кларка. Я не собирался делать ничего такого, очень мне нужна эта семейная каталажка.

Тиббс кивнул.

– Ну и вот, она с чего-то спросила, как я думаю, хорошая у нее фигура? А когда я сказал "хорошая", ей взбрело показать все в натуре.

– Это была ее идея? – спросил Тиббс.

– Во-во, как ты сказал, ее идея. Я не подначивал и не думал вовсе, я просто не стал ее останавливать.

– Не много найдется таких, которые бы тебя осудили, но это было довольно рискованно.

– Пожалуй. В общем, она уже наполовину разделась, как вдруг из-за кустов вылез фараон.

И меня забрали.

– А что с девушкой?

– Ее отослали домой.

– Ну а дальше?

– Подержали меня и отпустили. Еще сказали, чтобы больше я с ней не путался.

– Ты ее видел с тех пор?

– Ясное дело. Она живет на углу Поулк-стрит, в полквартале от меня. Я вижу с ней всю дорогу. Она зовет прогуляться еще разок.

– Это все?

– До капли. Так что вытащи меня из этого дела, а?

Чтобы размять затекшие мускулы, Тиббс встал, взялся за стальную решетку двери и всем телом откинулся назад.

– Ты каждый день бреешься? – спросил он.

Удивленный Оберст потрогал свой подбородок.

– В общем-то да. Только вот сегодня пропустил. Я и так всю ночь не спал.

– С чего бы это?

– Ходил в Кенвилл повидаться с одним знакомым. Мы... пару раз встречались.

– И что же, ты очень поздно возвращался?

– Да, что-нибудь около двух. Может, и еще позже. Тут-то я и наткнулся на этого типа на дороге.

– Что же ты сделал? Только говори, как есть, и не старайся угадать, что мне хочется от тебя услышать. Просто расскажи, как было на самом деле.

– Ну, этот малый лежал вниз лицом на дороге. Я подошел взглянуть, нельзя ли чем помочь. Но он был уже мертв.

– С чего ты это решил?

– Я просто знал, и все тут.

– Дальше. – Ну, потом я увидел бумажник, он валялся чуть в стороне, футах в четырех, может, в пяти.

Вирджил Тиббс подался вперед.

– Это очень важный момент, – с нажимом произнес он. – По мне, все одно, поднял ты бумажник или вытащил из кармана – тут нет никакой разницы. Но ты абсолютно уверен, что нашел его на дороге рядом с трупом?

– Клянусь! – ответил Оберст.

– Ну и ладно, – отступил Тиббс. – Что было дальше?

– Я поднял его и заглянул внутрь. Там была куча денег. Вот я и подумал: ведь ему они больше не нужны, а если оставить бумажник на месте, его ухватит первый, кто пойдет следом.

– Похоже на правду, – согласился Тиббс. – А теперь скажи, как ты с ним засыпался?

– Ну, я не мог быть спокоен насчет этого – из-за малого, которого убили. Стоило кому-нибудь увидеть у меня этот бумажник, мне бы греметь со страшной силой, вот я и пошел к мистеру Дженнингсу. Это заведующий банком, а знакомы мы потому, что я работал у него в выходные. Я ему все и выложил. А он сказал, что о таких делах надо сообщить куда следует, и позвонил фараонам. В общем, меня засадили. И даже не знаю, что теперь будет.

Тиббс выпрямился.

– Предоставь это мне, – сказал он. – Если только твоя история не ползет по швам, у тебя все будет нормально. – Повысив голос, чтобы быть услышанным в коридоре, он позвал Арнольда и молча подождал, когда тот придет и выведет его из камеры.

Чуть позже Тиббс зашел в бюро погоды и изучил записи осадков за последний месяц.

Билл Гиллспи оторвал глаза от стола и увидел в дверях кабинета своего нового помощника из Пасадены. Биллу было совсем не по душе разговаривать с Тиббсом, да и вообще с кем бы то ни было. Все, что ему хотелось, – это пойти домой, принять душ, чем-нибудь подкрепиться и улечься в постель. Рабочий день уже подходил к концу, а он был на ногах с самого рассвета.

– Ну, что там еще? – спросил он.

Тиббс подошел довольно близко к столу, но садиться не стал.

– Поскольку вы поручили мне вести следствие, мистер Гиллспи, я бы просил вас выпустить Харви Оберста.

– С какой стати? – с вызовом спросил Гиллспи.

– Он не причастен к убийству, я в этом уверен, и, надо сказать, по более серьезным причинам, чем выдвинул перед вами утром. У вас, правда, есть формальные основания держать его под замком за ограбление трупы – ведь он поднял бумажник, но я переговорил с мистером Дженнингсом из городского банка и услышал подтверждение, что Оберст, как и рассказывает, принес свою находку к нему, по крайней мере, попросил совета на этот счет. Если защита получит в свидетели такого уважаемого гражданина, добиться осуждения Оберста будет попросту невозможно.

Гиллспи махнул рукой в знак того, что снимает с себя ответственность.

– Хорошо, пусть катится на все четыре стороны. Тебе отвечать. А на мой взгляд, он серьезный подследственный.

– Мне не нужен подследственный, – сказал Тиббс. – Мне нужен убийца. Оберст не тот, кого мы ищем, я в этом совершенно уверен. Благодарю вас, сэр.

Тиббс удалился из комнаты, и Гиллспи с некоторым удовлетворением отметил, что по крайней мере ему известно, как и когда вставить "сэр". Он встал с кресла и хмуро поглядел на бумаги, лежащие на столе. Затем пожал плечами и пошел к проходной. Отвечать за это придется Вирджили, он, Гиллспи, ни при чем, что бы там ни случилось.

Сразу же после полуночи Сэм Вуд сел за руль патрульного автомобиля, взглянул на отметку бензина, чтобы проверить, полон ли бак, и выехал с полицейской стоянки. Впереди было восемь часов привычного одиночества в городе, который скоро уснет, но в эту ночь все казалось другим. Где-то здесь, возможно совсем рядом, притаился убийца. Тот, для которого жизнь человека значит меньше, чем его минутные побуждения.

Сегодня, как никогда, надо быть начеку, решил Сэм, поворачивая на запад по своему обычному маршруту. На какое-то мгновение он забылся и позволил воображению нарисовать приятную картину: он ловко заманивает и ловит убийцу, вина которого настолько очевидна, что это выясняется уже по дороге в полицию...

"Нет, так легко это не получится", – сказал себе Сэм. Все сейчас на стороне убийцы. Невидимый, неведомый, он мог спрятаться и напасть в любую минуту, в любом месте, по своему выбору. И кто знает, думал Сэм, может, неизвестный убийца возьмет и решит, что он, Сэм, видел чересчур много. Тогда этой ночью убийца выйдет на охоту за ним. Сэм незаметно опустил руку и впервые с тех пор, как надел полицейскую форму, ослабил застежку на кобуре. Да, это будут долгие восемь часов.

Пока машина петляла по пустынным молчаливым улицам, Сэму неожиданно пришла в голову идея. Воплощение ее было связано с риском и явным превышением полномочий. Это даже могло быть квалифицировано как пренебрежение служебным долгом. Несмотря на все "против", он почти в тот же миг понял, что так или иначе пойдет на это. Он резко свернул за угол и повел машину по дороге, которая поднималась к дому Эндикоттов.

Когда колеса автомобиля зашуршали по гравию, Сэм был преисполнен непреклонной решимости. Мантоли убит, и никто не знает почему. Неведомая причина могла затрагивать и

его дочь. Сэм подумал о девушке, которая сидела вчера в такой близости от него, глядя на горные вершины, и ему почти захотелось, чтобы убийца опять попытался подкрасться и нанести удар, но не раньше, чем он, Сэм, окажется рядом.

Город остался далеко внизу, и воздух показался прохладнее и чище. Включив фары, Сэм с заправской ловкостью вел машину по извилистой дороге, наполовину заходившей во владения Эндикоттов.

Мерцание света на белых столбиках вдоль обочин предупредило Сэма, что какой-то автомобиль едет навстречу.

В том месте, где дорога была чуть пошире, Сэм свернул к обочине, включил подфарники и стал ждать. Чтобы быть наготове, он потянулся за карманным фонариком, висевшим на рулевой колонке, и взял его в левую руку. Фары приближающегося автомобиля отбрасывали в небо все более яркий отсвет и наконец показали из-за поворота, и в тот же момент Сэм, будто что-то толкнуло его, включил стоп-сигнал. Водитель встречной машины нажал на тормоза и остановился у противоположной обочины. Сэм ослепил его вспышкой фонарика и, когда водитель, защищая глаза, вскинул руку, узнал Эрика Кауфмана.

– Что вы делаете здесь на дороге в такой час? – потребовал Сэм.

– Я еду в Атланту. А что такое?

Сэм почувствовал в его голосе скрытую враждебность и насторожился.

– Вы всегда выезжаете в Атланту после полуночи?

Кауфман высунулся из машины.

– Какое вам до этого дело? – спросил он.

Сэм стремительно шагнул вперед и оказался вплотную к Кауфману. Его правая рука покоилась на рукоятке пистолета.

– Может, вы случайно забыли, – сказал он, отдельно выговаривая каждое слово, – но еще не прошло и суток, как в нашем городе было совершено убийство. И пока виновный не пойман, дела каждого – наше дело, особенно если кто-то отправляется по ночам в дальние поездки. А теперь я жду вашего ответа.

Кауфман провел рукой по лицу.

– Прошу прощения, сэр, – извинился он. – Я выбит из колеи, и вы, конечно, понимаете почему. Я только что от Эндикоттов, мы обсуждали проблемы, связанные с фестивалем. Поскольку в него уже вложено порядочно местных средств, мы решили продолжать дело, несмотря на то что Энрико мертв. Если отложить на год, кто знает, может, и мы все умрем. Простите, я неудачно выразился. – Кауфман сделал усилие, пытаясь овладеть собой. – В общем, я решил поехать в Атланту и выяснить, нельзя ли договориться с каким-нибудь дирижером, способным заменить маэстро, а кроме того, мне нужно заняться оркестром. В этом отношении все уже было сделано, но из-за того, что произошло, может быть, придется начинать сначала.

Сэм немного смягчился:

– Все это прекрасно, но к чему выезжать так поздно? Если вспомнить, что вы рассказывали мне и Вирджилу, вам совсем не удалось выспаться прошлой ночью. Вряд ли вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы вести машину.

– Тут вы правы, – согласился Кауфман. – Честно сказать, я уехал, чтобы никому не мешать. Единственную комнату для гостей занимает Дьюна, и как раз сейчас ей особенно нужен покой. Самое разумное для меня было сесть в машину, немного отъехать от города и остановиться в мотеле. Рано утром я могу отправиться дальше и к двенадцати быть в Атланте. У вас этот план вызывает какие-нибудь возражения?

Сэм понял, что объяснение выглядит вполне правдоподобно, а кроме того, ему не хотелось, чтобы личная неприязнь к человеку как-то сказалась на его решении. И еще он вспомнил, что

эта затерянная горная дорога вовсе не входит в район его патрулирования. Свой-то район он как раз и бросил. И если убийца сейчас подкрадывается к очередной жертве...

– Как дела там, у Эндикоттов? – спросил он.

– Все нормально. Обстановка, конечно, напряженная, но ничего страшного. А вы к ним? Ваш поздний приезд наверняка их взволнует, а может, и испугает. Я бы не ездил на вашем месте, если нет особой необходимости.

Сэм жестом показал Кауфману, что он его не задерживает.

– Будьте осторожней, – предупредил он, – и не вздумайте проезжать мотель, обязательно постарайтесь вздремнуть. Иначе может случиться, что и вы окажетесь в морге рядом с вашим хозяином.

Кауфмана передернуло, но он смолчал.

– Ладно. Я последую вашему совету. Поезжайте за мной, если это вам кажется нужным. Но только не беспокойте их, они столько перенесли за сегодняшний день, что просто страшно подумать.

Он нажал на стартер и отвел свой пикап от обочины. Сэм молча смотрел ему вслед и, лишь когда Кауфман отъехал на порядочное расстояние, осторожно развернул машину на узкой дороге и поехал за ним.

Притормаживая и стараясь держаться на второй скорости, Сэм размышлял о том, что Кауфман с Дьюной, наверное, близкие друзья, по крайней мере у него была возможность часто видеться с ней, а при той кочевой жизни, которую вели эти люди, он мог быть единственным, кого она хорошо знала. Это предположение привело Сэма в бешенство. Он видел девушку только раз, в тот день, когда она потеряла отца, и все же его не покидало чувство, что он вправе проявлять беспокойство и заботу о ней.

Машина въехала на городскую мостовую, и ее перестало трясти. Это вернуло Сэма к мысли об убийце, который разгуливает на свободе где-то тут, в городе. По крайней мере существовала большая вероятность, что он еще здесь. Пустынные улицы тонули во мраке, и пятна света над редкими фонарями выглядели тоскливо и одиноко. Сэму вновь пришло в голову, что убийце не найти лучшей мишени, чем он; в жаркую духоту ночи вполз какой-то зловещий холодок и затаился в темноте выжидая.

Недавно Сэм читал о чем-то похожем. И в книжке ему попало слово, такое странное и необычное, что Сэм счел своим долгом посмотреть его в словаре. Теперь он не мог вспомнить, что это за слово, но в одном был уверен: оно начиналось с "м". И как бы там ни было, то, что оно значило, висело сейчас в воздухе.

Сэм не был трусом. Подгоняемый сознанием долга, он совершил тщательный круг по городу. Когда это было позади, он из осторожности перенес на другое место свою обычную остановку для составления рапорта. Нет уж, он не будет испытывать судьбу, как всегда останавливаясь против аптеки: неизвестный, изучивший все ночные передвижения Сэма, мог поджидать его там. Закончив составлять свой подробный отчет, Сэм положил планшетку, и вдруг его охватило странное ощущение, будто что-то подкралось сзади и надавило ему на шею. Он рывком послал машину вперед и с необычной для себя скоростью погнал к ночной закуской, к ее спасительным ярким огням.

Допив свое имбирное пиво, Сэм завершил завтрак куском лимонного пирога и возвратился к машине и к спящему городу, защищать который было его долгом. Ощущение, что за ним постоянно кто-то следит и что порой опасность совсем-совсем близко, не покидало его, пока редкие просветы на небе не сменились пылающей утренней зарей. В восемь часов Сэм с мастерской точностью ввел свою машину на стоянку перед полицейским управлением. Уж этой-то ночью он отработал свое жалованье.

Билл Гиллспи с нетерпением ждал, когда в трубке послышится ответ на его междугородный вызов. В обычное время он поручил бы кому-нибудь эту будничную проверку, но сегодня у него были свои причины потерпеть и сделать все самому. Что бы теперь ни случилось, Вирджил Тиббс оставался его алиби, по выражению Фрэнка, но ему не хотелось отсиживаться за чужой спиной – он сам поймает убийцу. К телефону подошел служащий отеля.

– У вас останавливался некий Эрик Кауфман?

– Да, сэр.

– Вам ведь ясно, кто это говорит? Так вот, сообщите все, что вы знаете, о действиях Кауфмана позапрошлой ночью. Когда зарегистрирован, в какое время приехал и тому подобное. Говорите как можно подробнее. Одну минутку...

Гиллспи пододвинул линованный блокнот. "Кауфман", – надписал было он верхний листок, но вовремя остановился. Кто-нибудь может увидеть. Проверить Кауфмана было его собственной идеей, и он не хотел никого на нее наталкивать.

– Ну вот, теперь давайте.

– Мистер Кауфман остановился у нас четыре дня назад. Он взял не слишком дорогой номер с ванной. Позапрошлой ночью он приехал что-то после двенадцати, я бы сказал, ближе к двум. Дежурный не заметил точного времени, потому что, как он говорит, немного вздремнул и не посмотрел на часы. Он полагает, что, когда мистер Кауфман разбудил его, было около двух. Он помнит, что мистер Кауфман обмолвился о своем опасении, как бы ему не повредил вишневый пирог, который он съел перед приездом в отель, – вряд ли это было благоразумно в такой час.

Гиллспи перебил:

– Откуда у вас под рукой все эти сведения? Вы что, ждали моего звонка?

– Нет, сэр, но я уже говорил с дежурным по просьбе одного из ваших людей, он звонил вчера... По-моему, он назвал себя Тиббс, мистер Тиббс.

– Угу... Ну, хорошо, спасибо, – промычал шеф. – О моем звонке, конечно, никому ни слова.

– Разумеется, сэр, мистер Тиббс уже предупредил нас. Но мы понимаем и так. Надеюсь, вы найдете того, кого ищете. Уверен, что найдете.

– Благодарю, – заключил разговор Гиллспи и положил трубку.

Откинувшись в кресле, он сказал себе, что нет никаких разумных причин расстраиваться. Вирджил получил от него задание расследовать убийство и действует согласно приказу, да и что еще ему остается! Так или иначе, с Кауфманом все выяснилось. Из-за приоткрытой двери показалась голова Арнольда.

– Шеф, только что звонил Ральф, тот, который работает по ночам в закусочной на шоссе. Он задержался, чтобы позавтракать после своей смены. И он говорит, что сейчас там обедает человек – ну, просто проезжий, – про которого Ральф думает, будто он кое-что знает об убийстве.

– А какая у него машина? – перебил Гиллспи.

– Розовый "понтиак", последняя модель. Номер калифорнийский.

– Ступай приведи этого типа, – приказал Гиллспи, – скажи ему повежливей, что я прошу зайти на несколько минут. И тащи сюда Ральфа, только не задерживайся.

Гиллспи вновь откинулся назад и задумался. На Ральфа нельзя особенно полагаться, хотя, с другой стороны, он может кое-что знать. Ральф не слишком умен, но все же у него бывают интуитивные проблески – эдакое чутье животного при встрече с опасностью. А опасным ему кажется все, что хоть как-то нарушает привычное положение вещей. Пусть даже на этот раз

бармен вообразил невесть что, Гиллспи нисколько не превышает своих полномочий – он имеет полное право опросить приезжего в интересах расследования. Постоянные мысли о деле заставляли Гиллспи нервничать. Он сам чувствовал это и, поразмыслив, решил постороже следить за собой, по крайней мере пока все не останется позади. Он был еще новичком на службе, и любой промах мог стоить ему карьеры. А Гиллспи знал, что вполне способен оступиться, если не начнет следить за своими шагами. В дверях появился Вирджил Тиббс. Как раз сейчас Биллу совсем не хотелось его видеть (честно говоря, ему вообще не хотелось видеть цветного сыщика), но что поделаешь, коли это необходимо.

– Привет, Вирджил, – процедил он. – Ну и как, что-нибудь сдвинулось с места?

Тиббс кивнул:

– Пожалуй, да.

Гиллспи встретил это известие с озлобленной недоверчивостью.

– Что ж, расскажи, а я послушаю, – заявил он.

– Я с радостью сделаю это, мистер Гиллспи, когда будет что рассказать. Теперешние сведения еще слишком разрозненны, чтобы останавливать на них ваше внимание. Как только у меня составится связная картина, я предложу вам исчерпывающее донесение.

Темнит, подумал Гиллспи. Не хочет признаваться. Он не стал настаивать. В кабинет заглянул Арнольд:

– Мистер Готтшалк уже здесь, шеф.

– Готтшалк?

– Тот джентльмен с розовым "понтиаком", из Калифорнии.

– А-а. Попроси его сюда.

Вирджил Тиббс не успел выйти из кабинета, как Готтшалк появился в дверях. Это был очень деловой на вид мужчина, полный, средних лет, с короткой армейской стрижкой.

– Я что-нибудь нарушил? – спросил он отрывисто.

Билл Гиллспи указал на стул:

– Не думаю, не думаю, мистер Готтшалк. Но я был бы весьма признателен, если бы вы смогли уделить мне немного времени. Двое суток назад, ночью, у нас произошло убийство, и мы решили, что вы, быть может, сумеете помочь нам кое-что выяснить.

Тиббс был уже на пороге, но тут он остановился, вернулся и сел. Гиллспи заметил это, но ничего не сказал.

– Ваша фамилия Готтшалк, если не ошибаюсь? – начал Гиллспи.

Вопрос прозвучал откровенным приглашением сообщить остальные сведения. Готтшалк полез во внутренний карман, достал бумажник и положил визитную карточку на стол перед Гиллспи.

– Нельзя ли и мне взглянуть? – попросил Тиббс.

– О, конечно, – Готтшалк достал еще одну карточку. – Вы... здесь работаете?

– Моя фамилия Тиббс, Вирджил Тиббс. Я расследую убийство, о котором упомянул мистер Гиллспи.

– Простите, я сразу не понял. – Готтшалк протянул руку.

Не вставая с места, они обменялись рукопожатием. Затем Тиббс спокойно принял прежнюю позу и стал ждать, когда Гиллспи продолжит беседу. В кабинет вновь заглянул Арнольд.

– Ральф пришел, – коротко доложил он.

Гиллспи заколебался и начал было вставать, словно собираясь выйти из комнаты. Но в эту минуту в дверях появился Ральф и, едва завидев Готтшалка, выбросил руку в драматическом жесте.

– Тот самый, – заявил он.

Гиллспи снова сел. Готтшалк повернул голову, чтобы взглянуть на Ральфа, затем вновь посмотрел на Гиллспи – он был явно озадачен. Арнольд остался у входа, не зная, что делать дальше.

– Так что ты хотел сказать насчет этого джентльмена, Ральф? – почти по-приятельски спросил Гиллспи.

Бармен набрал побольше воздуха:

– Ну, я и забыл про все это, пока он не объявился тут снова. Этот тип, я вот о нем говорю, заходил в закусочную в ту самую ночь, минут за сорок пять до мистера Вуда.

– Ничего не понимаю, – сказал Готтшалк.

– Как раз перед его приходом я подметал у дверей, – продолжал Ральф, – и просто не мог пропустить машину, если б какая проехала. Кроме него, никого не было.

– Ты заметил, с какой стороны он подъехал? – спросил Гиллспи.

– Да, он ехал на юг.

– Продолжай.

– Ну, потом я узнал, что Сэм... я хочу сказать, мистер Вуд наткнулся на того мертвого итальянца прямо посреди шоссе. А до тех пор пока мистер Вуд нашел тело, не было ни одной машины, только вот этот и проехал. – Ральф остановился и сглотнул. – Вот я и решил, что это он.

Готтшалк вскочил с кресла со стремительностью, которой трудно было ожидать от такого полного человека. Но он тут же взял себя в руки и вновь уселся.

Билла Гиллспи как осенило.

– Ну так вот, Вирджил, валяй, это по твоей части, – сказал он и облегченно откинулся на спинку кресла.

Идея держать под рукой мальчика для битья, которому ничего не светит и на которого в случае чего повалятся все шишки, начинала ему нравиться. И к тому же, хотя Гиллспи не слишком хотел признаваться себе в этом, он понимал, что Тиббс кое-что смыслит. Много ли, мало – этого он еще не мог сказать, но где-то в глубине души у него таилось горькое подозрение, что, может быть, и побольше, чем любой другой в местной полиции, включая и его самого. Чувства Гиллспи были во многом сходны с ощущениями человека, который учится летать и уже убежден, будто знает, как это делается, но, внезапно столкнувшись с незнакомой ситуацией, горячо желает, чтобы управление самолетом взял на себя инструктор. Но инструктора, на которого можно опереться в критическую минуту, у Гиллспи никогда не было, и от этого его положение казалось еще сложнее.

– Судя по вашей карточке, мистер Готтшалк, – начал Тиббс, – вы инженер на космодроме, специалист по подготовке пусковых площадок.

– Совершенно верно, – ровно ответил Готтшалк. – Мы здорово завязли со всем этим делом на мысе. Я как раз туда и спешил, когда проезжал через ваш город.

– Чтобы успеть к вчерашнему запуску?

– Вы абсолютно правы, мистер Тиббс.

– О каком это мысе идет речь? – перебил Гиллспи.

– О мысе Кеннеди.

– Ну да, конечно. – Гиллспи кивнул Тиббсу, чтобы тот продолжал, и перевел взгляд на Ральфа. Бармен стоял, полуоткрыв рот, словно ошарашенный открытием, что заподозренный им человек имеет отношение к тем величественным свершениям, о которых он читал в газетах.

– Перекусив в закусочной, мистер Готтшалк, вы миновали город и поехали дальше, на юг?

– Да, я проехал без остановки миль сто пятьдесят или около того, пока хватило бензина.

– Ваша работа, конечно, засекречена, мистер Готтшалк? – осведомился Тиббс.

– Литера "Q", если вам известно, что это значит.

– Стало быть, вы имеете отношение к ракетным установкам?

– Да, совершенно верно. Наша компания имеет несколько контрактов в этой области.

– И чтобы уж выяснить все до конца, почему вы поехали на машине, а не поездом или, скажем, не вылетели самолетом?

– Понимаю вас, мистер Тиббс. Я решил на этот раз добираться на машине, потому что хотел взять неделю после запуска и вместе с женой отдохнуть на юге Флориды. То есть, конечно, в том случае, если все пройдет хорошо. Но могу сказать вам лишь в общих чертах: после запуска выяснилось, что мне необходимо вернуться на заводы, вот почему я вновь здесь.

– Другими словами, вы отправились на машине, чтобы иметь ее под рукой, если сможете поехать в отпуск вдвоем с миссис Готтшалк?

– Абсолютно точно.

– А почему вы выбрали такой поздний час?

– Из-за жары. Она была просто невыносимой. А у меня машина без кондиционера, вот я и отправился с вечера – я не гнался за расстоянием, мне хотелось проехать сколько возможно в пределах разумного и в то же время чувствовать себя комфортно.

– Ну что же, сэр, мне остается задать вам последний вопрос: когда вы проезжали через Уэллс, не попалось ли вам на глаза что-нибудь необычное? Я понимаю, вы не видели тела на шоссе, иначе бы вы остановились. Но, может быть, вы заметили что-нибудь другое, имеющее значение для расследования? Прохожих? Признаки того, будто здесь что-то происходит?

Готтшалк отрицательно покачал головой:

– Мне не хочется, чтобы у вас складывалось впечатление, будто я стараюсь остаться в стороне, но я действительно не заметил ничего такого. По сути дела, город показался мне просто вымершим, если можно так выразиться.

Тиббс поднялся:

– Вы очень помогли нам, сэр, и мы испытываем глубокую признательность за то, что вы потратили на нас столько времени.

Готтшалк вскочил на ноги:

– Я могу идти?

– Конечно, сэр. Согласно закону, вы могли поступить так в любую минуту и даже не были обязаны приходить сюда. Надеюсь, это было сразу понятно и вы восприняли наше приглашение только в порядке просьбы.

– Честно говоря, – ответил Готтшалк, – у меня создалось несколько иное впечатление. Я решил, что попался в какую-нибудь местную ловушку с превышением скорости или нарвался на другое крючкотворное правило, ну, вы знаете, как это бывает. Я уже приготовился заплатить штраф.

– Мистер Гиллспи и другие влиятельные лица Уэллса никогда не прибегают к подобным вещам. Позвольте официально сообщить вам, что вы совершенно свободны от подозрений.

– Ну что же, спасибо, я желал бы всем полицейским быть похожими на вас. И если можно так выразиться, никого не задевая, я рад видеть, что демократия делает успехи на Юге не только на словах всяких политиков. До свидания, джентльмены.

Кабинет опустел, но Гиллспи сделал жест Тиббсу, чтобы тот остался. Он не предложил ему вновь присесть, и Тиббс, стоя, ждал, когда все отойдут подальше от дверей. Затем Гиллспи взял со стола карандаш и стал вертеть его в пальцах.

– Вирджил, я разрешил тебе вести беседу, потому что сам закрепил за тобой дело Мантоли, но, по-твоему, сказать этому человеку, что он свободен от всяких подозрений, страшно

остроумно? Он работает в очень важной компании. Предположим, он сообщит там обо всем, а он вполне может это сделать, ну и как ты будешь выкручиваться, если вдруг обнаружишь, что он знает больше, чем признался сейчас? – Гиллспи откинулся на спинку кресла. – А пожалуй, так оно и есть, попробуй только пораскинуть мозгами. Этот тип, как он и сам признался, проехал через наш город, прямо по тому месту, где Сэм нашел тело... я хочу сказать, где мистер Вуд нашел тело. И после него ни в ту, ни в другую сторону не прошло ни единой машины. Не спорю, он не похож на виновного, но он был на месте преступления приблизительно в то время, когда оно совершилось. Ты ведь помнишь, что сказал на этот счет доктор? Указанное им время смерти точно совпадает с тем моментом, когда твой дружок Готтшалк должен был проезжать мимо, а ты объявил ему, что он официально вне подозрений.

Если Тиббс и дрогнул, то не показал виду.

– Вы привели очень резонные доводы, мистер Гиллспи, и я был бы полностью с вами согласен, если бы не одно обстоятельство.

– Что же это такое, Вирджил?

– Мантоли был убит вовсе не там, где нашли тело.

Глава 8

В четыре часа дня Сэм Вуд зашел на службу узнать, как идут дела. Войдя в дверь, он поймал выразительный взгляд Пита, перешедшего теперь на дневное дежурство, и прямоком зашагал в умывальную, где через несколько секунд оказался и Пит.

– Сегодня утром твой дружок Вирджил посадил Гиллспи в здоровенную лужу, – доверительно сообщил Пит.

Сэм глянул поверх туалетных кабинок и удостоверился, что там никого нет.

– Что же произошло? – спросил он.

– Насколько мне известно, Гиллспи выкопал еще одного подозреваемого, а Вирджил и этого спустил вниз по речке.

– Еще одного подозреваемого? – переспросил Сэм.

– Да, какого-то малого, который проезжал тут как раз в ночь убийства. Его заметил Ральф – ну, парень из закуской на шоссе, а Гиллспи распорядился, чтобы этого человека привели сюда. Потом он свалил допрос на Вирджила, а Вирджил отпустил того на все четыре стороны.

– И Гиллспи позволил ему встать и уйти?

– То-то и оно. Потом у Вирджила и Гиллспи был небольшой разговор...

– Кто бы сомневался, что был!

– Нет, совсем в другом смысле, самый что ни на есть приятельский разговор. Вирджил как-то разобъяснил все Гиллспи; когда Арнольд проходил мимо кабинета, Гиллспи внимал Вирджила смиренный, как Моисей. Арнольд не уловил, о чем они толковали, но, наверное, о чем-нибудь важном. Может, как-то удастся узнать об этом у Вирджила? Спросить, продвинулось ли дело, проявить интерес к его работе.

– А он здесь?

– Нет, он весь день не показывался. Залез в свой дряхлый автомобиль, который ему тут устроили, и укатил. А куда, никому не известно.

– Может, он соскучился в одиночестве и двинул поискать какую-нибудь черномазенькую красотку, чтобы поразогреться. – Едва сказав это, Сэм устыдился своих слов. Ему мучительно захотелось, чтобы они никогда не были произнесены.

– Ну-у, не знаю, – протянул Пит. – Уж больно он смьшлен для черномазого. Готов спорить, он сейчас каким-то образом работает на дело.

Сэм поспешил оговориться и был рад, что сумел взять свои слова обратно.

– Я пошутил. Вирджил – малый в порядке. Меня не удивит, если он выйдет молодцом в этом деле.

– Один черт, Гиллспи все присвоит себе.

– Ну, в любом случае Вирджил не дурак.

– Самый толковый черный, которого я когда-нибудь видел, – заключил Пит и добавил в виде особой похвалы:

– Ему бы надо родиться белым.

Сэм согласно кивнул.

Несмотря на жаркий день и вроде бы естественную в домашней обстановке неофициальность, преподобный Амос Уайтберн был в своем черном облачении. Гостиная выглядела бедно и тускло, и казалось, в ней ничего не менялось десятилетиями. Дешевый ковер был давно вытерт, и драпировки на окнах просвечивали насквозь. Но крошечный кабинет был опрятен и пристоеен, насколько позволяла никуда не годная мебель.

– За все время моего служения этой общине, – сказал преподобный Уайтберн

командирским басом, – полиция впервые обратилась ко мне за советом. Я расцениваю это как большую честь.

– Наверное, – любезно предположил Тиббс, – ваше духовное руководство было настолько успешным, что у полиции никогда не возникало в этом нужды.

– Вы очень добры, мистер Тиббс, но боюсь, дела обстоят не совсем так. Вы хорошо знакомы с нашим Югом?

– Я бываю тут только по необходимости, – ответил Тиббс. – Здесь живет моя мать. Мне хотелось бы уговорить ее переехать в Калифорнию, где я смогу лучше устроить ее жизнь, но она уже очень стара, и потом здесь, на Восточном побережье, у нее есть и другие дети.

– Понимаю, – кивнул пастор, и его густой голос заполнил почти все уголки маленькой комнаты. – Некоторым из наших соплеменников, которые провели здесь всю жизнь, очень трудно акклиматизироваться в другом месте.

Тиббс продолжал:

– Как вы, должно быть, знаете, двое суток назад тут убили одного человека. Я расследую это убийство, разумеется, в законном порядке. В данный момент мне нужно выяснить две вещи – место, где было совершено преступление, и, если удастся, орудие убийства.

Преподобный Уайтберн весь подался вперед, и кресло закрипело под его тяжестью.

– Насколько мне известно, бедняга встретил свою судьбу на шоссе.

– Вовсе нет, – сказал Тиббс.

Пастор задумчиво потер массивный подбородок.

– Вы можете что-нибудь прибавить? – спросил он.

– Этот разговор носит официальный характер, – предупредил Тиббс, – и должен остаться между нами.

– Он и останется, – степенно пообещал пастор.

– Маэстро Мантоли убили в вашем районе или где-то на окраине.

Пастор подался еще ближе в своем неудобном кресле.

– Как вы это обнаружили? – перебил он.

– Осмотр тела плюс трезвые умозаключения, вот и весь секрет.

Пастор поколебался, а потом заговорил, тщательно подбирая слова:

– Мистер Тиббс, подозревается ли в этом преступлении – либо прямо, либо косвенно – кто-нибудь из моих прихожан?

– Насколько я знаю, – так же осторожно ответил Тиббс, – никто не выдвинул предположения, что убийство совершил непременно негр.

– Это уже само по себе маленькое чудо, – сказал пастор. – Но я прервал вас, пожалуйста, продолжайте.

Тиббс испытующе всмотрелся в пастора, похожего на бывшего боксера-тяжеловеса, и наконец решился:

– Мантоли убили обрубок дерева, скорее всего, сосновым обрубок, но я не хочу утверждать, пока не получу заключения лаборатории лесного хозяйства. Я отослал им щепку, которую извлек из черепа убитого. Теперь мне нужно найти сам обрубок. Браться за это одному просто невыносимо. И вот я пришел к вам – мне говорили, что вы уделяете много внимания подрастающему поколению.

Преподобный Уайтберн наморщил лоб в глубоком раздумье. Потом сжал и развел пальцы.

– Если обрубок можно было внезапно ударить, значит, он не слишком велик. Это должно быть что-то вроде дубинки.

– Наверное, фута два или что-нибудь вроде этого.

– Хм. Похоже на полено. – Он вновь погрузился в молчание, а Тиббс терпеливо ждал. Через

несколько секунд пастор заговорил:

– Знаете ли, как, мне думается, лучше всего к этому подойти, мистер Тиббс?.. Я скажу нашим молодым людям – я имею в виду мальчиков и девочек из здешнего клуба подростков, – что хочу запастись топливом для церкви. Я разошлю их искать подходящие дрова, но потребую, чтобы они не брали из поленниц, даже если им станут предлагать. Мы превратим это в игру. И когда они притащат свой улов, а он наверняка окажется крупным, я попытаюсь отыскать то, что вам нужно, если только у меня будут какие-нибудь приметы.

– На полене должно быть коричневое пятно засохшей крови. Но это уже не похоже на кровь, во всяком случае, дети ничего не поймут. И к тому же маловероятно, что оно найдется.

Для преподобного Уайтберна вопрос был решенным.

– Мы примемся за это немедленно. Разумеется, я не могу гарантировать результата, но зато мы изрядно очистим округу, а детям и не придет в голову истинная цель нашего предприятия.

– Такие, как вы, очень пригодились бы нам в Калифорнии, – восхищенно произнес Тиббс.

– Я нужен здесь, – просто ответил пастор.

В ответ на телефонный звонок Билл Гиллспи коротко рявкнул в трубку:

– Да?

– Билл, если тебе не трудно оторваться на несколько минут, я бы хотел тебя видеть. У меня здесь несколько членов совета, и тебе не мешало бы зайти.

Без каких-либо объяснений Гиллспи узнал мэра.

– Иду, Фрэнк, – сказал он и положил трубку.

Выходя из здания, он пронизывающе посмотрел на дежурного и, будто невзначай оглянувшись, с чувством тайного удовлетворения заметил в его глазах легкий трепет. Настроение Гиллспи заметно улучшилось, и он ступил на яркий солнечный свет, размышляя о том, что, если Фрэнк Шуберт и готовит какую-нибудь неожиданность, он в состоянии управиться с ней без труда.

Но все оказалось не так-то просто. Шуберт пригласил его пройти в кабинет и жестом обвел троих сидящих мужчин.

– Вы уже знакомы, Билл, – мистер Деннис, мистер Шуби и мистер Уоткинс.

– Разумеется. Добрый день, джентльмены. – Гиллспи уселся с видом высокопоставленного руководителя, вызванного на заседание совета. По крайней мере ему хотелось добиться подобного впечатления. И он намеревался оставаться таким же спокойным и вежливым, как бы ни развивалась беседа, – ведь четыре человека, которые здесь присутствовали, располагали в совете достаточным количеством голосов, чтобы в любой момент уволить его со службы.

– Билл, ребята попросили, чтобы я пригласил тебя потолковать об убийстве Мантоли. Ясное дело, мы все встревожены этим.

– Чтобы не тянуть, мистер Гиллспи, – вмешался Уоткинс, – нам хочется знать, что делается и что вообще происходит.

– Разве это не одно и то же? – спросил Гиллспи.

– Мы хотим знать, что делается для раскрытия убийства и что происходит у вас в полиции, как понимать все эти слухи насчет вашего черномазого сыщика? Вот что я имею в виду.

Гиллспи расправил плечи:

– Я отвечу на ваши вопросы в обратном порядке, мистер Уоткинс. Один из наших людей слишком переусердствовал и задержал на вокзале этого черного. При нем оказалась куча денег,

и поэтому его доставили ко мне.

– И правильно, – обрубил Уоткинс.

– На опросе он заявил, что служит в полиции в Калифорнии. Я, конечно, проверил, и это подтвердилось.

– Здесь не Калифорния, – внес свою лепту Шуби.

– Знаю, – огрызнулся Гиллспи и тут же спохватился:

– Прошу прощения, но мысли об этом черномазом просто выбивают меня из колеи. – Он взглянул на Шуби и понял, что тот счел объяснение удовлетворительным. – Ну, как бы там ни было, Джордж Эндикотт стал лить воду на его мельницу. Я не хочу казаться недостаточно уважительным к члену совета, но вряд ли ему известно, как вести дела полицейского управления. Итак, мистер Эндикотт справился у шефа полиции, в которой работает этот черномазый, и узнал, что он специалист по расследованию убийств. Ну, вот ему и загорелось одолжить Вирджила нам в помощь.

– То есть этого ниггера, – уточнил Уоткинс.

– Этого самого, – подхватил Гиллспи. – Я не хочу ни на кого сваливать ответственность, но взять его к себе мне приказал мистер Шуберт, а он – хозяин, мое дело – подчиняться.

– Да, мне все это совсем не нравится! – воскликнул Уоткинс и даже привстал. – Мне лично ни к чему, чтобы какой-то ниггер болтался по городу, расспрашивал о белых людях и воображал, будто он что-то собой представляет. В обед он лез с разговорами к моему бармену Ральфу, но тот его и в дверь не пустил, а еще он был в банке и вел себя словно белый. Кое-кто из ребят собирается проучить его, чтобы он знал свое место, и они так и сделают, если вы его вовремя не спровадите.

Гиллспи посмотрел на Фрэнка Шуберта, ожидая, когда мэр вступит в игру. Обнаружив себя в центре внимания, Шуберт полез в стол и достал небольшую пачку газет.

– Если говорить по большому счету, Мантоли не был заметной фигурой, но, когда его убили, это расшевелило газеты. А когда выяснилось, что в расследовании принимает участие цветной сыщик, – и того больше. Стоит только просмотреть все это, и вы лучше представите, как обстоят дела. Да будет вам известно, мы привлекли внимание прессы. И пока что это шло нам на пользу – мы получили массу бесплатной рекламы для нашего фестиваля.

В разговор вмешался Деннис.

– Вот уж дерьмо собачье, – сказал он.

Взгляд, которым наградил его Шуберт, словно говорил: он старается быть спокойным, но сами видите – ему становится все труднее и труднее.

– Люк, я знаю, ты все время был против нашей музыкально-фестивальной затеи, что ж, твое право. Но нравится нам или нет, мы уже ввязались в нее и надо довести дело до конца. Если все лопнет, значит, ты прав. Тут уж не поспоришь. Но если дело выгорит, может, к нам в город притекут кое-какие денежки, и тогда мы все заживем повеселее.

– Может, и так, – уступил Деннис.

Шуберт вернулся к газетам.

– Джентльмены, за несколько минут до вашего прихода мне позвонили из "Ньюсуик". Их интересовало, чем у нас занят Тиббс, – самые подробные сведения. Если они сделают все, что собираются, мы получим паблисити в национальных масштабах.

– А как к этому отнесутся в нашем собственном городе, выходит, черт с ним? – спросил Уоткинс.

– Уилл, что тут изменишь? Нам придется путаться с этим негром до той самой минуты, пока мы не сможем его сплавить. Или пока Билл не покончит с делом. – Шуберт взглянул на Гиллспи:

– Ты не подумай, будто я хочу намазать тебе задницу скипидаром, но все-таки скоро вы там собираетесь вытащить нас из этой истории? Вот и все, что мне хотелось бы знать.

В голосе Гиллспи послышалось недовольство:

– Для такого рода дел существует обычный порядок расследования, и он дает свои результаты. Вот мы его и придерживаемся, а вдобавок я лично предпринимаю кое-какие шаги. Я не хочу обещать, джентльмены, когда именно преступник будет сидеть под замком, но могу сообщить, что у нас уже есть ощутимые результаты. Ну а кроме того, я все время смотрю за Вирджилом и, если он хоть на дюйм отступит от принятого здесь поведения, тут же поставлю его на место. Мне известно, что он заходил в банк, но его обращение было вполне уважительным, и вообще, пока он не сделал ничего такого, за что бы мне пришлось его поприжать.

– И все равно мне это не нравится, – настойчиво повторил Уоткинс. – Не каким-то там нью-йоркским журналам, управляемым скопом негритянских обожателей, указывать нам, что делать в нашем собственном городе. Тут живем мы, и мы сами себе хозяева.

Фрэнк Шуберт с силой хлопнул ладонью по столу.

– Уилл! Все мы чувствуем то же, что и ты. Тут и говорить не о чем. Но будь благоразумен. Гиллспи держит этого козла на привязи, а насчет "Ньюсуик" – мне не известно, кто им управляет, и, честно говоря, в высшей степени наплевать. Журнал мне по вкусу, вот я его и выписываю. А теперь взгляни на дело трезво. Пусть себе пишут, мы как-нибудь перезимуем, а городу это сулит большие перспективы.

– Да мне-то все одно, – отпарировал Уоткинс. – Только я хочу избавиться от этого ниггера, пока ребята вконец не потеряли терпение и не разделали его под орех. Вот уж тогда мы получим рекламу! К нам не то что "Ньюсуик", а ФБР заявится.

Шуберт вновь стукнул по столу:

– Верно, верно. Ну, вот что. Всем нам одинаково хочется покончить с делом Мантоли и избавиться от этой лакированной рожи. Билл тут сказал, что он за всем следит, а если он говорит, значит, так и есть. – Мэр повернулся к Гиллспи:

– Мы с тобой, Билл, ты знаешь. Делай свое дело, но только не давай этому чересчур затягиваться. Когда у тебя будет порядок, все само собой разрешится и жизнь войдет в норму.

– Нет, не войдет, – подлил уксусу Деннис. – Сперва нам придется расхлебываться с этим музыкальным фестивалем и вечерами сторожить своих женщин, пока туристы не отвалят из города. Нечего сказать, хороши делишки: все, что у нас есть, – это бревна вместо стульев и труп дирижера. Ну, а потом, когда мы с этим развяжемся, может, нам и удастся вернуться к нормальной жизни.

Казалось, Шуберт вот-вот взорвется, но он все же сдержался.

– Так мы ни до чего не договоримся, – твердо произнес он. – Думаю, все мы друг друга поняли, и Биллу пора возвращаться к работе. Да и мне тоже. Мы будем держать вас в курсе, и спасибо, что пришли.

Совещание закончилось в полном молчании.

На обратном пути в управление Билл Гиллспи то и дело стискивал кулаки. Ведь должен же существовать отлаженный порядок расследования убийств, он докопается до него и заведет у себя. У него целый штат служащих, и теперь он посмотрит, на что они способны.

Вечером, когда Сэм Вуд без четверти двенадцать явился на работу и увидел Вирджила Тиббса, который спокойно сидел в дежурке, это его удивило. Но, узнав, что Вирджилу нужен именно он, Сэм удивился еще больше.

Тиббс подождал, пока Сэм отметится у дежурного, а потом подошел и заговорил с ним:

– Если вы не имеете ничего против, мне бы хотелось поехать сегодня вместе с вами.

Такая просьба поставила Сэма в тупик. Брать или не брать Вирджила? И для того и для другого должны быть свои основания.

– Ты имеешь в виду до утра? – спросил он.

Тиббс кивнул.

– Не знаю, как посмотрит на это Гиллспи.

– Он разрешил мне делать все, что я сочту нужным. А мне надо бы поехать с вами.

– Ну что ж, пойдём.

Перспектива провести восемь часов в компании Тиббса была не по душе Сэму, но тут ему пришло в голову, что ничего в общем-то не произойдет, если за три долгих года одиноких ночных объездов он разок прихватит с собой спутника. Может, сегодня и в самом деле не помешает, чтобы кто-нибудь был рядом. С легкими угрызениями совести он вспомнил, до чего ему было не по себе прошедшей ночью. И к тому же, если он откажется взять Тиббса, ему может достаться от Гиллспи. Ведь Тиббс сослался на благословение шефа, и дежурный прекрасно это слышал. Сэм решил выбрать из двух зол меньшее и двинулся к патрульной машине.

Едва Сэм уселся за руль, Тиббс безмятежно открыл противоположную дверцу и расположился рядом. Сэм крепко стиснул баранку и подумал, стоит ли кипятиться – ведь они уже сидели вот так, бок о бок, на пути к Эндикоттам. Ну что ж, он может потерпеть еще разок. Он завел мотор и задним ходом вывел машину с полицейской стоянки.

– Ну, и куда теперь? – спросил Сэм, как только они отъехали.

– Если это не слишком вас затруднит, – сказал Тиббс, – мне бы хотелось, чтобы вы все делали точно так, как в ту ночь, когда был убит Мантоли, насколько это возможно, конечно. Попытайтесь следовать тем же маршрутом и с той же скоростью. По-вашему, это выполнимо?

– Я могу повторить все секунда в секунду, считая и те пять минут, в которые обычно составляю рапорт.

– Это очень поможет расследованию. Мне лучше воздержаться от разговоров, чтобы не мешать вам?

– Разговаривай сколько хочешь, – отозвался Сэм. – Ты мне не мешаешь.

Тем не менее какое-то время они ехали молча. И то, что он способен вести машину в точности по следам своей прежней поездки, все больше и больше наполняло Сэма профессиональной гордостью. Он сверился с часами.

– Ну как, что-нибудь подмечаешь? – спросил он.

– Я хочу узнать, до чего жарко может быть в ваших краях даже глубокой ночью, – ответил Тиббс.

– Мне казалось, у тебя был случай это выяснить, – напомнил ему Сэм.

– Туше, – сказал Тиббс.

– Что это за словечко? – спросил Сэм.

– Фехтовальный термин. Если противник заденет вас, вы должны подтвердить укол. Туше буквально значит "коснулся".

– На каком языке?

– На французском.

– Чего-чего, а знаний у тебя хватает, Вирджил, надо отдать тебе должное. – Сэм умолк, свернул за угол и взглянул на часы.

– Я не умею так же классно водить машину, как вы, – сказал Тиббс. – Мне вообще не приходилось встречать человека, у которого это получалось бы лучше.

Сэм был невольно польщен. Ему и самому было прекрасно известно, что если он и способен на что-то, так это водить машину. Но ему было приятно, что это заметно и со стороны.

Несмотря на все его воспитание, Сэму начал нравиться Тиббс своими внутренними качествами.

– Мне вот о чем хотелось спросить у тебя, Вирджил. Я как-то читал об одном человеке, который однажды испытал, что такое настоящий страх. Он просто прогуливался ночью, и вдруг у него появилось чувство, будто кто-то хочет на него наброситься, – опасность душила его, висела в воздухе, словно... Ну, в общем, в книжке для этого было какое-то слово, я его не могу припомнить, но оно начинается с "м"... Что-то вроде мяуканья. Помнится, я еще посмотрел в словаре.

– Гм. Дайте подумать... Может быть, "миазмы"? – спросил Тиббс.

– Оно самое! – воскликнул Сэм. – Это словечко меня замучило. Редкое словцо! Откуда ты его знаешь?

– Тоже встречал в книжке. Но только не раз и не два, вот оно и осело у меня в памяти. Так что это просто совпадение.

– Жаль, что мне пришлось рано уйти из школы, – сказал Сэм, сам удивляясь этой внезапной вспышке откровенности. – Я закончил восьмой, чуть-чуть поучился дальше, а потом устроился в гараж. Там я и работал, пока не получил эту должность.

– Но вы окончили школу ФБР?

– Нет, не представилось случая. Слушай, это как раз мне напомнило: я хотел у тебя кое-что спросить.

Тиббс выждал секунду-другую, а потом сказал:

– Что ж, я с удовольствием отвечу.

– Может, это меня и не касается, но мне сказали, будто сегодня ты сообщил Гиллспи что-то такое, от чего он прямо присел. Разумеется, я бы не прочь узнать, в чем тут дело.

Вирджил Тиббс посмотрел прямо перед собой на мостовую.

– Я сказал, что Мантоли был убит вовсе не там, где вы нашли его, труп привезли и сбросили посреди дороги. Вот почему Готтшалк, инженер с космодрома, вне всяких подозрений. Когда он проезжал, на шоссе наверняка еще не было никакого трупа. Труп привезли с места преступления уже потом, и через каких-нибудь несколько минут вы на него наткнулись.

– Вирджил, как же ты, черт возьми, все это узнал?

– Вы бы тоже пришли к этому, Сэм, если бы у вас была возможность как следует осмотреть тело.

Услышав свое имя, Сэм вздрогнул. Как раз когда он начинал чувствовать, что сидящий рядом с ним негр становится чем-то ему симпатичен, тот позволил себе жест, претендующий на равенство, а уж этого Сэм просто не мог допустить. Но в данный момент, решил он, лучше не заострять на этом внимания. Вместо этого он задал вопрос, правда состоявший только из одного слова, но и его хватило:

– Я?

– Да. Если бы осмотрели его ладони.

– Может быть, лучше начать от печки? – Еще раздосадованный, Сэм хотел, чтобы это прозвучало в приказном тоне, но невольно смягчил голос, и вопрос получился вовсе не таким резким.

– Ну что же, Сэм. Давайте вернемся к тому моменту, когда Мантоли нанесли удар по голове. Нам известно, что это был смертельный удар, но не ясно, как наступила смерть – мгновенно или же Мантоли оставался в сознании хотя бы еще несколько секунд?

Теперь дорога шла чуть-чуть в гору, Сэм переключил скорость и сверился с часами. Пока что он точно придерживался своего прежнего графика. Успокоившись на этот счет, Сэм

продолжал внимательно слушать Тиббса.

– Далее, человек мгновенно умер или потерял сознание от удара, – что же с ним происходило?

– Он упал.

– Верно, но как он упал? Не забывайте, он то ли без сознания, то ли мертв.

Сэм на секунду задумался.

– По-моему, он свалится, как мешок с картошкой. – Он взглянул на Тиббса, который сидел вполборота к нему, облокотившись на дверцу.

– Совершенно правильно, колени подогнутся, плечи обмякнут, голова упадет на грудь, и он попросту осядет на землю.

Свет забрезжил, и мысли Сэма сделали внезапный скачок.

– Но Мантоли лежал растянувшись! С руками на затылке, словно защищал голову!

– Вот именно, – согласился Тиббс. – Так вы его и нашли, я видел снимки тела.

– Постой-ка, – перебил Сэм. – А если мы предположим, что он оставался в сознании еще несколько секунд или около того...

– И что же? – поощрил Тиббс.

– Тогда он вскинет руки и попытается защититься.

– Вы начинаете рассуждать, как настоящий следователь, – похвалил Вирджил.

– А он так и лежал, когда я подъехал.

– Верно.

– И выходит, не сразу потерял сознание.

Сэм был настолько поглощен разговором, что пропустил нужный поворот. Быстро оглянувшись, он заметил, что проскочил уже весь квартал, круто развернулся и поддал газу, чтобы наверстать потерянное время.

– Нет, не думаю, – сказал Тиббс.

– Может, я что-нибудь упустил?

– Предположим, Мантоли получил удар там, где вы его нашли. Но, судя по положению тела, он падал плашмя – значит, должен был попытаться выставить руки.

– Понимаю! – взорвался Сэм. – Он бы ободрал ладони о мостовую. И может быть, здорово.

– Ну, и...

– А если на ладонях ни царапины и вообще никаких следов, значит, все произошло не там, где он лежал.

– Или, – закончил за него Тиббс, – кто-то позаботился изменить первоначальное положение тела.

– Тоже верно, хотя и вряд ли, – подхватил Сэм. – Ведь это происходило посередине шоссе и в любой момент могла появиться машина. Например, я мог проехать.

– Сэм, – сказал Тиббс, – у вас задатки настоящего профессионала.

На этот раз Сэм даже не заметил, что Тиббс назвал его по имени. Он уже парил в будущем, где существовал новый Сэм Вуд – сыщик-профессионал, специалист по расследованию убийств. Тут он и вспомнил, что знает одного такого следователя – им был тот черный, который сидит рядом.

– Как ты получил свою профессию, Вирджил?

– Первоклассные учителя плюс десять лет опыта. Все поступающие в полицию Пасадены начинают со школы. И довольно скоро там приобретаешь столько знаний, просто удивительно.

Свой следующий вопрос Сэм обдумывал целую минуту.

– Вирджил, то, о чем я собираюсь спросить, вряд ли тебе понравится. Но мне очень хочется знать, как ты туда попал? Нет, даже не так. Я хочу спросить тебя прямо: как все это могло

привалить цветному? Но если ты рассердился, так и скажи.

Тиббс ответил вопросом на вопрос:

– Вы ведь всегда жили на Юге?

– Я не бывал дальше Атланты, – признался Сэм.

– Тогда вам, наверное, трудно в это поверить, но в нашей стране есть такие места, где цветной – пользуясь вашей терминологией – такой же человек, как и любой другой. Правда, не все придерживаются подобных взглядов, но хотя бы не выражают это открыто. Например, у нас, в Калифорнии, может проходить неделя за неделей, и никто не напомнит мне, что я негр. А здесь без этого не обходится и пятнадцати минут. Если бы вы попали куда-нибудь, где бы вас ненавидели за южный выговор, то есть вся ваша вина состояла бы в том, что вы разговариваете, как вам свойственно и как вы умеете, тогда, быть может, вы получили бы слабое представление о том, что это такое – быть постоянно преследуемым за какую-то ерунду, которая не имеет, по существу, никакого значения и в которой вы не виновны ни сном ни духом.

Сэм покачал головой.

– Кое-кто из здешних парней убил бы тебя на месте за такие разговорчики, – сказал он.

– Я отвечал на ваш вопрос, – ответил Тиббс.

На какое-то время Сэм погрузился в задумчивость. Затем он решил не возобновлять разговор и все еще в молчании подвел машину к тротуару напротив аптеки Саймона. Когда Сэм в последний раз сверялся с часами, он был ровно на минуту впереди своего прежнего графика. Он неторопливо взял в руки планшетку и медленно заполнил бланк рапорта. Затем взглянул на часы и увидел, что успешно протянул полминуты. Теперь он мог с чистой совестью записать время; Сэм сделал пометку, включил свет и молча передал планшетку Тиббсу.

Сыщик из Калифорнии внимательно просмотрел записи и возвратил Сэму. Тот мог и не спрашивать – он и так знал, что Тиббс заметил, до чего точно совпадают их сегодняшний график и пометки, сделанные в роковую ночь. И он не ошибся.

– Это просто поразительно, Сэм, – сказал Тиббс. – Я не знаю почти никого, кто был бы способен провести машину минута в минуту и след в след, как это сделали вы. – Тиббс на мгновение остановился. – Следующий отрезок пути самый важный, вы это, разумеется, понимаете.

– Разумеется, понимаю, мистер Тиббс. – Сэм подлил капельку яда в голос.

– Что ж, моя вера в ваши способности получила еще одно подтверждение, – произнес Тиббс.

Эти слова озадачили Сэма: ему не было ясно, надо ли тут обижаться, а если и обидеться, то по какому поводу?

– Ну ладно, пора ехать, – оказал он и тронулся с места.

Все еще в раздражении, он перевалил через рельсы, за которыми лежал Бидонвиль и негритянские кварталы. Оказавшись здесь, Сэм склонился к рулю, по привычке высматривая спящих собак. Но улицы были пустынные. Сэм тщательно повторил свой путь мимо наспех сколоченных, облупленных домишек, переехал боковую железнодорожную ветку и повел машину по улице, поднимавшейся к дому Парди.

В этот момент Сэм подумал о Делорес: что, если ей не спится и она опять на ногах? Ведь так уже дважды бывало. И тогда негр увидит белую девушку голой! За два перекрестка до дома Парди Сэм свернул направо и проехал пару кварталов по тряской, неровной дороге. Ощущение легкой вины появилось у него в душе, но Сэм тут же подавил это чувство. Да и кружок совсем незаметный, подумалось ему.

У второго угла Сэм повернул налево, и машина пошла по темной улице так же ровно, как до всех этих объездов. Когда асфальт внезапно кончился и их порядком потрянуло, Сэм было

испугался, но потом вспомнил, что поперечной улицей можно выбраться на знакомую дорогу, оставив дом Парди на квартал позади. Достигнув перекрестка, Сэм плавно завернул за угол, вновь оказался на мостовой и поехал, уже никуда не сворачивая, до самого шоссе. Тут он, как всегда осторожно, притормозил и повернул к закусочной.

Набирая скорость, он задумался, что же делать с Вирджилом: ведь цветных в закусочную не пускают. Сэм так и не разрешил эту задачу до самой стоянки. Здесь он взглянул на часы.

– Все еще в графике? – поинтересовался Тиббс.

Сэм кивнул:

– Обычно я тут останавливаюсь перекусить минут на пятнадцать.

– Знаете что, вы идите и не торопитесь, – сказал он. – Я подожду в машине.

Укоры совести нет-нет да и тревожили Сэма, пока он был в закусочной. В том, что он сделал небольшой крюк (пусть из самых понятных побуждений и сам по себе незначительный), уже было что-то неприятное, а заставлять человека, хотя бы и черного, ждать, пока сам сидишь и жуешь в каком-никаком уюте, – эта мысль злила Сэма. Он повернулся к Ральфу:

– Заверни-ка сандвич с ветчиной и еще кусок пирога. Да, пожалуй, прибавь картонку молока и несколько соломинок.

– Это не той ли черномазой ищейке? – спросил Ральф. – Для него у нас ничего нет.

Сэм выпрямился во весь рост.

– Когда я говорю тебе, – прикрикнул он, – ты лучше слушай! Что я буду делать с этой жратвой, не твое собачье дело!

Ральф съежился под его взглядом, но не отступил.

– Хозяину это не понравится, – возразил он.

– Давай пошевеливайся! – приказал Сэм.

Ральф зашевелился, но вид у него был злобный. Когда Сэм положил на стойку доллар, бармен смахнул монету, словно это было что-то мерзопакостное, и протянул сдачу. А едва дверь за полицейским закрылась, его тощее прыщавое лицо исказила кривая гримаса: "Беги, целуйся со своими неграми!" Нет, так просто это не кончится, он скажет хозяину. Тот, между прочим, член городского совета, и уж его-то Сэм Вуд не заставит пошевеливаться!

Озлобление Ральфа ничуть не тревожило Сэма, более того, на душе у него стало спокойнее. А когда он пододвинул завтрак Тиббсу, то почувствовал даже некоторую гордость. Сэм тронулся со стоянки, вывел машину на шоссе, сверился с часами и в награду за все убедился, что по-прежнему точен. Он осторожно подъехал к тому месту, где обнаружил тело, мягко притормозил и остановился.

– Ну, как там со временем? – спросил Тиббс.

– Минута в минуту, – ответил Сэм.

– Примите мою глубокую благодарность, – сказал Тиббс, – вы мне очень помогли, пожалуй, даже больше, чем можете себе представить. А также спасибо за то, что позаботились о моем завтраке. – Он прожевал кусочек сандвича и сделал глоток молока из пакета. – А теперь мне бы хотелось услышать от вас только одну вещь: почему вы решили изменить обычный маршрут, когда мы были еще по ту сторону железнодорожных путей?

Известие о том, что его кандидатуру на должность начальника полиции в небольшом городке Уэллсе посчитали самой подходящей, Билл Гиллспи отметил покупкой нескольких книг по организации полицейской службы и расследованию преступлений. То, что эти книги нужны ему по работе, придавало Биллу ощущение собственной значимости, хотя за все минувшие недели в Уэллсе он так и не нашел времени прочитать и страницы. После совещания у мэра он решил заняться ими без отлагательств. Ранним тихим вечером, предварительно хорошенько подкрепившись и надев шлепанцы, он уселся поближе к свету и предпринял честную попытку изучить купленные руководства.

Он начал с "Расследования убийства" Снайдера. Ему не пришлось слишком далеко залезать, чтобы постигнуть, как много из того, что он должен был сделать и не сделал, звучит для него новостью. Ну вот хотя бы начальный раздел: "Осмотр трупа". Вместо того чтобы произвести внимательное обследование либо поручить это кому-нибудь из подчиненных, он лишь быстро взглянул на тело и тут же удалился. Мало того, он так поступил при свидетелях. Правда, на его счастье, свидетели, наверное, и не поняли, что он плавает в этом вопросе.

Но тут он вспомнил, что там присутствовал Вирджил Тиббс. И не просто присутствовал, а, получив приглашение приступить к осмотру следом за Гиллспи, произвел самое доскональное обследование, хотя в тот момент для него это не представляло никакого практического интереса.

Гиллспи отложил книгу и сомкнул руки на затылке. В редком для него настроении справедливой самоотрешенности он признался себе, что сравнение было в пользу негра. Затем ему в голову пришла счастливая мысль – ведь еще не поздно спросить у Тиббса отчет об осмотре трупа и таким образом восполнить пробел в собственном расследовании. Единственным возражением против такого шага было то, что за Тиббсом явно признавалась профессиональная состоятельность. Гиллспи секунду-другую взвешивал этот вопрос и пришел к решению, что цена не так уж непомерна. Потребовав отчет, он даже выставит себя в лучшем свете. Завтра же утром он так и сделает.

С чувством, что вечер не прошел даром, Билл наконец улегся в постель, и спалось ему очень хорошо.

Легкое, приятное состояние не оставляло его и утром, пока он брился и завтракал, продумывая в уме планы на сегодняшний день. В управлении его ждал Эрик Кауфман; Гиллспи пригласил посетителя в кабинет и жестом показал на стул.

– Чем могу служить? – осведомился он.

– Вот хочу попросить разрешение на пистолет, – сказал Кауфман, подходя прямо к сути.

– На пистолет? А зачем? Вы что, держите при себе крупные суммы денег?

– Я бы не прочь, – ответил Кауфман. – Правда, маэстро Мантоли имел такую привычку и...

В общем, у меня крупных сумм не бывает.

– Зачем же тогда вам оружие?

Кауфман подался вперед:

– Я не хочу сказать ничего дурного о ваших служащих, мистер Гиллспи, и, пожалуйста, не воспринимайте это таким образом, но где-то поблизости прячется убийца. Мистер Мантоли уже стал его жертвой. Дочь маэстро или я можем оказаться следующими. Мне будет куда спокойнее с каким-нибудь средством защиты, по крайней мере пока причина убийства остается невыясненной.

– Стало быть, вы не собираетесь уезжать от нас?

– Нет. Мистер Эндикотт и комитет по подготовке фестиваля попросили меня взять на себя общее руководство. Хотя бы до тех пор, пока не выберут кого-нибудь другого. Дьюна, то есть мисс Мантоли, хочет остаться здесь, у Эндикоттов, до конца фестиваля. Ей сейчас, в сущности, некуда больше поехать.

– Я-то думал, она собирается в Италию хоронить отца.

– Да, она хочет сопровождать тело, но сразу вернется. Ведь она родилась в этой стране. Мантоли был американским гражданином, хотя все его родственники живут в Италии.

Гиллспи был удовлетворен.

– Мистер Кауфман, вы когда-нибудь привлекались к уголовной ответственности?

Кауфман вспыхнул:

– Разумеется, нет! Я вообще ни в чем не был замешан. Даже крупных дорожных штрафов и то не было.

Гиллспи включил селектор:

– Арнольд, возьми, пожалуйста, у мистера Кауфмана заявление на ношение оружия и снимки отпечатки пальцев.

– Большое спасибо, – сказал Кауфман. – Значит, я могу прямо сейчас идти покупать пистолет?

– По закону надо бы подождать, пока ваши бумаги пройдут все инстанции, – ответил Гиллспи.

– А это долго?

– Несколько дней, не больше. Но если вы чувствуете себя в опасности, хотя я убежден, что мы вполне в состоянии защитить вас, покупайте пистолет и принесите сюда, чтобы мы смогли его зарегистрировать. Тогда я выдам разрешение носить его здесь, в городе, пока мы не получим бумаг по всей форме. Но если вы соберетесь в Атланту или куда-нибудь еще, пожалуйста, оставьте пистолет дома.

Кауфман встал.

– Большое спасибо, – сказал он.

– Не стоит. – Гиллспи выпрямился, пожал протянутую ему руку и, едва Кауфман вышел, вновь плюхнулся в кресло.

Чуть позже вошел с рапортом Пит, заступивший на дневное дежурство.

– Ничего нового? – спросил Гиллспи.

Пит покачал головой.

– Абсолютно... то есть ничего, что могло бы продвинуть дело Мантоли. – Пит немного поколебался. – Вам известно, что в этот раз у Сэма Вуда был компаньон, правда, не всю ночь, но все-таки?

Брови Гиллспи вопросительно изогнулись.

– С ним ездил Вирджил, – объяснил Пит. – Он явился сюда около двенадцати и попросил взять его с собой. Вы сами распорядились, чтобы ему оказывали содействие, вот Сэм и согласился.

– Держу пари, Сэм был, конечно, в восторге! – заметил Гиллспи.

– Думаю, что не очень, – отозвался Пит. – Насколько я знаю, часа в четыре он приехал назад и высадил Вирджила из машины. Я слышал, Сэм был вне себя.

– А где Вирджил сейчас?

– Точно не знаю. Он взял подробную карту города и укатил в том самом автомобиле, что вы ему устроили.

– Как только он явится, передай, что я хочу его видеть, – приказал Гиллспи.

– Есть, сэр. Кстати, у вас на столе в той пачке писем лежит конверт, который мы не

распечатывали. Там пометка "Лично".

– Спасибо. – Гиллспи кивнул, давая понять, что Пит может идти, и выудил письмо из старательно сложенной пачки. Увидев, что оно в простом конверте и без обратного адреса, он сразу понял, чего ожидать. Сердито надорвав конверт, он стремительно пробежал глазами единственный исписанный листок, который оказался внутри:

"Гиллспи, может, ты все-таки подумаешь, почему здешняя служба досталась тебе, когда куча людей получше, которым она подходила, получили от ворот поворот? А все потому, что ты с Юга и нам казалось, достаточно здоровый бугай, чтобы держать негритосов где следует. Нам тут не надо никакой интеграции, мы хотим, чтобы ты держал этих чертовых ниггеров подальше от наших школ и от всех других мест, куда их хотят протащить всякие негритянские обожатели. А уж в нашей полиции они нам и вовсе не нужны. Так что избавляйся от этой лакированной рожи, что на тебя работает, и выкидывай его куда знаешь, лишь бы подальше от города. Коли ты не сделаешь этого, мы справимся без тебя. Кроме смеха. А если ты не слушаешь, мы выставим и тебя следом. Не так уж ты и силен, чтоб с тобой никому не сладить. Мы тебя предупредили, имей в виду".

Гнев, с которым Гиллспи всегда было невмочь совладать, хотя он и сам знал, что это его главная слабость, клокотал у него в груди, пока не стало трудно дышать. Чтобы найти нить к отправителю, он должен изучить письмо, это было ясно. Но еще яснее ему было, что тут ничего не найдешь. Он свирепо скомкал листок в своей огромной ручище и яростно швырнул в корзину для бумаг. Не так уж он и силен, вот ведь! Ну, пусть попробуют, это его самое большое желание! Он сжал кулаки и поднес их к глазам. Не каролинской шпане указывать тегасцу, что ему делать! Нравится им или нет, он – начальник полиции, и выставить его с этого места не так-то просто. Он еще не совсем успокоился, когда зазвучал сигнал селектора.

– Ну, что там еще? – спросил Гиллспи.

– Тут звонил Вирджил, чтобы узнать, какой гараж смотрит за служебными машинами. Я передал, что вы хотите его видеть. Вот он, уже входит.

Первым ощущением шефа был гнев на своего черного помощника, из-за которого он попал в такое дурацкое положение. Затем его настроение резко изменилось. Ему, видите ли, приказывают избавиться от Тиббса. Хотя бы уже из-за этого Вирджил останется здесь, пока это нравится Гиллспи.

Он все еще обдумывал свои ответные действия, когда в открытую дверь кабинета негромко постучали. Гиллспи вскинул глаза и увидел виновника своего беспокойства, с должным уважением застывшего у порога.

– Вы хотели видеть меня, сэр? – спросил Тиббс.

Гиллспи пришлось сделать усилие, чтобы не сорваться и говорить нормальным голосом.

– Да, Вирджил. Я как раз думал, когда ты соберешься представить отчет об осмотре трупа? Обычно бесстрастное лицо Тиббса осветилось нескрываемым удивлением.

– Я сдал его мистеру Арнольду еще два дня назад и считал, что он у вас.

Гиллспи осекся.

– Тогда он, наверное, где-то здесь, на столе. А еще я хотел спросить, зачем тебе понадобилось ездить с Сэмом, то есть с мистером Вудом, нынешней ночью?

– Мне нужно было точно выяснить, где он был до того момента, когда наткнулся на тело. По каким улицам проезжал и в какое время.

– Вот как? Тебе это кажется важным?

– Да, сэр, я в этом уверен.

– Понятно. И ты узнал все, что хотел?

– Почти. А то, чего недоставало, я, думается, выяснил утром.

– Вирджил, мне известно, что Сэм высадил тебя из машины и, когда он подъехал сюда, вид у него был разобиженный. Что же ты сделал, что так расстроило мистера Вуда? Обычно он очень сдержанный человек.

Тиббс стиснул пальцы и немного поколебался перед ответом.

– Мы с мистером Вудом очень хорошо ладили, но в одном пункте он немного ввел меня в заблуждение, а когда я сказал ему об этом, он привез меня сюда и высадил без всяких церемоний.

– Мистер Вуд ввел тебя в заблуждение? Что ты имеешь в виду? Скажи яснее.

– Ну, раз уж вы меня спрашиваете, мистер Гиллспи... Я попросил его как можно точнее повторить свой маршрут, которого он придерживался в ночь убийства. В одном месте он слегка отклонился.

Гиллспи откинулся на спинку кресла.

– Вирджил, возьми в толк, что мистер Вуд вот уже больше трех лет патрулирует город по ночам. И он ввел в обиход постоянно менять свой маршрут, чтобы никто не мог знать заранее, где он будет находиться каждую секунду, поэтому нельзя требовать от него, чтобы он помнил каждый поворот, сделанный в какую-то одну ночь. Даже если прошло всего двое суток.

– Понятно, сэр. Вы хотели меня еще о чем-то спросить?

Гиллспи задумался. Он попытался найти в реплике Тиббса что-нибудь оскорбительное, но если в ней что и было, то оставалось глубоко спрятанным.

– Нет, это все.

Едва негр скрылся за дверью, шеф тяжело сполз в своем кресле. Внезапно ему пришла идея, казавшаяся вовсе невероятной. Но он поразился, почему не подумал об этом раньше. Идея попросту потрясала, но она могла быть ответом.

Закрыв глаза, он представил себе человека, рассекающего воздух деревянным обрубок, который вот-вот должен опуститься на голову маленького итальянца и раздробить его череп страшным, жестоким ударом. И тот, кого он видел размахивающим безжалостной дубинкой, готовой оборвать человеческую жизнь, был не кто иной, как Сэм Вуд.

Сэм имел такую возможность – в этом нет никакого сомнения. То, что для другого было сопряжено с огромным риском, Сэм мог проделать без всяких затруднений. Пусть Сэм подошел к своей жертве даже за полночь, маленький итальянец все равно бы ничего не заподозрил, полагая, что ему нечего бояться полицейского. Повинуясь внезапному наитию, Гиллспи схватился за телефон и позвонил мистеру Дженнингсу.

– Мне нужно строго конфиденциально поговорить с вами об одном из наших людей, – начал Гиллспи. – Сэм Вуд вам знаком?

– Я очень хорошо знаю мистера Вуда, – немедленно отозвался Дженнингс.

– Вот что я хотел бы узнать, – сказал Гиллспи, – за последний месяц-другой с его счетом ничего не происходило? Каких-нибудь крупных операций? Может, он брал ссуду?

– Видите ли, банк гарантирует тайну вкладов, – ответил Дженнингс, явно стремясь уклониться от прямого ответа. – В любом случае у нас не принято говорить об этом по телефону. Надеюсь, вам это понятно.

Второй раз за сегодняшний день Гиллспи пришлось сбавить тон.

– Ну хорошо, ладно! Это ваше право. Но вы все же мне не ответили.

– Дайте мне ясно понять, мистер Гиллспи, – ответил Дженнингс. – Это что, официальный запрос?

– Можете считать так.

– Тогда мы, конечно, не отказываемся от сотрудничества. Если вы приедете ко мне в любое удобное для вас время, я дам вам возможность просмотреть документацию.

– А нельзя прислать ее сюда?

– Если вы представите ордер по всей форме, мы с удовольствием подчинимся, – ровно ответил Дженнингс. – Однако было бы много удобнее, если бы вы приехали сами. Вам должно быть понятно: не хочется выпускать документацию из стен банка. А копии мы стараемся не снимать.

Убедившись, что большего ему не добиться, Гиллспи положил трубку. Беседа не подтвердила и не рассеяла подозрений, и он был раздосадован. Мотив ограбления вроде бы отпадал, но ведь Кауфман заметил, что Мантоли имел привычку носить при себе крупные суммы. Сэм мог убить его, но взять не все деньги, а лишь часть, чтобы запутать следы. Подобные вещи известны в криминалистике.

На пороге появился Арнольд, в руках у него было несколько листов.

– Вирджил говорит, вы хотите взглянуть на его отчет об осмотре тела.

– Ясное дело, хочу, – огрызнулся Гиллспи. – Он что, для того составлен, чтобы вам было помягче сидеть?

– Я не знал, что он вам понадобится, – ответил Арнольд, пожал плечами и удалился.

Билл Гиллспи принялся за злополучный отчет. Пробегая глазами раздел за разделом, он чувствовал, как в нем закипает настоящая зависть. Подобного документа он сам никогда не составлял, да и не мог составить, и, кроме того, это сделал его собственный подчиненный, есть от чего прийти в бешенство. Но если дело все же благополучно дойдет до суда, отчет Вирджила может здорово пригодиться для изложения материалов следствия. К тому же он многое узнал о покойном маэстро Мантоли, с которым так и не успел познакомиться. Но, приводя себе все эти доводы, он все же не мог полностью подавить раздражение: этот исчерпывающий документ был составлен негром, а они не имеют права родиться такими сообразительными.

Зазвонил телефон.

Говорил Фрэнк Шуберт:

– Билл, мне чертовски неприятно дергать тебя, но у меня у самого буквально телефон оборвали. Ты ничего не можешь прибавить к тому, что говорил вчера насчет этого дела? В совете очень обеспокоены, и нет такого человека в городе, хоть мало-мальски знакомого, который бы не позвонил мне и не потребовал ответа, когда будет пойман убийца.

– Черт возьми, Фрэнк, а ты сказал бы этим идиотам, чтобы они отцепились и не мешали вести расследование. Когда у тебя висят над душой, мало толку, ты-то уж должен это понимать.

Мэр немного поколебался:

– Ну хорошо, Билл. Я понимаю твое состояние. Да... тут вот еще один вопрос: как с этим цветным из Калифорнии, ты уже отделался от него?

– Нет и не собираюсь. – Гиллспи едва сдерживал голос.

– По-моему, это было бы дельно, Билл.

– Черт меня побери, если я это сделаю, мне пришьют личные мотивы! – Гиллспи все же сорвался на крик. – Фрэнк, я сейчас должен уйти и позвоню тебе, как только у меня будет что доложить. Обещаю.

– Ах, так... Ну хорошо, Билл, – сказал Шуберт и повесил трубку.

Гиллспи понял, что терпению мэра тоже приходит конец. А если и Фрэнк Шуберт наточит на него зуб, не пройдет и дня, как в Уэллсе будет новый шеф полиции.

Гиллспи щелкнул клавишей селектора.

– Где Вирджил? – спросил он.

– Вышел, – ответил Пит. – Ему позвонил преподобный Не-Разбери-Поймешь, и он с ходу выкатился. А он что, нужен?

– Ладно, потом, – сказал Гиллспи и оборвал разговор. Тысяча самых противоречивых

чувств бушевала у него в груди. Он встал, нахлобучил шляпу и двинулся напрямик к машине. Как бы там ни было, одну вещь он должен выяснить.

Управляющий банком встретил его весьма любезно и немедленно распорядился принести бумаги. Гиллспи было приятно видеть, что его слова и наружность производят некоторое впечатление в этом городке, к которому он начинал испытывать искреннюю неприязнь. Наконец принесли счет, Дженнингс молча его перелистал и, не выпуская из рук, заговорил:

– В последние годы мистер Вуд постоянно держит у нас свои сбережения. Его счет никогда не превышал нескольких сотен долларов. Дважды этой наличной суммы не хватало, чтобы оплатить подписанные им чеки, но его кредитоспособность оставалась по-прежнему вне сомнений. Приказы вкладчика по вложению и снятию сумм чередовались вполне равномерно.

– И ничего по приметнее? – нетерпеливо спросил Гиллспи.

– Я как раз подходил к этому, – ровно ответил Дженнингс. – Два дня назад мистер Вуд явился в банк и погасил рассрочку за свой дом. Это не Бог весть что, поскольку дом небольшой. Он предъявил чек, который, по его словам, был прислан ему по почте как доля завещанного наследства. А оставшуюся сумму – шестьсот с небольшим долларов – он внес наличными.

– Шестьсот наличными! – повторил Гиллспи. – По-моему, это не слишком обычно.

– И да и нет, – отозвался банкир. – Многие еще хранят свои сбережения в матрасах и коробках из-под конфет, хотя каждый год на те же суммы, положенные в банк, могли бы набегать не маленькие проценты.

– Вряд ли это относится к тем, у кого несколько лет свой счет в банке, – сказал Гиллспи. Тяжесть улики, которую он только что получил, начала проникать в его сознание, – он ждал долгого и медленного продвижения вперед, а мяч свалился точно ему в руки, да еще прямо у ворот, за белой линией.

Сэм Вуд взял за правило ежедневно около четырех заходить в управление. Сегодня ему этого не хотелось, но он решил, что не стоит ломать привычек. Проведя в одиночестве остаток ночи, он в конце концов понял, до чего несправедливо поступил со своим неожиданным спутником. Сэм долго ломал голову, но так и не смог взять в толк, каким образом его маленькая хитрость вышла наружу. Но факт оставался фактом, и Сэму было бы неприятно наскочить на Вирджила Тиббса.

Придя в полицию, Сэм увидел у стола дежурного Эрика Кауфмана, занятого разговором с Питом. Кауфман держал в руках маленький пистолет, а Пит вроде бы записывал марку и серийный номер. Оглянувшись, Кауфман заметил Сэма и остановил его.

– У вас не найдется для меня свободной минутки? – спросил Кауфман. – Я только закончу и сразу же подойду.

– Конечно, я подожду. – Сэм уселся на скамью у самой стены, где по крайней мере был какой-то намек на уединение. Через минуту-другую Кауфман опустил пистолет в карман, подошел к Сэму и сел рядом.

– Во-первых, – начал он, – мне бы хотелось уладить некоторые возникшие между нами недоразумения. Тогда, ночью, я зря ершился и чувствую, что чертовски виноват перед вами. Правда, я был очень расстроен и подавлен, но это, конечно, не оправдание.

– Ничего страшного, – любезно отозвался Сэм.

– Когда я остановился, у меня было время спокойно подумать, и я понял, насколько это уважительно с вашей стороны – проделать весь долгий путь к дому Эндикоттов с единственной

целью – проявить заботу о нас. Нам с Дьюной хотелось бы, чтобы вы поняли, как мы вам за это признательны.

Какое-то мгновение Сэм был не в состоянии произнести ни слова: от последней фразы у него перехватило дыхание, словно он получил увесистый удар в солнечное сплетение.

– Хорошенько поразмыслив над тем, что вы мне тогда сказали, – продолжал Кауфман, – я решил прийти сюда и выправить разрешение на пистолет.

– А вы знаете, как с ним обращаться? – спросил Сэм.

– Весьма относительно, но, по правде сказать, я и не думаю, чтобы он мне понадобился. При случае хватит одного его вида. Вот и все, зачем он мне нужен, пока тянется это дело. Надеюсь, оно все-таки движется?

– Я не имею права говорить об этом, – ответил Сэм, но был уверен, что нашел самый безопасный ответ.

– Понимаю... Да, чтобы не забыть, Дьюна просила меня поблагодарить вас от ее имени: вы были так добры к ней в тот день, когда она потеряла отца. Она еще не совсем оправилась от удара, но ее состояние уже много лучше – мы даже не могли на это надеяться. Она просто удивительная девушка, и будь вы знакомы с ней так же, как я, вы бы сказали то же самое.

– Я в этом целиком и полностью убежден, – с чувством сказал Сэм, и каждое слово этой фразы было исполнено для него второго, скрытого смысла. И тут он решил, что, отважившись на такое полупризнание, можно сделать и более отчаянный шаг. – Странно, что вы до сих пор на ней не женились.

– Это мое самое заветное желание, – отозвался Кауфман, – и мне уже казалось, что все близится к благополучному завершению, но тут произошло это ужасное событие. Когда неизвестность останется позади и мы сможем уехать, надеюсь, все вернется на прежнее место.

– Что ж, скорее всего, ваши надежды сбудутся, – сказал Сэм, намеренно затягивая свою попытку.

– Хотелось бы верить.

– Ну, я искренне желаю вам успеха, – солгал Сэм и заставил себя сердечно протянуть руку. Несмотря ни на что, сегодня Кауфман вызывал в нем куда более теплые чувства. Как это прекрасно – испытывать благожелательность к ближним и сознавать, что они отвечают тебе тем же! Сэм оглянулся: нет ли здесь Вирджила Тиббса?

Пит поймал его взгляд и подозвал к столу:

– Шеф хочет тебя видеть.

– Иду, – сказал Сэм и повернул в коридор, ведущий к кабинету Гиллспи. По дороге он на секунду заглянул в умывальную, пригладил волосы и поправил рубашку. Хотя Сэм не испытывал особого уважения к Гиллспи, являясь к начальнику, он хотел выглядеть полицейским до кончиков ногтей – исполнительным и знающим службу. Он дошел до конца коридора и с должным почтением постучал в закрытую дверь.

Около шести Вирджил Тиббс подвел свой взятый напрокат автомобиль к полицейской стоянке и устало вылез из-за руля. Прежде чем хлопнуть дверцей, он перегнулся через спинку кресла, взял что-то с заднего сиденья и только потом поднялся по ступенькам в участок.

Когда Тиббс поравнялся со столом дежурного, уже заступившего на вечернюю смену, тот поднял глаза от газет.

– Ну как? – спросил он.

– Шеф случайно еще не ушел? – поинтересовался Тиббс.

– Не ушел. Только, по-моему, он вряд ли будет в восторге, если его побеспокоить.

– Он что, не один? – осведомился Тиббс.

– Нет, один. Но лучше не попадаться ему на глаза, если у тебя что-нибудь не очень важное.

– Пожалуйста, доложите ему, что я здесь и мне надо его видеть.

Чтобы протянуть руку и щелкнуть клавишей селектора, дежурному понадобилось изрядное время.

– Тут пришел Вирджил, – наконец доложил он. – Я сказал, что вас лучше не беспокоить, но он настаивает.

– Пусть войдет, – донесся голос Гиллспи.

– Проходи, – сказал дежурный и вернулся к своей газете.

Тиббс прошел по коридору и постучал в закрытую дверь кабинета.

– Я ведь сказал, можешь войти, – раздалось оттуда.

Вирджил открыл дверь и тихо ступил в комнату. Взглянув на Гиллспи, возвышавшегося над столом, он сразу понял: тот чем-то здорово потрясен.

– Ну? Что там случилось, Вирджил? – спросил Гиллспи. Но в его словах не слышалось обычной напористости, это был голос человека, который рискнул на смелый и неожиданный шаг и теперь сомневался, правильно ли он поступил.

Тиббс двинулся к столу и положил перед Гиллспи небольшой деревянный обрубок. Это была грубая суковатая палка около двух дюймов в диаметре и двадцати двух в длину. Гиллспи молча окинул ее взглядом.

– Ну и что? – спросил он.

– Это орудие убийства, – сказал Тиббс. Гиллспи взял роковой обрубок и с любопытством осмотрел. Отчетливые пятна на одной стороне дубинки служили ужасающим доказательством того, для чего она, по всей вероятности, была использована. Шеф повертел ее в пальцах, а затем вскинул, словно прицеливаясь, и посмотрел, насколько она прямая.

– Как тебе удалось найти это? – спросил он.

– Мне помогли, – сказал Тиббс и умолк в ожидании дальнейших вопросов.

Гиллспи продолжал молча вертеть обрубок. Тогда заговорил Тиббс.

– Вам что-нибудь не нравится? – спросил он.

– Ведь я уже говорил тебе, мы тут и сами умеем управляться со своими делами. Нет, не то что я не ценю, что ты мне принес эту штуку... И твой отчет об осмотре тела вполне удовлетворителен. Но, пожалуй, пора тебе узнать: около часа назад я собственноручно арестовал убийцу Мантоли.

У Тиббса вырвался короткий вздох.

– Можно ли у вас спросить... – начал он.

– Кто он такой? – подсказал Гиллспи.

– ..вы получили признание? – закончил Тиббс.

– Нет. Он, конечно, все отрицает. – Гиллспи остановился и вновь поднял со стола обрубок. – Но это его рук дело, я знаю. – Он продолжал рассматривать смертоносное орудие, а потом взвесил его на ладони. – Ну и что тебе дала эта штуковина? – спросил он.

– Она лишь подтвердила то, что мне уже было известно, мистер Гиллспи, так будет точнее.

– Что же именно?

– Кто совершил убийство, – ответил Тиббс.

Гиллспи вновь отложил обрубок.

– Ну, тут я тебя опередил. А теперь вот что, если хочешь навестить своего дружка Сэма, ты найдешь его в первой камере отсюда.

Вирджил Тиббс обратил на Гиллспи взгляд, полный изумления и недоверия, а затем перевел глаза на окно, собираясь с мыслями.

– Сэма Вуда? – спросил он, словно это было выше его понимания.

– Совершенно верно, – ответил Гиллспи.

Тиббс в молчании опустил на стул.

– Сэр, – наконец произнес он, стараясь не задеть Гиллспи, – я знаю, вам не хочется этого слышать, но мой долг сказать, что я думаю. Невинность мистера Вуда совершенно очевидна. И вы можете сами создать препятствия вашему продвижению по службе, если оставите его под арестом. – Он выждал паузу и устремил на Гиллспи твердый взгляд темно-коричневых глаз. – Видите ли, сэр, у меня нет никаких сомнений, что вы арестовали не того человека.

Еще мальчиком, с тех пор как он себя помнил, Билл Гиллспи был значительно крупнее своих сверстников – и соседских ребят, и школьных приятелей. Поэтому он мог диктовать правила игры и навязывать свою волю более слабым. К его чести, Гиллспи не превратился из-за этого в драчуна и не задибал тех, кто, по всей видимости, не испытывал к нему расположения. Но привычное первенство лишило его одного из самых необходимых качеств – житейской гибкости. Он и сам понимал, что дипломат из него никудышный, и время от времени бывал этим обеспокоен.

Ночью, после того как он арестовал Сэма Вуда по подозрению в убийстве, эта мысль тревожила его особенно сильно. Гиллспи метался в постели, переворачивался с боку на бок и колотил подушки, остававшиеся молчаливыми и безучастными. Наконец он встал и сварил себе кофе. Перед глазами неотступно стояла сцена, происшедшая днем в его кабинете: еще ни один человек не встречал натиск Билла с такой выдержкой, и он испытывал невольное восхищение Сэмом Вудом. Разумеется, выигрыш, как и всегда, остался за Гиллспи, но теперь его стали одолевать мучительные сомнения; они все надвигались и надвигались, пока не стали казаться ему какими-то бесконечными римскими фалангами. Больше всего его беспокоила настойчивая уверенность Вирджила Тиббса в том, что Сэм Вуд невиновен. Гиллспи не собирался придавать слишком большого значения словам черномазого сыщика и совершенно ясно дал ему это понять, но в то же время помнил, что следователь из Пасадены чересчур часто оказывался прав. Гиллспи чуть ли не молился, выпрашивая у Господа серьезную, бесспорную и прочную улику, поддерживающую его версию. Что скрывать, ему нравился Вуд, хотя он никогда и не думал, будто Сэм классный полицейский, но к убийцам Гиллспи испытывал глубокое отвращение, а Сэм Вуд был убийцей, он в этом уверен.

Правда, Вуд отказывался от всего наотрез, а кроме того, на его стороне был Вирджил. Гиллспи снова лег в постель и забылся тяжким сном человека, чувствующего себя виноватым. Утром его настроение не улучшилось, и он впервые отправился на службу с мыслью, что зря принял назначение, к которому был не совсем подготовлен.

Уже в дежурке ему почудилось, что в воздухе разлита какая-то напряженность. Пит встретил начальника с обычным почтением, но слова приветствия показались Гиллспи пустыми, словно яичные скорлупки. На столе в кабинете его ожидала пачка утренней почты. Напустив на себя деловой вид, Гиллспи уселся и принялся ее просматривать. Он пробежал строчку за строчкой, а тем временем в его голове складывалось решение: он еще раз проверит доказательство, которое у него на руках, и если найдет какое-то другое удовлетворительное объяснение, что же, он подумает, нельзя ли освободить Сэма. В глубине души Гиллспи понимал: при таком повороте он в любом случае многое потеряет в глазах окружающих, но мысль о том, что его поступки будут продиктованы справедливостью, все же принесла ему некоторое облегчение.

Вскоре до его слуха стало доходить, что в дежурке творится нечто необычное. Гиллспи слышал незнакомые голоса, и ему показалось, что он уловил и свое имя. Он был бы не прочь выйти и узнать, в чем дело, но его положение требовало, чтобы он не проявлял интереса, пока его не попросят.

Ждать пришлось недолго. В дверях показался Арнольд и остановился на пороге, стараясь обратить на себя внимание.

– Сэр, – сказал он, – тут пришли с жалобой, и мне кажется, вам нужно разобрать ее самому, то есть я просто уверен в этом. Привести их сюда?

Шеф ответил утвердительным кивком. В коридоре послышались нетвердые сбивчивые шаги, а затем в кабинет впустили двоих посетителей. Первым вошел костлявый мужчина с невероятно худым обветренным лицом, сплошь покрытым тонкими трещинами морщин. В рабочем комбинезоне, выставив угловатые плечи и наклонившись вперед, он остановился, выражая собой извечную недоверчивость. Стальная оправа очков придавала его топорным чертам еще большую суровость. Плотно сжатые губы как бы застыли в привычной складке, и, глядя на них, Гиллспи подумал, что, когда этот тип напьется, добра от него не жди.

Следом за ним появилась девушка лет шестнадцати-семнадцати, насколько можно было судить по первому впечатлению. Свитер и юбка сидели на ней в обтяжку, обрисовывая зрелые округлости. Толстые каблуки, казалось, подчеркивали некоторую грузность ее фигуры, полноватой, но не заплывшей, – объяснить, что означает та или иная часть ее тела, как говорится, не приходилось. Преувеличенно поднятые груди выпирали из тесного свитера, назойливо бросаясь в глаза, как ни отводи взгляд. Она просто создана, чтобы вляпаться в какую-нибудь историю, подумалось Гиллспи, если уже не вляпалась.

– Вы тут шеф? – спросил тощий мужчина.

Трех слов вполне хватило, чтобы понять, до чего он необразован, и Гиллспи сразу почувствовал, что ему удастся совладать с этим человеком.

– Угадал, – сказал Гиллспи. – А что у вас за дело?

– Моя фамилия Парди, а это моя дочь Делорес.

Девушка одарила Гиллспи широкой улыбкой, которая явно казалась ей покоряющей и многозначительной. Гиллспи перевел взгляд на мистера Парди.

– Она попала в беду, шеф. Вот почему мы сюда пришли.

– Что за беда, обычная для девушки?

– Я хочу сказать, у ней будет ребенок. Вот что у ней за беда, хочу я сказать.

– Сколько тебе лет, Делорес?

– Шестнадцать, – радостно отозвалась та.

Рука отца легла ей на плечо.

– Это малость не так. Понимаете, Делорес, она, в общем, приболела и много пропустила в школе. А ребята здорово цепляются, если кто поотстал, вот мы и раззвонили, что Делорес пятнадцать, когда переехали сюда на прошлый год. По правде-то ей тогда стукнуло семнадцать, так что теперь, выходит, восемнадцать.

– Это далеко не одно и то же, – разъяснил Гиллспи. – По законам штата, если девушку склонили к сожителю, когда ей было шестнадцать лет, это считается подсудным делом и приравнивается к изнасилованию. Даже в том случае, если ее не принуждали...

– Коли она не замужем, – вставил Парди.

– Верно, если она не замужем. Но раз ей уже восемнадцать или больше и дело обошлось без принуждения, тогда это незаконная связь, что совсем не такой серьезный проступок.

Лицо Парди еще больше одеревенело. Он словно прислушивался к тишине в ожидании звуков, которые должны прилететь откуда-то издали.

– Ну а если какой мальчик улестит невинную девочку вроде моей Делорес на такое, что ей не следует делать? Это не изнасилование?

Гиллспи отрицательно покачал головой:

– Нет, это совращение – тоже тяжелый проступок, но не такой серьезный, как изнасилование. Изнасилование вместе с убийством и вооруженным ограблением и некоторыми другими преступлениями относится к самым серьезным статьям во всем своде законов. А может, вы все же сядете и расскажете мне, как это случилось?

Уловив намек, Арнольд исчез. Пока посетители усаживались, зажуужал селектор. Гиллспи

щелкнул клавишей.

– Пришел Вирджил, шеф. Он тут, в дежурке, и спрашивает, нельзя ли ему войти. Он говорит, что это очень важно для того дела, по которому он работает.

Гиллспи уже набрал воздуха, чтобы отказать наотрез, но тут ему в голову пришла садистская мысль. Он подумал: как это понравится мистеру Парди – расписывать "беду" своей дочери при черномазом? Парди влез со своим уточнением, когда шеф объяснял законы штата, а Гиллспи не любил, чтобы его прерывали.

– Пусть войдет, – распорядился он.

Тиббс постарался появиться в кабинете как можно незаметнее и тихо присел на скамью, словно в ожидании приказаний.

– Скажите, чтоб он ушел, – потребовал Парди, – я не собираюсь говорить обо всем этом, когда в комнате негритос.

– Мне хочется, чтобы он остался, значит, так оно и будет, – сообщил Гиллспи. – Давай выкладывай свою историю и забудь, что он здесь.

Но Парди заупряился.

– Нет, сперва уберите его, – возразил он.

К удивлению Гиллспи, Тиббс живо поднялся и направился к двери. Шеф сердито посмотрел на него, и Тиббс поспешил сказать:

– Я тут же вернусь, совсем забыл об одной вещи.

Он дождался, когда Парди перестанет глазеть в его сторону, и выразительно кивнул на селектор. Затем вышел и плотно прикрыл за собой дверь.

Поскольку такое разрешение конфликта ничем не угрожало его авторитету, Гиллспи для отвода глаз порылся в бумагах, заглянул в ящик стола, а затем как бы невзначай включил селектор. Проделав все это, Гиллспи откинулся на спинку кресла.

– Ладно, вот мы и одни, – проговорил он. – Теперь рассказывай, что там у тебя.

– Ну, Делорес, она и впрямь неплохая девочка и никогда не вытворяла ничего худого – только то, что и все дети делают. Потом она стала встречаться с одним здешним малым, который в два раза ее старше, а я ничего и не знал. А он неженатый, вот он и принялся обхаживать мою девочку.

– Что же ты его не отвадил? – спросил Гиллспи.

Парди недовольно скривился:

– Мистер, я целую ночь на работе, у меня не выходит сидеть дома и воспитывать ребят или там следить, чего они вытворяют каждую минуту. А потом, Делорес мне ничего не говорила, только уже когда дело сделалось.

– Чего и говорить, он малый что надо, – вставила Делорес. – Я от него ничего плохого и ждать не могла. И по правде сказать, он был со мной очень добрый.

– Давайте-ка ближе к делу, – сказал Гиллспи. – Когда это случилось?

– Ночью, поздно ночью. Хозяйка моя спала, как ей и положено, а Делорес вылезла из постели, встретила с этим малым, и вот тут-то он ее и получил.

Гиллспи повернулся к девушке:

– Расскажи мне, как это было. В точности, одно за другим.

Делорес напустила на себя смущенный вид, какой только могла изобразить, но все равно это выглядело явной подделкой.

– Ну, как па тут сказал, он был равнодушен ко мне, и мы разговаривали, а потом сели поближе, и тогда... – Она остановилась, но лишь потому, что ей не хватило слов.

Шеф взял карандаш и легонько постучал им по столу.

– Я хочу, чтобы ты сказала мне одну вещь, – проговорил он. – Ты что, отбивалась, а этот

тип заставил тебя или просто так вышло, что он зашел дальше, чем следовало?

Делорес замаялась, и ее колебание продолжалось достаточно долго, чтобы послужить ответом, который ждал Гиллспи.

– Я ничего и не поняла в тот раз, – наконец сказала она.

Гиллспи немного расслабился.

– Ладно, Делорес. Конечно, этот субъект поступил с тобой плохо, и мы, Делорес, его арестуем. Мы имеем полное право обвинить его в содеянном, и этого вполне достаточно. Но нам надо знать, кто он.

Парди не выдержал.

– Вы его и без нас знаете! – взорвался он. – Вот почему мы и хотели поговорить прямо с вами. Это тот фараон, которого вы высылаете на ночь, чтобы он охранял женщин. Я знаю и его имя – Сэм Вуд!

Едва Билл Гиллспи вновь остался один, он нажал кнопку вызова и отдал распоряжение дежурному:

– Пришлите ко мне Вирджила.

– Его нет поблизости, – раздался в ответ голос Пита.

– Где же он, черт его подери? – возмутился Гиллспи. – Разве он не слушал по селектору?

– Нет, он слушал, сэр. Но когда разговор закончился, он обругал себя величайшим дураком на свете, или что-то вроде того, и тут же сорвался с места.

– Больше ничего?

– Да, сэр, это все. Единственное, что я могу прибавить, – уже на бегу он кому-то позвонил.

В этой части своего сообщения Пит кое-что утаил от Гиллспи. Правда, обман был не очень значителен и в глазах Пита выглядел скорее актом милосердия: выбегая из управления, Тиббс на секунду остановился в проходной и быстро проговорил: "Скажите Сэму Вуду, что ему не о чем волноваться". Питу не понадобилось много времени, чтобы прийти к решению не доводить до сведения Гиллспи последнюю фразу Вирджила. Это замечание могло выйти ему боком.

Дряхлый автомобиль, который Тиббс взял напрокат у механика Джесса, упрямо взбирался по крутым изгибам дороги, ведущей к дому Эндикоттов, но с его маломощным мотором это давалось нелегко. И когда наконец он добрался до вершины, радиатор здорово перегрелся. Тиббс подвел машину к маленькой ровной площадке перед домом, поставил на тормоз и вылез. В следующее мгновение он уже нажимал на кнопку звонка.

Дверь почти сразу же открылась, за ней стоял Джордж Эндикотт.

– Входите, мистер Тиббс, – пригласил хозяин. Это прозвучало вежливо, но не слишком сердечно. Затем он провел гостя в свою эффектную гостиную, уселся, жестом указал на кресло и только тогда поинтересовался:

– По какому же поводу вы хотели со мной поговорить?

– Я должен задать вам несколько вопросов, которые могли прийти мне в голову и намного раньше, – отозвался Тиббс. – Сейчас, в связи с некоторыми последними событиями, получить ответ на них стало уже необходимостью. Вот почему я и просил у вас безотлагательной встречи.

– Ну что ж, пожалуйста, – согласился Эндикотт. – Спрашивайте, а я постараюсь сообщить все, что в моих силах.

– Так вот, сэр. Насколько я понял, перед тем как произошло убийство, мистер Мантоли провел вечер у вас в доме. Я не ошибаюсь?

Эндикотт кивнул:

– Не ошибаетесь.

– Кто же из собравшихся ушел первым?

– Мистер Кауфман.

– А в котором часу?

Эндикотт подумал секунду:

– Я бы сказал, часов в десять. Но за точность не ручаюсь. Вряд ли вообще кто-нибудь обратил внимание на время. Мы были поглощены другими вещами.

– Вы не могли бы назвать всех присутствовавших?

– Энрико, то есть маэстро Мантоли, его дочь, мы с женой и мистер Кауфман.

Вирджил крепко сжал пальцы и немного наклонился вперед. Задавая следующий вопрос, он не поднимал глаз от своих стиснутых рук.

– А не могли бы вы попытаться вспомнить, в какое примерно время маэстро Мантоли оставил ваш дом?

– Часов в одиннадцать – в половине двенадцатого, – ответил Эндикотт.

Тиббс выдержал секундную паузу.

– А каким образом он добрался до города?

На сей раз Эндикотт погрузился в молчание.

– Его отвез я, – наконец сказал он.

– Вы вышли вдвоем?

– Да. Как только мы собрались уезжать, дамы ушли к себе.

– Благодарю. И когда же примерно вы вернулись обратно?

– Приблизительно через час. Точнее сказать не могу. Я ведь говорил вам, мы были заняты совсем другими делами.

– Где вы расстались с маэстро Мантоли?

На лице Эндикотта показались признаки нетерпения.

– Я высадил его у дверей отеля. Мы предлагали ему остаться, но он отказался – Энрико вообще был очень тактичным человеком и знал, что, если он примет это предложение, нам с женой придется освободить для него свою спальню. Правда, у нас есть комната для гостей, но она была приготовлена для его дочери. Поэтому он предпочел остановиться в отеле, хотя это и весьма второсортное заведение.

– С той минуты, как вы выехали вместе, – продолжал Тиббс, – и до того времени, когда вернулись один, вам никто не попадался на глаза?

Эндикотт посмотрел прямо ему в лицо:

– Мистер Тиббс, я не стану утверждать, будто тон вашего вопроса пришелся мне очень по вкусу. Вы требуете, чтобы я доказал свое алиби? Вы предполагаете, что я убил своего самого лучшего, самого близкого друга?

Вирджил Тиббс еще крепче сжал пальцы.

– Мистер Эндикотт, я далек от всяких предположений. Мне нужна информация – ясная и простая. Если вы заметили кого-нибудь, пока были в городе, это может привести на след.

Эндикотт отвернулся к огромному окну, за которым открывался ослепительный вид бесконечных горных вершин.

– Хорошо, прошу прощения, – сказал он. – Конечно, вы должны проверить все возможные версии.

Разговор пришлось прервать – в гостиную вошли Грейс Эндикотт и Дьюна Мантоли. Мужчины поднялись им навстречу, и дамы поздоровались с Тиббсом. Он тут же отметил про себя, что Дьюна как будто оправилась от потрясения: она уже не казалась такой беспомощной и

испуганной, и с ее лица исчезли следы слез.

– Надеюсь, у вас есть какие-нибудь успехи? – спросила Грейс Эндикотт, когда все уселись.

– На мой взгляд, да, миссис Эндикотт, – ответил Тиббс, – особенно за сегодняшний день.

Но прогресс в уголовном расследовании – трудноопределимая вещь. Можно целыми неделями работать на какую-то версию, а в конце концов оказаться перед глухой стеной. Никогда нельзя быть уверенным, что вы на правильном пути, если у вас нет последнего звена во всей цепи доказательств, – дело ведь не только в том, чтобы найти преступника, нужно еще сделать его вину очевидной.

– Мы все с большим уважением относимся к теории, – прервал его Джордж Эндикотт, – но в данный момент нас гораздо больше интересуют факты. Когда же все-таки дело дойдет до ареста, вот что хотелось бы знать.

Тиббс снова уставился на свои пальцы:

– Арест уже сделан, но задержан ни в чем не повинный человек. Я знаю это совершенно точно.

– Тогда почему же он за решеткой? – спросил Эндикотт.

Тиббс поднял глаза:

– Потому что шеф Гиллспи не настолько доверяет моему мнению, чтобы отпустить задержанного.

– А кто это? – спросила Грейс Эндикотт. – Мы его знаем?

– Да, вы с ним знакомы, миссис Эндикотт. Это мистер Вуд, с которым мы приезжали к вам в прошлый раз.

Дьюна Мантоли тревожно выпрямилась в своем кресле:

– Вы хотите сказать, что тот рослый мужчина, который был так внимателен ко мне в день...

– Он самый, мисс Мантоли.

– И его обвиняют... – Она заколебалась, но все же заставила себя произнести эти слова:

– в убийстве моего отца?

– Даже еще кое в чем, – ответил Тиббс, – но, хотя в данный момент я и одинок в своем мнении, я совершенно уверен, что он полностью невиновен.

– Почему же вы не докажете этого, если так уверены? – спросил Эндикотт.

Когда Тиббс поднял глаза, в его взгляде чувствовался скрытый огонь. Заметив это, Эндикотт весьма удивился: для него было неожиданностью, что выдержанный, подтянутый негр способен на подобные вспышки.

– Как раз это я и пытаюсь сделать, – сказал Тиббс, – иначе я не стал бы беспокоить вас своими расспросами.

Эндикотт встал и подошел к окну. Наступило молчание, и никто не пытался его нарушить, пока Эндикотт не заговорил снова.

– А Гиллспи даст вам возможность доказать то, что вы хотите? – спросил он, глядя в окно.

– Сейчас моя служба в том и состоит, – ровно ответил Тиббс, – чтобы уберечь его от собственных ошибок. Арест Сэма Вуда – одна из них. Как только я смогу ее исправить, моей следующей задачей будет доставить к нему настоящего преступника и сделать это так, чтобы даже он понял истину. Ну а потом я отправлюсь домой, в Калифорнию, и буду со спокойной душой прогуливаться по городу.

Эндикотт повернулся к нему:

– С самого начала нашей злополучной поездки, мистер Тиббс, я не видел ни единой души, и маэстро Мантоли тоже вряд ли кого заметил. То есть я хочу сказать, до той минуты, пока я не подвез его к дверям отеля. Тут я пожелал ему доброй ночи и вернулся обратно. Насколько я понимаю, никто не может подтвердить истинность моих слов, но тем не менее так оно и было.

– Благодарю, – сказал Тиббс. – Мне осталось задать вам всего лишь несколько вопросов, но попрошу вас продумать свои ответы особенно тщательно. От этого очень многое зависит. Насколько я слышал, мистер Мантоли часто имел при себе крупные суммы денег. Может быть, вам известно, что так оно было и в... последний раз, когда вы его видели?

– Не имею представления. У Энрико обычно не бывало при себе крупных, как вы сказали, сумм. Иногда он прихватывал с собой несколько сотен долларов, только и всего, насколько мне известно.

– Можно ли назвать его, в каком-то отношении, человеком импульсивным?

– Я затрудняюсь ответить, – уклонился Эндикотт.

– А по-моему, вполне можно, – неожиданно сказала Дьюна. – Под влиянием минуты он иногда принимал очень неожиданные решения, но потом обычно выяснялось, что он прав. И это шло не от капризности характера, вовсе нет.

Со следующим вопросом Тиббс обратился уже прямо к ней:

– Мисс Мантоли, ваш отец быстро сходился с людьми?

– Да, все любили его, – ответила Дьюна.

В этот скорбный момент каждый из них как-то особенно остро понял, что все-таки нашелся один человек, к которому это не относилось. Но никто не сказал ни слова.

– И последний вопрос, – сказал Тиббс, по-прежнему обращаясь к девушке. – Если бы я имел честь встретиться с вашим отцом, как вы думаете, он отнесся бы ко мне без предубеждения?

Девушка вздернула подбородок и не колеблясь приняла вызов:

– Да, я совершенно в этом уверена. Я не знаю еще никого, настолько свободного от предрассудков.

Тиббс поднялся с места:

– Благодарю вас. Вы даже не можете представить, какую большую помощь мне оказали. И думаю, теперь уже недолго ждать, когда я смогу вам объяснить почему.

– Хотелось бы надеяться, – сказал Эндикотт.

Вслед за Тиббсом встала и девушка.

– Мне нужно в город, – объявила она. – Может быть, вы, мистер Тиббс, не откажетесь захватить меня с собой?

– Моя машина очень скромна, но вы в ней желанный пассажир, – галантно ответил Тиббс.

– Подождите минутку, – попросила она и удалилась без дальнейших объяснений.

Когда Дьюна вернулась и они с Тиббсом стояли в дверях, готовые идти, Джордж Эндикотт в размышлении потер подбородок.

– А как же ты поедешь обратно?

– Я позвоню, если не найдется попутной машины, – пообещала она.

– Ты уверена, что это совершенно безопасно?

– Если я вдруг почувствую, что мне нужна помощь, я обращусь к мистериу Тиббсу.

Усадив спутницу в свою машину, Тиббс сел за руль и включил зажигание. За то недолгое время, в которое она отсутствовала, Дьюна успела сменить платье и надеть какую-то особенно женственную шляпку. Тиббсу представлялось, что девушка совершенно сломлена обрушившимся на нее несчастьем, но оказалось, это не так, даже более того: судя по ее виду, перед ней была твердая, ясная цель, стоило только поглядеть на застывший подбородок и онемевшие губы, которые она не разжимала до самого города.

– Куда вас подвезти? – осведомился Тиббс.

– В полицию, – сказала она.

– А вы убеждены, что это хорошая идея?

– Совершенно.

Тиббс решил воздержаться от замечаний, молча подъехал к полицейской стоянке и затем помог своей спутнице подняться по ступенькам. Она направилась прямо к столу дежурного.

– Мне нужно повидать мистера Вуда, – сказала она.

Пит не знал, что ему делать.

– Как раз сейчас мистера Вуда нет на службе, – уклонился он.

– Я знаю, – сказала Дьюна, – он арестован. Но мне все же нужно его видеть.

Пит потянулся к селектору.

– Тут пришла леди повидаться с Сэмом, – доложил он. – И Вирджил только что вошел.

– Какая еще леди? – донесся голос Гиллспи.

– Дьюна Мантоли, – подсказала девушка. – Я попросила мистера Тиббса, и он был настолько любезен, что подвез меня на своей машине.

Пит доложил.

– Сожалею, но ей лучше отказаться от этой затеи, – пришел ответ Гиллспи.

– Кто это говорит? – осведомилась Дьюна.

– Начальник полиции Гиллспи.

Подбородок Дьюны вновь стал каменным.

– Пожалуйста, проводите меня к мистеру Гиллспи, – потребовала она. – А если он не захочет меня принять, я позвоню мэру.

В сопровождении Пита она направилась в кабинет Гиллспи.

Сэм Вуд дошел до той степени душевного изнеможения, когда уже не мог, хотя бы просто из-за усталости, пребывать в состоянии гнева, растерянности, безнадежности и горького разочарования, которые терзали его в долгом, томительном одиночестве. Сэма охватило полное безразличие. Ему, правда, и в голову не приходило, что он может быть признан виновным, но служебную карьеру так или иначе надо считать конченной. Ему уже никогда не вернуться к службе в полиции: днем, когда Гиллспи вышел из здания, Арнольд остановился у стальной решетчатой двери и ввел его в курс дела. Теперь Сэм знал, что, кроме подозрения в убийстве, над ним висит обвинение в совращении. Чаша его несчастий и душевных страданий была полна до краев.

Сэм сидел, согнувшись и уронив голову на руки. Нет, он не прятал лицо от стыда и не мучился сознанием поражения – попросту смертельно устал. Его разум был истощен размышлениями и попытками подчинить себе противоречивые чувства, сменявшие друг друга в непрерывном стремлении захватить власть над душой и телом. К камере подошел Пит и встал возле решетки.

– К тебе посетитель, – объявил он.

– Мой адвокат? – спросил Сэм.

– Нет, он еще не вернулся в город, его ждут только к вечеру. Это совсем в другом роде.

Пит вставил ключ и наполовину открыл дверь. Сэм наблюдал за ним без особого интереса, и вдруг его сердце сделало бешеный скачок – на пороге камеры показалась Дьюна Мантоли и ступила в суровые каменные стены.

В мучительном замешательстве Сэм вскочил на ноги. Он вспомнил, что не брит со вчерашнего дня, что на нем нет галстука и воротник рубашки расстегнут. Сейчас это беспокоило его куда больше, чем все обвинения, которые висели над головой.

– Добрый день, мистер Вуд. Садитесь, прошу вас, – спокойно сказала Дьюна.

Сэм как зачарованный опустился на жесткие нары. Дьюна, прямая и изящная, тоже присела на доски – теперь их разделяло всего фута четыре, не больше. Сэм даже не пытался заговорить, он не был уверен в своем рассудке, и голос мог подвести его в любую минуту.

– Мистер Вуд, – отчетливо и бесстрастно сказала Дьюна, – мне сообщили, что вам

предъявлено обвинение в убийстве моего отца. – Ее нижняя губа дрогнула на мгновение, но она тут же вновь взяла себя в руки. Теперь ее голос чуть-чуть смягчился, и слова потеряли свою подчеркнутую сухость. – Я приехала вместе с мистером Тиббсом. Он сказал мне, что вы ни в чем не виновны.

Пальцы Сэма изо всей силы сжали доску, на которой он сидел. Чувства, вновь вырываясь из повиновения, подбивали его повернуться, крепко обхватить Дьюну и не выпускать ее из своих объятий. Он едва удержался и торопливо подумал, что, пожалуй, ему лучше попытаться заговорить.

– Я этого не делал, – произнес он, глядя в цементный пол.

– Пожалуйста, расскажите мне о той ночи, когда вы... нашли моего отца, – сказала Дьюна. Она смотрела прямо перед собой на шершавые блоки, из которых были сооружены стены камеры. – Я хочу знать все до конца.

– Просто... – Сэм не мог подыскать слов. – Я просто нашел его, и ничего больше. Я был всю ночь на дежурстве. Как обычно, остановился у закуской, а потом поехал по шоссе. Вот там я и нашел его.

Дьюна по-прежнему не отрывала глаз от бетонной стены.

– Мистер Вуд, мне кажется, мистер Тиббс прав. Я тоже не могу поверить, что это совершили вы. – Тут она повернулась и посмотрела на Сэма. – Когда мы познакомились с вами, я была совершенно потрясена... всем случившимся. Но даже и тогда вы заставили меня почувствовать, что вы глубоко порядочный человек. Я думаю так и сейчас.

Наконец Сэм решил посмотреть ей в глаза.

– Значит, вы действительно верите, что я невиновен?

– У меня есть для вас одно очень простое испытание, – сказала Дьюна. – Вы согласны?

Ощущение новой жизни прихлынуло к Сэму. Измученный рассудок мигом стряхнул усталость. Сэм чувствовал себя так, словно заново родился.

– Говорите, – горячо произнес он, поворачиваясь к ней всем телом. – Я сделаю все, что бы вы ни сказали.

– Хорошо, встаньте, – приказала Дьюна.

Сэм встал, противясь нелепому желанию с головой спрятаться в свою рубашку и мечтая только об одном: надеть галстук. Он мучительно ощущал себя скованным и неловким.

В довершение ко всему девушка поднялась и подошла к нему почти совсем вплотную. Он услышал, как застучало его сердце, словно подгоняемое бешеной порцией адреналина, впрыснутого в кровь каким-то таинственным механизмом. И впервые за многие годы он почувствовал себя беспомощным и испуганным.

– Вас ведь зовут Сэм, правда? – спросила она.

– Да, мисс, – ответил удивленный Сэм.

– Я хочу, чтобы ты называл меня Дьюной. Ладно?

– Дьюна, – послушно повторил он.

– Обними меня, Сэм, – сказала девушка, – я хочу, чтобы ты прижал меня к себе.

Рассудок Сэма, который так часто за последние сутки говорил ему "нет", теперь повторил то же самое.

Сэм не двигался. Тогда девушка откинула голову, сняла шляпу, и темно-каштановые волосы, рассыпанные быстрым, резким движением, упали на ее шею.

– Ты пообещал выполнить все, что бы я ни сказала, – напомнила она с вызовом. – Что ж ты теперь медлишь?

Ее губы еще произносили эти слова, когда она внезапно придвинулась совсем близко и положила руки ему на плечи.

Забыв обо всем на свете, Сэм наконец решил. Через сумятицу мыслей и чувств он вдруг ощутил тепло и податливость ее тела и понял, до чего же она красива. Если бы он мог никогда не разнимать рук! Стальные решетки камеры словно растворились в захлестнувшем его приливе рыцарской нежности.

– Погляди мне в глаза, – сказала Дьюна.

Сэм повиновался. Ему случалось и прежде обнимать девушек, но никогда в жизни он не испытывал ничего похожего на те чувства, которые переполняли его сейчас.

– А теперь я хочу, чтобы ты вот так, глядя на меня, сказал: "Дьюна, я не убивал твоего отца". Я жду.

Стараясь проглотить комок, сдавивший ему горло, Сэм начал:

– Дьюна... – Ему пришлось сделать новую попытку. – Дьюна, я не убивал твоего отца. – Руки его разжались и бессильно упали вниз, а ему, крепкому и храброму мужчине, вдруг захотелось плакать. Свалившихся на него переживаний оказалось чересчур много.

Пока он боролся с собой, стараясь хоть как-то сдержать нахлынувшую слабость, ему показалось, что ладони девушки плотнее прижались к его плечам. Потом ее руки обвились вокруг шеи Сэма и сомкнулись в объятии.

– Я верю тебе, – произнесла она. А затем, прежде чем он понял, что происходит, Дьюна притянула его голову к себе, и Сэм почувствовал тепло ее тела и внезапный ослепительный холод, пронзивший все его существо, когда он ощутил прикосновение желанных губ.

Прежде чем он смог сделать хотя бы одно движение, девушка уже опустила руки и отступила назад. На ее лице не было заметно никакого волнения, когда она подняла с пола свою шляпу, скользнула взглядом по голым стенам в поисках зеркала и затем взяла сумочку, лежавшую на нарах.

– Как мне выйти отсюда? – спросила она.

Сэм наполнил легкие воздухом и позвал Пита.

До самого вечера Сэм пребывал в безмятежном умиротворении, вновь и вновь вызывая в памяти те несколько коротких минут, которые наполнили его жизнь новым смыслом. Он даже позволил себе помечтать, что выйдет из камеры полностью оправданным и по-прежнему уважаемым всеми. Дьюна верит в него, хотя он и обвиняется в убийстве ее отца, – сознание этого наполняло Сэма неисчерпаемой силой. Да, ее вера поведет его через все несчастья!

Но тут ему вспомнилось еще кое-что. Спелая, зазывная фигура ухмыляющейся Делорес Парди встала перед его глазами. Океан вечности отделял ее от той девушки, которую он обнимал так недавно. Но Делорес утверждает, будто Сэм соблазнил ее, и что подумает Дьюна, когда узнает об этом обвинении?

Воздушные замки, построенные воображением Сэма, рухнули и рассыпались мертвой грудой сухого песка.

Уже почти стемнело, когда Вирджил Тиббс подвел свой дряхлый автомобиль к маленькой заправочной станции при мастерской Джесса. Здоровяк механик трудился над огромным "линкольном", который был приподнят на блоках в глубине гаража.

– Мне бы заправиться, Джесс, – сказал Вирджил, – и, может быть, уже завтра я смогу вернуть тебе машину.

– Бросаешь нас? – спросил Джесс, включая насос.

– Пожалуй, пора, – ответил Тиббс, – но учти, я говорю это только тебе. Больше никому ни слова.

Джесс вставил в бак наконечник шланга и пустил бензин.

– Не беспокойся.

Тиббс кивнул в сторону "линкольна":

– Шикарная машина. Как она к тебе попала?

– Туристская, – коротко ответил Джесс. – Ее заполучил гараж: на шоссе, а потом передал ремонт мне. Хотел бы и я заколачивать такую деньгу.

– У них больше расходов, – заметил Тиббс, – ведь они на шоссе, а значит, им приходится вести дело на широкую ногу.

Джесс наполнил бак.

– Подожди-ка чуток, – сказал он и исчез в своей мастерской. Минуты через три Джесс вернулся. – Мы рассчитываем, что ты у нас пообедаешь, – решительно объявил он.

– Большое спасибо, – сказал Тиббс, – но я никак не могу.

– У меня сын, – объяснил Джесс, – ему сейчас тринадцать. Он никогда не видел настоящего сыщика. И я пообещал ему.

Ни слова не говоря, Тиббс вылез из машины. Через несколько минут он уже сидел за скромный обед, который хозяева постарались разнообразить ради его присутствия. Справа от Тиббса сидел сын Джесса Энди и ловил каждое движение гостя, так что это даже мешало есть. Наконец его долго сдерживаемое любопытство прорвалось наружу.

– А вы не могли бы рассказать о вашем самом первом деле? – выпалил он и замер с сияющими глазами.

Тиббс не мог отказать в такой просьбе.

– Это касалось контрабанды наркотиков. Надо было найти след маленьких капсул героина, которые продавали и перепродавали где-то в Пасадене. Мне поручили заняться этим делом вместе с несколькими другими полицейскими.

– Вы уже были настоящим детективом? – прервал мальчик.

– Тогда еще нет, но у меня за плечами было пять лет службы в полиции, и мне решили дать возможность проявить себя. Ну и вот, однажды в центре города к чистильщику ботинок подошел какой-то мужчина и остановился в ожидании, а тот, кому заканчивали чистить туфли, передал ему свою уже прочитанную газету. Но все дело в том, что ботинки этого любезного человека на самом деле не нуждались в щетке.

– А как вы узнали?

– Этим чистильщиком был я, – объяснил Тиббс. – Никому не могло прийти в голову, что негр, да еще занятый таким делом, окажется полицейским.

– Значит, будь вы белым, вам бы нипочем этого не сделать?! – выпалил Энди.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Тиббс. – Хотя, конечно, их все равно поймали бы рано или поздно. В общем, это и впрямь было мое самое первое дело.

Энди вернулся к своей тарелке и попытался справиться с очень нелегкой задачей – есть, не сводя глаз с потрясающего гостя, который сидел вот тут, рядом, у них за столом.

Как только обед закончился, Тиббс сказал, что его, к сожалению, ждет работа. Мастерская Джесса была совсем неподалеку, поэтому Тиббс распрощался с хозяевами у дверей дома и темной, пустынной улицей зашагал к своей машине. По дороге он тщательно обдумывал дальнейшие действия. Работа обещала быть малоприятной и полной всяческих препятствий. Но как он понял уже много лет назад, если хочешь быть следователем, учись брать любые препятствия. Здесь, в Каролине, это было немного сложнее, вот и все. Занятый своими мыслями, Тиббс слишком поздно почувствовал опасность. Он резко повернулся и оказался лицом к лицу с двумя неизвестными, которые подкрадывались сзади. Они ринулись вперед, и Тиббс едва успел заметить, как один из них замахнулся деревянной дубинкой. Тиббс видел, что нападающий намного тяжелее его, но усилием воли сдержал волнение и заставил себя успокоиться. Дубинка уже опускалась, когда Тиббс прыгнул навстречу и левым плечом резко ударил нападающего под поднятую правую руку. Тот выпустил свое оружие, и тяжелая дубинка шлепнулась на мостовую. В следующее мгновение Тиббс ухватил его руку повыше локтя и стремительно выпрямился, взваливая противника на спину.

Теперь плечо Тиббса было под мышкой у нападающего и захваченная рука оказалась словно в капкане. Резко согнувшись, Тиббс оторвал противника от мостовой, и беспомощное тело, подталкиваемое собственным весом, съехало по его спине, переворачиваясь в воздухе. Заученным движением Тиббс с силой потянул вниз запястье нападающего, и тот закричал, когда его загривок встретился с жестким бетоном.

Он все еще падал, а Тиббс уже оставил его и повернулся ко второму – здоровому, но неуклюжему парню. Тот шел на него, выставив кулаки. Когда он ринулся вперед, Тиббс нырнул под его яростный боковой удар, обхватил запястье и крутанул в сторону. Человек по инерции пролетел дальше, перевернулся в воздухе и тяжело рухнул. Тиббс подобрал дубинку, которая так напоминала орудие убийства, затем поднял взгляд и увидел Энди, прибежавшего на шум и таращившего глаза в испуге и изумлении.

– Энди, быстро беги за отцом. А потом позвони в полицию и скажи, чтобы они приезжали.

Энди кинулся к дому. На полдороге он встретил отца и выпалил ему свое сообщение. Через минуту гигант-механик уже стоял рядом с Тиббсом, стискивая кулаки, словно в ожидании драки.

– Они подстергали меня, – сказал Тиббс, – помоги присмотреть за ними.

Джесс оглядел нападавших.

– Не вздумайте трепыхаться! – предупредил он.

Один из неизвестных негромко скулил, его правая рука, недавно сжимавшая дубинку, была неестественно вывернута. Вновь прибежал Энди.

– Они уже выехали, – доложил он, – я сказал им, что на мистера Тиббса напали двое и нужен доктор.

– Молодец, сынок, – сказал Джесс. – Теперь сбегай и принеси тот большой монтировочный ломик. Мне он вроде ни к чему, а тут может понадобиться.

Энди, еще не успевший отдышаться, но горящий желанием быстро исполнить поручение, сорвался с места. Он мигом обернулся и притащил страшное орудие, за которым его послали.

– Хорошо, что я обзавелся телефоном, чтобы звонили в случае поломки, – сказал Джесс Тиббсу.

Вскоре со стороны шоссе послышался вой полицейской сирены. В глубине улицы показались приближающиеся красные огни, и патрульный автомобиль, послушный возбужденному Энди, который семафорил руками, подъехал к тротуару. Двое полицейских

выскачили из машины. Тиббс указал на неизвестных, все еще неподвижно лежавших на мостовой.

– Вооруженное нападение и покушение на жизнь, – сообщил Тиббс. – Я напишу докладную, как только мы приедем в участок.

– Ты напишешь докладную? – спросил один из полицейских.

– Наверное, это Вирджил, – предположил его спутник.

– Да, я Вирджил, – подтвердил Тиббс. – Поосторожней с тем, что направо. У него, по моему, то ли сломана, то ли вывихнута рука.

Когда они приехали в управление, в дежурке их встретил сам Гиллспи.

– Что произошло? – спросил он.

– Я обедал у Джесса, механика, с которым вы меня познакомили, – сказал Вирджил. – А потом, когда уже возвращался к машине, на меня набросились двое. Один из них попытался оглушить меня деревянной дубинкой.

Гиллспи воспринял новости с непонятым удовлетворением.

– Давайте их ко мне в кабинет, – распорядился он и двинулся впереди всех. Когда его приказание было выполнено, шеф уселся за стол и, ни слова не говоря, впился глазами в задержанных. Так прошла томительная минута. Затем он набрал в легкие воздуху, и комната содрогнулась от раскатов его голоса:

– Кто из вас, сопляков, написал мне анонимное письмо?

Ответа не было. Наступившую тишину нарушило жужжание селектора. Гиллспи щелкнул клавишей.

– Пришел доктор, за которым вы посылали, – сообщил дежурный.

– Проводи его сюда, – приказал Гиллспи. Через несколько секунд дежурный ввел в кабинет высокого старого негра, очень худого, с черным чемоданчиком в руке.

– Я доктор Хардинг, – представился он.

Гиллспи ткнул длинным пальцем в сторону человека, бережно прижимавшего к себе поврежденную руку.

– Займись-ка им, – приказал он. – Когда я слышал, что двое парней набросились на Вирджила, я подумал: наверное, доктор нужен ему, и сказал дежурному, чтобы вызвал цветного. Ну а раз уж ты здесь, можешь с таким же успехом взяться и за этих типов.

Доктор Хардинг, словно не замечая в словах Гиллспи никакого оскорбления, внимательно посмотрел на своего случайного пациента.

– Ему надо лечь, – сказал он. – Где это будет удобнее?

– Не смей до меня дотрагиваться, – заявил тот. – Я хочу, чтобы вызвали моего собственного доктора.

– Заткнись! – рявкнул Гиллспи. – Тем, кто пишет мне письма и указывает, что делать, нечего рассчитывать тут на особую нежность. По закону тебе положен доктор, а какой, там не сказано.

– Вам не слишком-то долго хозяйничать в этом городе, – пригрозил мужчина.

– С меня хватит, – отрезал Гиллспи. – Пусть доктор осмотрит его в камере. Отведите задержанного.

Пострадавшего вывели. Гиллспи переключился на его компаньона:

– Ну, кто же придумал с письмом? Лучше выкладывай, а не то огребешь кучу

неприятностей.

– Я не из пугливых, – ответил тот, – я требую судебного разбирательства. Вам должно быть понятно, что это значит.

– Ясное дело, мне это понятно, – сказал Гиллспи. – Но если уж так, слушай, что я сделаю. Позвоню в газету и расскажу им, как ты со своим дружкой накинулся на цветного, который в два раза меньше каждого из вас, и он сбил вас с копыт. А потом можешь обращаться в суд.

– А я заявлю, что он со своим черным дружкой, который в два раза больше каждого из нас, накинулся на нас с дубинками, – ответил мужчина, все еще не собираясь сдаваться. – Мы шли по своим делам и никого не трогали.

– Ну да, в цветном районе... Ты с дружкой, два уважаемых, почтенных гражданина, шли себе в негритянский бордель, и тут вам набили морды. Мудро, ничего не скажешь, в любом случае это не в твою пользу.

– Хватит, поговорили, – упрямо заключил мужчина.

Гиллспи повернулся к Тиббсу.

– Хоть ты и не белый, но драться, видать, умеешь, – похвалил он.

– Я должен благодарить того, кто меня научил, – ответил негр. – Его зовут Такахаши, и он тоже не ариец. – Тиббс повернулся к дверям. – Дело уже близится к концу. С вашего разрешения, я вернусь к работе.

К удивлению Тиббса, Гиллспи поднялся и вышел следом за ним.

– Вирджил, – сказал он, когда они оказались вдвоем в коридоре. – Я думаю, ты достаточно толковый мальчик, чтобы понять: тебе лучше сматывать из города. Сегодня тебе повезло, а завтра кто-нибудь возьмет ружье, и тут уж не увернешься. Послушай моего совета, уматывай отсюда, пока у меня на руках не оказалось еще одно убийство. Я сообщу в твою Пасадену, что ты у меня хорошо поработал.

– Я уеду, мистер Гиллспи, – ответил Вирджил, – но не раньше, чем доставлю убийцу Мантоли и все необходимые доказательства. Я не могу поступить по-другому; наверное, вы меня понимаете.

– Смотри, мое дело – предупредить, – сказал Гиллспи.

– Что ж, спасибо, – отозвался Тиббс и поспешил к проходной.

Светлые сумерки тихо опускались на горную терраску, где всего несколько дней назад рядом с Дьюной Мантоли, чопорно вытянувшись от смущения, сидел Сэм Вуд. Теперь она была здесь одна и, глядя на молчаливое шествие гор, уходящих к горизонту, старалась разобраться в своих мыслях и чувствах. Ей уже было известно, что Сэм Вуд обвиняется в совращении шестнадцатилетней девочки, дочери полуграмотного работяги.

Она невольно представила себе эту девицу и не смогла удержаться от сравнения, хотя и не хотела этого делать. Потом с возрастающим чувством стыда Дьюна увидела себя в камере – вот она приподнимается на цыпочках и целует человека, вера в которого охватила ее так внезапно и властно. Теперь, когда эта вера ушла, ее поступок казался вульгарной выходкой. Дьюна обхватила плечи, словно ей вдруг стало холодно, и подумала: какой же все-таки она была дурой! До чего же наивно предполагать, будто воспитание и так называемые приличия хоть когда-нибудь смогут обуздать животный инстинкт. Сэм Вуд здоровый, сильный мужчина, да к тому же и неженатый. А для того чтобы удовлетворить его физические потребности, могла сойти какая угодно девица.

От этой мысли Дьюну передернуло, и слезы гнева навернулись на ее глаза. Она все еще одиноко сидела на скамейке, когда обеспокоенный Эндикотт разыскал ее и проводил в дом.

Субботним утром, в самом начале десятого, Делорес Парди услышала звонок в дверь. Первым ее побуждением было подойти к зеркалу: откуда девушке знать, кто может к ней невзначай заглянуть? Но когда она открыла дверь и увидела черное лицо Вирджила Тиббса, ее настроение резко изменилось.

– Для черных вход со двора, – фыркнула она.

– Не для всех, – сказал Тиббс. – Я пришел повидать твоего отца.

– Забудь, как сюда ходить, – приказала она и захлопнула дверь перед его носом.

Минутой позже на пороге показался сам Парди, на лице которого было написано глубокое отвращение.

– Катись отсюда, – сказал он. – Нечего тебе тут ошиваться.

– Вам все же придется меня выслушать, – ответил Тиббс и спокойно шагнул в дом мимо опешившего хозяина. – Я из полиции. Мне нужно поговорить с вами и с вашей дочерью.

– Я и без того знаю, кто ты такой, – выверился Парди. – А теперь выкатывайся, не то я нарублю из тебя дров.

– Только попытайтесь, – отозвался Тиббс, – и я не отвечаю за то, что тогда будет. Двое таких уже попробовали вчера вечером.

– Угу, я слышал про это. Ты и твой дружок набросились на них в темноте и измолотили железяками. Один теперь в больнице.

– Вам бы лучше присесть и помолчать, если вы не хотите к ним присоединиться, – посоветовал Тиббс. – А вообще должен предупредить, я не собираюсь проглатывать хамство ни от вас, ни от кого другого. Вы сами пришли в полицию со своим заявлением. Я здесь, чтобы переговорить об этом.

– Не об чем тут больше разговаривать, – сказал Парди. – И я не позволю всякому черному рассиживаться у меня в гостиной.

Тиббс вошел в гостиную и сел.

– Я пришел сюда, чтобы помочь вам не попасть за решетку, – сказал он.

Появилась Делорес.

– Па, выстави его отсюда, – потребовала она.

– Я уйду, когда мне понадобится, – сказал Тиббс. – Но прежде чем мы кончим этот разговор, вы сами поймете, что мой приход – величайшая удача для вас.

– Черные и кошки – к несчастью, – сказала Делорес.

– Мистер Парди, – начал Тиббс, открывая прения, – вы и ваша дочь пришли в полицию и заявили, что ее обидел некий мужчина. Теперь ваша святая обязанность оградить ее честь и наказать виновника.

– Это Сэм Вуд, – сказал Парди.

Тиббс кивнул, будто бы соглашаясь с этим.

– Да, я помню, вы так и заявили. Конечно, это очень удивило шефа, как-никак мистер Вуд прослужил в полиции не один год и всегда производил впечатление очень достойного человека.

– Он сидит в тюрьме за убийство! – Парди повысил голос почти до крика.

Тиббс снова кивнул:

– Мне это известно. Я, конечно, не собираюсь разглашать тут служебные тайны, но, может,

для этого есть причина, о которой вы не догадываетесь. Однажды мне пришлось просидеть за решеткой почти три недели, пока мой сосед по камере не проговорился кое о чем, что было очень нужно полиции.

– Черномазый легавый, – облегчил душу Парди.

– Итак, о деле вашей дочери, – спокойно продолжал Тиббс. – В подобных случаях все быстро заканчивается, если мужчина признает свою вину и готов отвечать за последствия. Но Вуд человек упрямый. Он начисто от всего отказывается. Поэтому придется прибегнуть к экспертизе. Если, конечно, вы не поможете мне припереть его к стенке.

– То есть тебе надо, чтобы я все повторила? – спросила Делорес.

– Какая там еще экспертиза? – пожелал узнать Парди.

– Ну, в случаях такого рода должно быть сделано множество всяких анализов. Это предусмотрено законом. Понимаете ли, мужчине очень сложно доказать, что между ним и девушкой ничего не было, у него есть только одна защита – свидетельство медицины.

– Чего тут свидетельствовать? – спросил Парди. – Она моя плоть и кровь.

Тиббс развел руками.

– Никто в этом и не сомневается, – сказал он, – и каждому ясно, что вы очень уважаемый человек. Но Сэм Вуд утверждает, что он никогда в жизни и словом не перекинулся с вашей дочерью, вот в полиции и должны взять у нее кое-какие анализы, просто потому, что так положено.

– Нет таких анализов, чтобы узнать, кто это сделал с девушкой, – запротестовала Делорес.

– Что ж, верно, – согласился Тиббс, – но зато можно узнать, что тот или иной человек этого не делал. Вот о какой экспертизе идет речь.

– Ну, и чего это? – спросил Парди.

– Прежде всего у нее возьмут анализ крови. Это не так уж страшно. Сделают укол в вену повыше локтя и наберут столько крови, сколько нужно, чтобы наполнить пробирки.

– Я не люблю, когда меня колют, – запротестовала Делорес.

– А кто это будет делать? – недовольно спросил Парди.

– Доктор, – ответил Тиббс. – Все анализы делают докторами, больше никто не прикаснется к вашей дочери.

– Лучше бы и ему не прикасаться, – сказал Парди.

– Потом, – продолжал Тиббс, – вашу дочь должны осмотреть, чтобы убедиться в справедливости ее слов, ну, насчет совращения. И само собой, в том, действительно ли у нее будет ребенок.

Парди вскочил на ноги, лицо его исказилось от гнева.

– Я никому не позволю разглядывать ее голой! – загремел он. – Я застрелю всякого, кто только попробует! Давай мотай отсюда.

Тиббс продолжал спокойно сидеть.

– Я хочу предупредить вас, – терпеливо объяснил он. – Лучше уж знать о таких вещах заранее, правда?

– Я никому не позволю разглядывать ее голой! – не унимался Парди.

– Ее может избавить от этого только одно, – с нажимом сказал Вирджил, – если Сэм Вуд сознается. Но он все отрицает. А вашему заявлению дали ход. Поэтому доктора должны ее осмотреть.

– Гиллспи не пойдет на это, – сказал Парди. – Вот увидишь.

Тиббс покачал головой.

– Он бы, конечно, хотел всего этого избежать, но закона не перепрыгнешь. Вуд может получить постановление суда через своего адвоката, и тогда ничего другого не останется. –

Тиббс стиснул пальцы и, не отрывая от них глаз, сделал нижеследующее заявление:

– Теперь я хочу сказать вам кое-что очень важное, но только все это должно остаться между нами. Мне больно смотреть, как ни в чем не повинного человека вроде вас подсовывают под статью.

– Меня не подсунешь! – Парди был на грани истерики. – Я же говорю вам, она моя плоть и кровь!

– Никто не спорит. – В голосе Тиббса неожиданно зазвучали властные нотки. – Но предположим, дело дойдет до суда и вы присягнете, что Сэм Вуд и есть тот самый мужчина, который ее обидел. Предположим дальше: доктор ошибается и заявляет, что он не тот, и вы оказываетесь виновным в лжесвидетельстве и заведомо ложной клятве, а это – прямой путь за решетку. Вот от чего я хотел вас предостеречь и подсказать, как этого избежать.

– Доктора не делают таких ошибок, – возразила Делорес, но в ее словах чувствовалась неуверенность.

– Иногда делают, – сказал Тиббс, – и судьи им верят. А теперь предположим, что вы подробно и точно расскажете мне, как это произошло, и тогда я попытаюсь припереть Вуда к стене. Если он признается, вам больше не о чем беспокоиться.

– Ты хочешь сказать, тогда от нас отвяжутся? – уточнил Парди.

– Совершенно верно, – подтвердил Тиббс.

Парди повернулся к дочери.

– Расскажи ему, – приказал он.

Делорес заерзала на своем стуле и судорожно попыталась изобразить оскорбленную невинность. Но, честно говоря, она была куда больше похожа на Кьюпи-Долли – куклу, которую тысячами распродают на карнавалах.

– Ну, он всегда запускал глаза в окна, когда проезжал здесь по ночам, – начала Делорес. – Мне бы рассказать па про все это, но я больно боялась, ведь Сэм – фараон и все такое. Потом как-то ночью, когда па не было дома, он подъехал, постучал в дверь и сказал, что заглянул по пути на работу. Он, мол, записывает имена девушек, которые не прочь стать королевой фестиваля. Он сказал, что я настоящая прелесть и он хочет записать меня на королеву.

Делорес остановилась и подняла глаза. Вирджил кивнул, чтобы она продолжала.

– Ну, тут он завел всякие тары-бары и даже сказал, что, хотя работает по ночам, все равно видит кучу людей и может собрать мне побольше голосов, чтобы я выиграла. В общем, если я его буду слушаться, то выиграю поездку в Нью-Йорк. Ну а потом я не слишком-то много помню. Он дал мне выпить и сказал, что он меня не обидит и, наоборот, все будет очень здорово. Он сказал, что я будущая королева и всякая бы хотела оказаться на моем месте. Он сказал, что в Нью-Йорке меня научат петь и танцевать и, может быть, даже снимут в кино. И он может так сделать, чтобы все стало правдой, только мне надо быть очень благодарной ему за это... Ну, а дальше я почти ничего не помню, помню только, что он сказал, когда уходил, чтобы я не беспокоилась, он был очень осторожен. Вот его собственные слова, он прямо так и сказал: я был осторожен.

Тиббс встал.

– Вы уверены, что это был Сэм? – спросил он. – Мне не хочется сделать какую-нибудь ошибку, которая может вам повредить.

Делорес подняла глаза, но лицо ее оставалось неподвижным, как застывшая маска.

– Это был Сэм, – сказала она.

Тиббс вышел от Парди и поехал в полицию. Тут он заказал междугородный разговор и перебросился парой слов с Готтшалком, инженером с космодрома. Затем он нанес визит Харви Оберсту, который меньше всего на свете хотел, чтобы его видели с негром, но все же помнил,

что именно этот негр спас его от тюрьмы. Потом он заглянул к преподобному Амосу Уайтберну и переговорил с двумя мальчуганами, которых позвали специально для встречи со следователем. После этого он вернулся в полицию и позвонил в Атланту, в отель, где останавливался Кауфман. Закончив беседу, он обзвонил шестерых жителей Уэллса – двух негров и четырех белых, двое из которых отказались с ним разговаривать. В довершение ко всему он нанес визит доктору Хардингу. Когда, наконец, Тиббс покончил с делами, он валился с ног от усталости. Он почти не спал и совсем не знал передышки в борьбе с препятствиями, возникавшими не по его вине. Но теперь усилия Тиббса были вознаграждены. Он чувствовал себя готовым к любому разговору с Биллом Гиллспи.

Когда утром, после горькой и тревожной ночи, Дьюна Мантоли поднялась с постели, в ее голове созрело окончательное решение. Она приняла душ и долго стояла под его освежающим дождем. Потом подошла к зеркалу и придирчиво оглядела себя. Для нее не составляло секрета, что ее считают необычайно хорошенькой, но Дьюна прекрасно понимала: надо постоянно следить за собой, если хочешь оставаться в форме. Ну что ж, по крайней мере с этой стороны ей нечего бояться соперничества. Но сейчас она должна обратиться совсем к другим качествам, которыми ее наделила природа. Теперь все зависело от ее способности рассуждать.

Она оделась и спустилась к завтраку. Хозяева уже ждали ее.

– Мы разговаривали с Эриком, – сказала Грейс Эндикотт, как только Дьюна уселась. – И у него хорошие новости. Во-первых, ему удалось договориться с очень известным дирижером, чье имя может спасти фестиваль.

– Кто же это? – поинтересовалась Дьюна.

– Эрик не стал говорить, ему хочется сделать сюрприз, когда он вернется. Ну а вторую приятную новость ему сообщили из бюро, которое занимается продажей билетов: оказывается, дела идут много лучше, чем они ожидали.

– Я очень рада, – отозвалась Дьюна. Она выпила стакан апельсинового сока и перешла к теме, которая ее действительно занимала. – Вы только не решайте сразу, будто я схожу с ума, но я собираюсь съездить днем в город и повидать мэра. Мне надо поговорить с ним.

– О чем? – спросила миссис Эндикотт.

– Мне вообще не нравится, как развиваются события. Что-то там не так. Он позволил посадить за решетку человека, который, на мой взгляд, ни в чем не виновен. Я не могу понять, почему его не выпустили под залог или до сих пор не предъявили обвинения, как полагается по закону.

– Я бы не стала этого делать, Дьюна, – перебила Грейс Эндикотт. – По правде сказать, ни ты, ни я не разбираемся в подобных вещах, и все, что мы можем, – это только мешать сведущим людям. Вряд ли это подтолкнет дело, скорее даже замедлит.

Дьюна вновь наполнила стакан апельсиновым соком и не торопясь выпила до дна.

– Ты не понимаешь. Мистер Вуд – полицейский, который был здесь в тот день, арестован. А я знаю, что он невиновен. Не спрашивай сейчас почему, но я действительно знаю. Вот зачем мне нужно увидеть мэра.

– Дьюна, – сказал Джордж Эндикотт, тщательно подбирая слова, – мне кажется, твои решения продиктованы эмоциями, а не рассудком, возьми себя в руки и предоставь это дело мужчинам. Если Вуд не виновен, ему не придется чересчур долго сидеть за решеткой. Да и Тиббс на его стороне, а он производит впечатление человека, знающего свое дело.

– Здесь ему это вряд ли поможет, – начала было возражать Дьюна, но потом быстро изменила тактику. – Ну, хорошо. А вы сегодня не собираетесь в город?

– Да, попозже.

– Нельзя ли и мне с вами? Я хотя бы пройду по магазинам.

Эндикотт склонил голову в знак согласия.

Фрэнк Шуберт мгновенно выпрямился в кресле, когда ослепительная женственность

посетительницы дошла до его сознания. Он был, честно сказать, удивлен тем, что девушка смогла уговорить Джорджа Эндикотта сопровождать ее в подобном предприятии, но так или иначе ей это удалось.

– Мисс Мантоли, – начал он, – я буду с вами вполне откровенен. Более того, я даже готов поделиться некоторыми секретными сведениями. Но вы обещаете мне, что это останется между нами?

– Да, разумеется, – сказала Дьюна.

– Хорошо. Не знаю, знакомы ли вы с экономикой Юга, но некоторые районы испытывают серьезные затруднения. Это относится и к Уэллсу. Мы в стороне от основной автомобильной магистрали, наше шоссе лишь ветка, которую выбирает от силы одна машина из пятидесяти. А это значит, что мы теряем кучу возможных доходов от туристов. Земледелие у нас на спаде, промышленность до сих пор не заинтересовалась этим районом, так что, говоря прямо, и сам город, и многие из его жителей близки к тому, чтобы оказаться на мели.

Дьюна, внимательно слушавшая его объяснения, кивнула головой.

– Мы, члены совета и я, поняли, что, если не предпринять каких-нибудь решительных шагов, мы попадем в очень тяжелое положение. Вот тут-то Джордж и предложил эту музыкально-фестивальную идею. Поначалу она была встречена без особого восторга, но он убедил нас, что, если все пойдет хорошо, мы можем попасть в туристские справочники. Ну, и мы решились на это, хотя и с некоторыми опасениями. Сейчас, когда я знаю, что продажа билетов идет очень хорошо, правоту Джорджа вроде бы можно считать доказанной. Теперь мы подходим к тому, что прямо или косвенно относится к вашему делу. У нас освободилось место шерифа, и надо было кого-то назначить. В местной полиции мы не видели ни одной мало-мальски подходящей кандидатуры, и тогда у нас возникла вот такая идея, мы решили: если устроить конкурс, на наше объявление может клюнуть какой-нибудь хороший юрист, который согласится даже на скромное жалованье ради послужного списка и интереса к делу. Потом, когда бы мы поднялись на ноги и появилась возможность увеличить жалованье, мы могли бы уже выбирать – оставить его или нанять кого-то другого. Выяснилось, что в общем-то мы рассуждали верно. На объявление откликнулось несколько человек, готовых работать на наших условиях ради возможного продвижения по службе. Один из них был Гиллспи. Некоторые члены совета – я не буду их называть – настаивали на кандидатуре южанина, который, по крайней мере, был бы знаком с нашими традициями и старался поддерживать сложившиеся отношения. Какой-нибудь приезжий с Севера мог бы влезть нам в печенки со своей расовой интеграцией, несмотря на то, что мы еще совсем не готовы ее принять, даже если это в принципе и возможно.

– И вы остановились на Гиллспи, – подсказала Дьюна.

– Да, его послужной список выглядел очень неплохо, насколько вообще можно было рассчитывать за ту плату, которую мы предлагали. Строго между нами: я готов согласиться, мы сделали неважный выбор, но по крайней мере некоторые члены совета, с которыми я, кстати, говорил минуту назад, вполне удовлетворены. – Шуберт посмотрел по сторонам, словно хотел убедиться, что его никто не может подслушать. А затем, стараясь придать словам еще большую доверительность, наклонился вперед. – Обещаю вам, что, если он держит за решеткой невинного человека, тот не просидит слишком долго. Но и вы должны понять, что есть серьезные улики. А вообще говоря, я уже обсудил кое с кем из совета, а сейчас ставлю в известность и Джорджа: если Гиллспи не управится в ближайшие дни, нам с ним придется расстаться. Правда, у нас контракт, но там, между прочим, есть пункт об испытательном сроке, который, кстати сказать, еще не закончился. Так что не беспокойтесь, этот конец веревки у нас в руках.

Стрелка часов приближалась к четырем, когда Джордж Эндикотт и Дьюна Мантоли вышли из кабинета мэра. Они знали, что Кауфман собирается вернуться из Атланты ближе к вечеру. Эндикотт решил встретить его, а перед этим спокойно поужинать, так что Дьюна вполне могла отправиться по магазинам. Думать о еде действительно было еще рано, но идея зайти в магазины, по-видимому, уже не казалась ей такой заманчивой.

– Мне необходимо повидать мистера Тиббса, – объявила она.

– По-моему, лучше подождать с этим, – посоветовал Эндикотт. – Сейчас ты можешь повести себя не совсем так, как нужно, и все еще больше осложнится.

Взгляд Дьюны был полон упрека и разочарования, и тут Джордж Эндикотт внезапно решил, что, пожалуй, ему, как члену городского совета, не мешает переговорить с Биллом Гиллспи.

– К тебе тут еще один посетитель, – сообщил Арнольд сквозь стальную решетку двери.

Он открыл замок и пропустил Тиббса. Не дожидаясь особого приглашения, детектив из Пасадены подошел к нарам и присел на жесткие доски.

– Ну, Вирджил, с чем пришел? – устало спросил Сэм.

– Я просто хотел сообщить, – ответил Тиббс, – что собираюсь пойти к Гиллспи, как только он появится. А когда мы останемся наедине, я намерен доказать ему – даже ему, – что вы ни в чем не виновны. Мне думается, я сумею заставить его выпустить вас отсюда.

В ответе Сэма слышалось лишь тусклое безразличие.

– Почему бы тебе не бросить все это и не уехать домой? Мне казалось, ты малый толковый.

– Я еще не покончил с тем, за что взялся, – ответил Вирджил. – Мир полон людей, которым ничего не удастся, потому что у них нет ясного представления, где надо ставить точку. Мне осталось сделать две вещи: снять с вас подозрения и потом, когда вы будете уже на свободе, доставить к Гиллспи истинного преступника. Вот тогда я и смогу спокойно уехать.

– Желаю удачи, – произнес Сэм. Он даже не поглядел на Вирджила.

– Прежде чем пойти к Гиллспи, – сказал Тиббс, – мне хотелось бы выяснить пару вопросов. Я почти полностью убежден, что знаю ответы, но чем меньше догадок, тем бесспорнее версии.

Сэм пожал плечами.

– Ну давай, что там у тебя? – обронил он.

– В ту ночь, когда мы были вместе в патрульной машине, вы слегка изменили маршрут и сделали это намеренно. Тогда я еще не понимал почему, но теперь, по-моему, знаю. Вам не хотелось проезжать мимо дома Парди, верно?

Сэм проявил некоторые признаки жизни:

– Вирджил, лучше тебе в это не лезть. Я знаю, ты хочешь помочь, но...

– Кроме того, – продолжал Вирджил, – я думаю, что теперь мне ясна и причина, из-за которой вы решили объехать этот дом.

– Ты что, проезжал там ночью? – подозрительно спросил Сэм.

– Нет, – ответил Тиббс, – мне этого не понадобилось. Все, что нужно, я услышал от Харви Оберста, когда тот был здесь, в участке. – Он умолк, и на какое-то время в камере наступила тишина. Иногда самое лучшее – выждать и позволить собеседнику собраться с мыслями, Тиббс придерживался такого взгляда. Он видел, Сэм глубоко задумался, а это было как раз то, чего он от него хотел. Наконец Сэм нарушил молчание:

– Вирджил, давай-ка по порядку с самого начала. Ты несколько раз говорил, что в ту ночь я

поехал другим путем. Откуда ты это взял?

– Тут нет ничего особенного, – ответил Тиббс. – Какую-то часть пути вы проехали по плохой дороге. Когда немного погодя я ждал вас возле закуской, я заметил, что на машину осела пыль.

– Ну и что тут странного? – перебил Сэм.

– Пожалуй, ничего, но когда вы задержали меня на вокзале, на машине не было никакой пыли. Значит, в ту ночь вам не приходилось съезжать на плохую дорогу.

– А ты не мог просто не заметить пыли?

– Если она есть, я ее замечаю... А кроме того, я предположил, что машину днем вымыли, а позже проверил это в гараже, который обслуживает полицейские автомобили: даже самый легкий слой пыли должен был бросаться в глаза.

– Ты хочешь сказать, что, когда я арестован... когда я вывел тебя к машине, ты успел заметить, есть ли на ней пыль? Брось, ты ведь был чуточку напуган в тот момент, а, Вирджил?

– Вовсе нет, – ответил Тиббс. – Просто я держал язык на привязи до поры до времени, пока все не выяснится. Ничего разумнее мне не оставалось. Но глаза у меня были открыты, это уже профессиональное.

– Но откуда тебе знать, может, тогда прошел дождь и прибил пыль к дороге, а в другой раз было сухо? – упорствовал Сэм.

– Я справился со сводками погоды.

Вновь наступило молчание. Наконец Сэм переварил полученную информацию и пришел к выводу, что упрямиться дальше не только глупо, но и попросту не к чему. Нравилось ему это или нет, приходилось признать: Тиббс знает свое дело. Затем он подумал, что все-таки этот человек, который сумел пройти через столько препятствий, почти непреодолимых для цветного, на его стороне. Это была приятная мысль. Сэм решил воздать Тиббсу должное.

– Да, так все и было, – признался он.

– Жаль, что вы не сказали об этом раньше, Сэм, – слегка упрекнул Тиббс. – Это сэкономило бы массу времени, вашего времени, я имею в виду. – Неожиданно для Сэма Тиббс поднялся на ноги. – К вашему сведению, у меня был небольшой разговор с мистером Парди и его дочерью. Я довольно здорово напугал их перспективой медицинского осмотра для проверки ее обвинений, а потом назначил им поближе к вечеру прийти на "экспертизу". Я не уточнял, какого рода. Если мне удастся заставить Делорес изменить свои показания в присутствии свидетелей, обвинение в соращении отпадет само собой. А остальное будет уже легче.

Впервые с начала разговора Сэм испытал желание помочь делу.

– Вирджил, а что, если тебе попытаться выяснить, кто этот ее парень? Я, конечно, понимаю, тут масса сложностей.

– Спасибо, Сэм, – сказал Вирджил. – Пожалуй, я уже знаю ответ.

Когда Биллу Гиллспи доложили, что Вирджил Тиббс хочет его видеть, он решил: пусть-ка подождет несколько минут, просто чтобы знал свое место. Достаточно, по его мнению, продержав Тиббса за дверью, он включил селектор и сказал, что тот может войти. Из-за этой задержки Тиббс не успел еще скрыться в кабинете Гиллспи, как в проходной показалась Дьюна Мантоли, сопровождаемая Джорджем Эндикоттом.

Эндикотта не очень-то радовал этот поход, но он понимал, что имеет дело с очень решительной особой, и пусть лучше уж разговор с Гиллспи произойдет при нем, по крайней

мере он сможет хоть как-то направить беседу.

– Нам хотелось бы повидать мистера Гиллспи, – объяснил Эндикотт, подходя к столу дежурного. – Он свободен?

Пит, прекрасно понимающий, что говорит с членом городского совета и богатейшим гражданином Уэллса, немедленно отозвался:

– Можете пройти прямо в кабинет. У шефа никого нет, кроме Вирджила.

Они прошли через холл, и Джордж легонько постучал по открытой двери. Гиллспи вскинул глаза.

– А, входите, – сказал он, узнав Эндикотта, и тут же вскочил при виде Дьюны, показавшейся на пороге вслед за своим спутником.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – пригласил Гиллспи после того, как был представлен девушке. – Вирджил, ступай отсюда, я поговорю с тобой в другой раз.

Тиббс не двинулся с места.

– То, что я должен сказать, мистер Гиллспи, чрезвычайно важно. И пожалуй, даже хорошо, что мисс Мантоли и мистер Эндикотт будут присутствовать при этом разговоре.

Гиллспи поднял кулак, собираясь шмякнуть им по столу. Он не потерпит возражений ни от кого, и в первую очередь от человека низшей расы, от ниггера, от цветного! Эндикотт оценил ситуацию и поспешно сказал:

– Это звучит интересно. С вашего разрешения, Билл, я бы не прочь послушать, что скажет мистер Тиббс.

– Мне бы тоже очень хотелось, – добавила Дьюна.

Гиллспи был загнан в тупик. Поклявшись в душе жестоко расправиться с Тиббсом, как только они останутся наедине, он смирился с временным поражением.

– Как вам угодно, мистер Эндикотт.

Все уселись.

– Прежде чем начать, – сказал Вирджил, – я бы хотел попросить, чтобы при этом присутствовал мистер Вуд. – Он посмотрел на шефа. – Очень вероятно, что мистеру Гиллспи понадобится задать ему кое-какие вопросы.

Чувствуя себя пойманным в ловушку и кипя от злости, Гиллспи включил селектор и отдал приказание; не прошло и минуты, как в кабинет ввели Сэма Вуда. Гиллспи молча кивнул на стул, и Вуд сел. Вторым кивком шеф отпустил Арнольда, сопровождавшего арестованного. Все еще едва сдерживаясь, Гиллспи повернулся к Тиббсу и вперился в него хмурым взглядом.

– Ну ладно, Вирджил, надеюсь, из этого будет какой-нибудь толк.

Привычным жестом Тиббс крепко сплел пальцы. Секунду-другую он вглядывался в них и только потом заговорил:

– Я хотел бы начать с личности молоденькой женщины, Делорес Парди. – Он поднял глаза. – Мисс Парди – дочь очень неразвитого, серого человека, чье образование и умственный уровень оставляют желать много лучшего. Я незнаком с ее матерью, но обстановку, в которой жила и живет мисс Парди, мягко говоря, трудно считать здоровой.

– Это для меня не новость! – влез Гиллспи.

Тиббс выдержал секундную паузу и продолжал:

– Делорес Парди восемнадцать лет. Но она старается сойти за шестнадцатилетнюю, потому что отстаёт в школе на два года и боится стать предметом насмешек. Поскольку ей уже исполнилось восемнадцать, это снимает вопрос об уголовной ответственности за соращение малолетней и возможность судебного преследования отпадает сама собой. Далее, поведению мисс Парди свойственна одна характерная черта, которая совершенно отчетливо прослеживается в свидетельствах, занесенных в полицейские протоколы. Она

экспозиционистка. В силу определенных причин она зафиксирована на идее, что ее тело обворожительно-прекрасно и каждый, кто его видит, я имею в виду – каждый мужчина, должен испытывать неудержимый трепет. Это довольно типично для девушек ее возраста, которые чувствуют себя в том или ином отношении ущемленными со стороны общества. И вот им кажется, что они могут наверстать потерянное, пустив в ход свои якобы неотразимые достоинства.

Он вскинул глаза на Дьюну, чтобы посмотреть, какое впечатление производят его слова. Девушка слушала с нескрываемым интересом, так же, впрочем, как и трое мужчин. Тиббс продолжал:

– Чаще всего в случаях такого рода девушка идет на все в надежде привязать мужчину своими физическими достоинствами. Иногда это ей удается, иногда лишь ускоряет разрыв. Согласно показаниям Харви Оберста, который ненамного старше ее, мисс Парди демонстрировала себя без всякой просьбы о подобной милости. Я считаю, что он говорил правду, поскольку это подкрепляется двумя дополнительными доказательствами. Первое из них – ее приход в полицию с заявлением на мистера Вуда. Это серьезный шаг – прийти в полицейское управление и обвинить одного из самых известных и уважаемых его служащих. Но вместо того, чтобы казаться крайне смущенной, мисс Парди вела себя вызывающе: она, как могла, подчеркнула свои формы и подтянула бюстгальтер, стремясь выпятить груди самым откровенным и неестественным образом. Это не похоже на поведение скромной девушки, которая подверглась насилию.

Тиббс умолк и сделал секундную паузу, но никто из присутствующих не высказал ни малейшего желания прервать его объяснения.

– Теперь мы вплотную подошли к делу мистера Вуда. В ту ночь, когда было совершено преступление, мистер Вуд проезжал мимо дома Парди в служебной машине. Это целиком и полностью соответствовало точному исполнению полученных им предписаний – он уже почти завершал объезд города, и тщательная проверка оставшихся районов была его правом и долгом. Он миновал дом Парди в начале четвертого утра. Мистер Вуд не говорил мне о том, что произошло в этот момент, но я могу обойтись и предположением. Через несколько суток, когда я был вместе с ним в патрульной машине, мистер Вуд намеренно объехал дом Парди стороной, и, еще не зная причины этого, я пришел к выводу, что он хотел скрыть от меня какое-то обстоятельство. Это несколько поколебало мое высокое мнение о нем, но я ошибся и приношу извинения за подобные мысли.

– Откуда ты знаешь, где живут Парди? – спросил Гиллспи.

– Об этом упомянул Харви Оберст, когда я допрашивал его здесь несколько дней назад, а кроме того, я сверился с документацией.

Гиллспи кивнул в знак того, что он удовлетворен.

– Теперь, сопоставив все имеющиеся данные, мы получим картину того, что случилось, с максимально возможной достоверностью. Некоторое время назад мисс Парди вступила в интимные отношения с человеком из числа ее знакомых и в конце концов почувствовала себя беременной, а может быть, ей это лишь показалось. Кто был этот человек, в данный момент неважно, достаточно сказать, что мисс Парди не могла либо не хотела выйти за него замуж. Решив, что она "в беде", мисс Парди повела себя так же, как многие другие молодые женщины в ее положении. Она огляделась вокруг в поисках человека, на которого можно было бы возложить вину, не опасаясь немедленного разоблачения, наиболее подходящего для роли временного супруга или хотя бы способного оплатить все расходы по рождению и содержанию ребенка. Слава Богу, эта вариация на старые темы полностью изучена в полицейской практике, и голословные обвинения девушки редко имеют какую-то ценность. Разумеется, для мистера

Гиллспи все это далеко не ново... Зная, что Вуд обычно дежурит по ночам в патрульной машине, Делорес решила: никому не покажется невероятным, что он не мог остановиться разок-другой возле ее дома за целый год, что Парди живут в Уэллсе. Во-вторых, ей было известно, что он не женат, а значит, может быть пойман в супружеские сети. Наконец, ее в какой-то степени влекло к нему, как явствует из того факта, что она демонстрировала себя перед ним по меньшей мере однажды во время его ночных объездов. Скорее всего, она постаралась, чтобы это выглядело случайностью. Я бы предположил, что подобные сцены подстраивались больше одного раза, но не слишком часто, – она боялась пробудить подозрение в безукоризненном служащем полиции, каковым, несомненно, является мистер Вуд. – Тиббс поглядел на Сэма. – Мне не хотелось бы затруднять вас, особенно в присутствии мисс Мантоли, но, может быть, вы не откажетесь подтвердить эту догадку?

Сэм помедлил, подыскивая слова, а затем произнес:

– Да. – Вот и все, что он нашелся сказать.

– Ну а теперь мы переходим в область предположений, – продолжал Тиббс. – Если бы мистер Вуд оказался способен отвечать на знаки внимания со стороны подобной особы, я уже не говорю – стараться их вызвать, эта склонность его натуры, по всей вероятности, прорвалась бы наружу за три года постоянных ночных дежурств. Разумеется, это рассуждение несколько грешит неточностью, поскольку известны случаи, когда люди самого безукоризненного поведения вдруг совершали убийство или сбегали, прихватив всю наличность банка и не позаботившись поставить в известность полицию. Но стоит заметить, что мистер Вуд холостяк, а значит, имеет право проводить время с любыми женщинами, которые ему понравятся, и менять партнерш сколько ему угодно. Вряд ли бы он пользовался такой прекрасной репутацией во всем Уэллсе, если бы был способен обмануть неопытную школьницу. Никто не знает положения человека лучше, чем его банк, а банк, с которым ведет свои дела мистер Вуд, очень высокого мнения о нем. Я только передаю то, что мне было сказано. Итак, – Вирджил с трудом перевел дыхание, – что касается обвинения, выдвинутого Делорес Парди против мистера Вуда, я думаю, это просто безбожное вранье.

– И вы можете заставить ее в этом признаться? – спросил Джордж Эндикотт.

Зажужжал селектор.

Гиллспи щелкнул клавишей.

– Вас хотят видеть мистер Парди и его дочь, – доложил дежурный.

Гиллспи обвел взглядом четверых людей, сидевших перед ним.

– Приведи их, – распорядился он, – и захвати пару стульев.

В комнате стояла напряженная тишина, пока в пустом холле раздавался стук каблучков семейства Парди. Все не сводили глаз с двери.

Первой, медленно и неуверенно, вошла Делорес. За ней появилось лицо ее отца, по-прежнему хмурое и остолбенелое, словно раз и навсегда вырезанное из дерева, лишь складки около его рта казались теперь более глубокими. Следом в дверь протиснулся Арнольд – он прошел боком, манипулируя стульями, и поставил их прямо посреди комнаты. Никто не произнес ни слова, пока он не удалился.

– Присаживайтесь, – пригласил Гиллспи.

Парди кивком показал на Тиббса.

– Уберите этого типа, – распорядился он.

Мощная фигура Гиллспи еще внушительнее нависла над столом.

– Он останется, – объявил шеф и указал на стулья.

Посетители сели.

– А я не стану говорить при негритосах, – выступила Делорес.

Гиллспи пропустил это мимо ушей.

– Существует довольно длинная процедура, через которую мы обязаны провести вас обоих, – сообщил он. – Медицинская часть может занять порядочное время. Вам ничего не хочется мне сказать, прежде чем мы приступим?

В комнате повисло томительное молчание. Гиллспи откинулся назад, и кресло заскрипело под его тяжестью. И снова наступила тишина.

Наконец Делорес заерзала на своем стуле и неловко разгладила юбку.

– Думается, я все-таки в нем ошиблась, – сказала она.

– Это мы уже слышали в прошлый раз, – отозвался Гиллспи.

Делорес помолчала, пока ее медлительный ум подыскивал нужные слова.

– Я что хочу сказать, может, все-таки это был не он?

– Ты имеешь в виду мистера Вуда? – спросил Гиллспи.

– Ага...

Парди откашлялся и вступил в разговор:

– Вот ведь какое дело... У Делорес, у нее не слишком-то хороший сон. Ну, она увидела под окном полицейскую машину и знала, кто это проехал. А потом пошла спать и увидела его во сне, вот ей все это и взбрело в голову.

– Ты хочешь сказать, – спросил шеф, – что твоя дочь заметила Вуда в патрульной машине, а потом ей привиделось, будто он спал с ней на самом деле?

Парди сжал челюсти, и на его лице заходили желваки.

– Ага, что-то вроде этого, – наконец сказал он.

Гиллспи подался вперед:

– Признаться, мне трудно поверить, будто такой девушке, как Делорес, подобный сон мог казаться до того настоящим, что она заявила сюда и по всей форме обвинила человека. Будь она на несколько месяцев моложе, это могло бы для него кончиться уголовным делом.

– Если бы да кабы, – огрызнулся Парди. – Ей уже хватает лет, чтобы жить как хочется.

– Теперь меня не станут обследовать, а? – спросила Делорес.

– Нет, – ответил Гиллспи. – Раз ты и твой отец заявляете здесь при свидетелях, что обвинение, выдвинутое вами против мистера Вуда, было ошибочным, значит, нет никакой необходимости в медицинском осмотре.

– Да у вас теперь и прав нет, – добавила Делорес.

Дьюна Мантоли слегка зашевелилась на своем стуле, и в комнате вновь наступила тишина.

Первым нарушил ее Вирджил Тиббс.

– Вы проявили большое мужество, не побоявшись прийти сегодня, – сказал он Делорес. – Многие девушки не решились бы на такой шаг.

– А меня па заставил, – откровенно призналась Делорес.

– Вы бы могли помочь мне кое в чем, если бы захотели, – продолжал Тиббс, – и это куда важнее, чем может показаться сначала. Не скажете ли, отчего вы увидели во сне именно мистера Вуда?

– Я же говорил, она заметила его машину на улице, вот он и запал ей на ум, – сердито объяснил Парди.

Тиббс не отрывал глаз от Делорес, будто ничего и не было сказано. Наконец она очнулась, вновь разгладила юбку и впервые проявила какие-то признаки смущения.

– Ну, – медленно заговорила она, – он и впрямь мальчонка что надо. Я-то никогда с ним не встречалась, но разговоры слыхала. Он на хорошей службе, у него положение и машина, и я о нем подумывала. Мне думалось, может, я ему понравлюсь. Особо потому, что, я слышала, у него нет своей девушки.

– Я его девушка, – сказала Дьюна.

Сэм изумленно и недоверчиво вскинул на нее глаза.

Делорес тоже уставилась на Дьюну. Наконец она отвела взгляд и с потерянным видом повернулась в сторону Гиллспи. Она была до того ошеломлена, что казалось, дотронься до нее, и она рухнет.

– Моя девочка не для него, он слишком стар, – заявил Парди.

Билл Гиллспи принял решение:

– Раз уж вы оба пришли с заявлением, которое снимает подозрение с мистера Вуда, мы будем считать инцидент исчерпанным, насколько это касается нашего делопроизводства. Но это не значит, что мистер Вуд не может возбудить дело за ущерб, нанесенный его репутации, а я думаю, он, скорее всего, так и сделает.

– Я не собираюсь возбуждать никакого дела, – сказал Вуд.

Парди повернулся к дочери.

– Пошли домой, – скомандовал он и встал.

Делорес поднялась следом. В дверях она обернулась и попыталась улыбнуться Сэму.

– Я и вправду извиняюсь, – сказала она.

Сэм вспомнил, что он джентльмен, и вскочил со стула. Так же поступил и Тиббс. Эндикотт остался сидеть. Не добавив ни слова, семейство Парди покинуло кабинет.

Прошло несколько секунд, прежде чем оставшиеся пришли в себя и напряжение, царившее в комнате, несколько разрядилось.

– Ну а теперь что? – спросил Гиллспи.

– Давайте закончим с делом мистера Вуда, – ответил Тиббс. – У вас остались какие-нибудь сомнения, которые препятствуют освободить его из-под ареста?

– Да, – отозвался Гиллспи. – Я хочу услышать от него, откуда он взял шестьсот долларов наличными, чтобы до конца выплатить стоимость своего дома.

Сэм не успел открыть рта, как вновь заговорил Тиббс:

– Пожалуй, я могу ответить за мистера Вуда. В банке вам сообщили, какую сумму он отсчитал наличными, но не уточнили, что это была за наличность.

– Наличность есть наличность, – изрек Гиллспи.

– В данном случае это не совсем так, – возразил Тиббс. – Когда я поинтересовался в банке, мне сказали, что почти вся сумма была монетой – четвертаками, пятидесятицентовиками и даже пятаками. Там было и несколько бумажек, но самая большая из них – это пять долларов.

В темноте, окутывавшей дело Вуда, забрезжил свет.

– Что же, он копил, это ты хочешь сказать? – спросил Гиллспи.

– Совершенно верно, – ответил Вирджил. – Хотя это и не самое мудрое решение – ведь он мог положить деньги под проценты и ему набегало бы около восемнадцати долларов в год, не говоря уж о том, что так гораздо спокойнее. Я думаю, он копил на свой дом с того самого дня, как поступил в полицию. Наверное, из тех денег, которые оставлял на карманные расходы.

– Я старался откладывать по пятьдесят центов в день, – уточнил Сэм.

– На самом деле у вас выходило немного больше – около четырех долларов в неделю, – сказал Тиббс. – Но все-таки почему вы не клали их на свой текущий счет?

– Просто боялся истратить. Это были деньги на дом. Я держал их отдельно и ни разу не взял ни одного пятака.

– Ну, как бы там ни было, этот вопрос тоже, по-моему, ясен, – сказал Тиббс, обращаясь к Гиллспи. – Надеюсь, теперь мистер Вуд свободен.

Прежде чем ответить, Гиллспи посмотрел по сторонам. Казалось, из здорового шерифа вышибли дух.

– Пожалуй, что да, – проговорил он.

– В таком случае, – продолжал Вирджил, – я бы попросил вас восстановить его в служебных обязанностях и сделать это немедленно, чтобы уже сегодня ночью он мог выйти на обычное дежурство.

– Сегодня мне бы хотелось побыть дома, – сказал Сэм.

– Очень важно, чтобы нынешней ночью именно вы вели машину, – ответил Вирджил. – И если не возражаете, я тоже поеду с вами. – Тиббс повернулся к Гиллспи:

– Готов дать вам любую гарантию, – объявил он, – что, если не произойдет ничего чрезвычайного, еще до рассвета мистер Вуд арестует убийцу Мантоли.

Когда Сэм Вуд вышел на улицу, его охватило острое ощущение, что все пережитое было просто-напросто дурным сном. Беспредельная ярость, возмущение и беспомощность, которые он испытывал прежде, бесследно исчезли. Сэм словно оказался в той самой точке существования, откуда началось его кошмарное сновидение. За исключением одного: он держал Дьюну Мантоли в своих объятиях, и она поцеловала его. И в присутствии свидетелей она назвала себя его девушкой.

Конечно, Сэм понимал, на самом деле это было не так. Ей хотелось привести в замешательство Делорес Парди, и она этого добилась. Несколько ослепительных мгновений Сэм позволил себе помечтать, будто ее слова были правдой. Но он тут же заставил себя вернуться к действительности и вспомнил, что настало время обеда.

Сэм подъехал к знакомому кафе, единственному месту в городе, где подавали более или менее приличные бифштексы, и заказал порцию. Он чувствовал, что сейчас ему это необходимо.

Увидев его, владелец кафе подошел перекинуться словом.

– Рад снова видеть вас у себя, мистер Вуд, – проговорил он.

Сэм прекрасно знал, что он хочет этим сказать.

– И я рад снова побывать у вас, – ответил он в том же духе. – Скажите повару, пусть постарается, ладно?

– Я уже сказал, – сообщил владелец. – Кстати, хочу вас спросить кое о чем. Пожалуйста, не отвечайте, если вам это придется не по вкусу, но не только я, весь город диву дается, что это за черный фараон у вас работает?

– Вирджил? – переспросил Сэм. – А что такое?

– Ну, откуда он взялся?

– Вирджил – специалист по расследованию убийств, – сказал Сэм. – Так вышло, что он оказался под рукой, и шеф подключил его к расследованию, вот и все.

– Вам, наверное, нелегко приходится? – рискнул собеседник.

– Ну уж не мне, – сухо ответил Сэм. – Он-то и выгащил меня из этой заварухи. Вирджил чертовски умен. – Не отступившись от человека, который стоял за него, Сэм почувствовал прилив гордости.

– Да, но он – ниггер, – не сдавался хозяин.

Сэм уперся ладонями в стол и вскинул глаза.

– Вирджил не ниггер. Он цветной, он черный, он негр, но он не ниггер. Я знаю кучу белых, которые и вполонину не так головасты.

Владелец кафе сразу присмирел:

– Некоторые из них с головой, я знаю. Один даже написал книгу. А вот и ваш бифштекс.

Он присмотрел, чтобы все было подано как полагается, и даже сам принес бутылку кетчупа. Затем хозяин отошел, сказав себе, что Сэму Вуду можно простить любые высказывания, – ведь он так много пережил за последние дни.

Покончив с едой, Сэм поехал к себе и распахнул окна, чтобы выветрить нежилой запах, уже поселившийся в комнатах. Первым делом он снял форменную одежду и привел ее в порядок, затем принял душ, прошелся по подбородку электрической бритвой и прилег отдохнуть.

Коротким воспоминанием в его голове промелькнула фраза Вирджила, что сегодняшней ночью он, Сэм Вуд, арестует убийцу. Но в эти мгновения зыбкого полусна обещание Вирджила казалось все несбыточнее и нереальнее. Наконец черная пустота навалилась на Сэма, и он спал

глубоко, пока будильник не прозвенел одиннадцать...

Когда Сэм добрался до полицейского управления, его уже ждал Вирджил Тиббс. Сэм, как всегда, отметил у дежурного, который старался вести себя как ни в чем не бывало, и с ключами от патрульной машины в руке и листом для рапорта под мышкой кивнул Тиббсу:

– Пойдем.

Они уселись бок о бок, как в ту памятную ночь совместного дежурства.

– Куда ехать, Вирджил? – спросил Сэм.

– Куда вам вздумается, – ответил Тиббс. – Мне это совершенно безразлично. Только давайте держаться подальше от дома Парди. Я бы не хотел, чтобы вновь вышло какое-нибудь недоразумение.

Сэм задал вопрос, который не выходил у него из головы с тех пор, как он проснулся:

– Думаешь, убийца старика Мантоли вновь вылезет сегодняшней ночью?

– Почти уверен, – отозвался Тиббс.

– Тогда, может быть, стоит заехать к Эндикоттам и взглянуть, все ли в порядке?

– Я убежден, что она в безопасности, – ответил Тиббс. – Конечно, поехали, если вы настаиваете, но лучше бы нам остаться здесь, внизу, – для этого есть причины.

– Ты не можешь объяснить мне какие? Ты ведь сам сказал, что я должен арестовать этого типа.

– Право, мне имеет смысл помолчать, Сэм. Если я сейчас не удержусь, вы можете выдать себя в самый неподходящий момент. Это ведь очень трудно – держать что-то на уме и не подавать виду, что бы вокруг ни происходило. До поры до времени чем меньше знаешь, тем лучше.

– А мы не можем предпринять что-нибудь сами, сейчас же?

Тиббс посмотрел через ветровое стекло:

– Сэм, ответьте мне без обид: согласны ли вы довериться мне и позволить вести это дело? Обещаю, без вас ничего не произойдет. Я постараюсь устроить так, чтобы арест произвели вы.

– Ну ладно, Вирджил... – Сэм был явно разочарован.

Никогда еще ночь не казалась ему такой долгой. Они поговорили о Калифорнии и Западном побережье, где Сэму не приходилось бывать. Потом перешли к боксу.

– Это несладкая доля, – рассуждал Тиббс. – Я знаком с несколькими боксерами и знаю, как тяжело достается им кусок хлеба. Последний удар гонга – это далеко не конец. Затихнут приветствия, отшумят аплодисменты – если они еще есть! – а дальше нужно добраться до раздевалки, где тебя ждет доктор. И когда он накладывает швы на рассеченные губу или бровь, это чертовски мучительно, Сэм!

– Вирджил, я не раз думал: почему бокс так тянет к себе цветных? Что у них, больше способностей или они легче все переносят?

– Если им и легче, то просто ума не приложу почему. Однажды, это было в Техасе, я говорил с боксером уже после боя. Ему страшно досталось, хотя он здорово дрался и вышел победителем. Ну, как бы там ни было, когда пришел доктор и принялся за него, боль от укола была такой жуткой, что он закричал. И тут доктор удивился: ему-то казалось, что тот ничего не чувствует – ведь он негр.

Сэм мысленно перенесся к своей беседе с Ральфом, ночным барменом из закуской. У него было такое ощущение, будто это происходило давным-давно. На самом деле они разговаривали в ночь убийства.

– А что с теми парнями, которые на тебя напали? – спросил Сэм после непродолжительного молчания. – Я так ничего и не слышал.

– Их выручил один тип из городского совета, Уоткинс. Он предупредил меня, что мне лучше закрыться насчет этого случая, если я не хочу устроить себе красивую жизнь, иначе мне

пришьют статью за членовредительство.

– Думаешь, Уоткинс их и нанял?

– Надеюсь, ведь тогда ему придется оплатить медицинские расходы за того малого, у которого сломана рука. Похоже на то, что они на этом не успокоились. У меня такое чувство, будто за мной следят, – спокойно обронил Тиббс, словно заметил, что завтра или через день может пойти дождь.

– Хотелось бы мне оказаться рядом с тобой, когда они попытаются, – сказал Сэм.

– Я тоже совсем не против, – живо отозвался Вирджил. – В следующий раз будет куда труднее. Дзюдо хорошая штука, но только до определенного момента. Если тебя сбили с ног, все, что ты можешь сделать с его помощью, – это прихватить одного-другого с собой на землю.

– А есть что-нибудь получше?

– Айкидо. Очень неплохая система, в особенности если преследуемый сопротивляется, а надо доставить его в целости и сохранности. Это излюбленный метод лос-анджелесской полиции. Но в настоящей драке, когда пан или пропал, последнее слово – карате. Человек, который им владеет, можно сказать, вооружен до зубов.

– И у нас есть такие?

– Да, я даже знаком кое с кем. Масса того, что вы слышали о карате, – пустой треп: будто едва коснешься руки, а она уже пополам и все такое... Но как метод самозащиты карате – лучший вид обороны без оружия. Тренироваться приходится будь здоров, но это стоит того.

Сэм повернул машину на Мэйн-стрит, и мягкое рычание подхлестнутого мотора смешалось с тишиной ночи. Он миновал столб со счетчиком на платной стоянке и притормозил, прежде чем подъехать к тротуару напротив аптеки Саймона.

– Здесь не опасно останавливаться? – спросил он.

– Думаю, нет, – ответил Вирджил.

Сэм плавно отпустил тормоз, и машина покатила почти сама собой. Когда она замерла, колеса были ровно в двух дюймах от кромки тротуара. Сэм достал планшетку и приготовился писать.

– Ну вот, мы уже не одни, – произнес Вирджил.

Сэм вздрогнул и вскинул глаза. В следующий миг он заметил какое-то движение у входа в аптеку, где лежали густые безмолвные тени. Из темноты выступила фигура человека и направилась к ним. Неизвестный был очень высокого роста, но ступал мягко, почти бесшумно. Сэм узнал Билла Гиллспи.

Начальник полиции наклонился и положил локти на опущенное стекло.

– Ну, как тут у вас, ребята? – спросил он.

Сэм ответил с трудом – язык словно распух и отказывался повиноваться.

– Пока все в порядке. Ничего необычного. В нескольких окнах свет, но, скорее всего, просто кому-то не спится.

Шеф протянул руку и открыл заднюю дверцу.

– Пожалуй, проедем с вами, – сказал он и забрался в машину. – Не очень-то просторно, – добавил шеф, когда его колени прижались к спинке переднего сиденья.

Сэм опустил левую руку, потянул рычажок и потеснился на дюйм-другой вместе с креслом.

– Куда теперь ехать? – спросил он.

– Неважно, – отозвался Гиллспи. – Вирджил сказал, что сегодня ночью укажет тебе убийцу, я бы не прочь увидеть, как это у него получится.

Сэм украдкой взглянул на своего безмолвного соседа. Почему-то только сейчас он до конца понял, что у него есть напарник, – впервые за все годы службы в полиции. И Сэм чувствовал: он может на него положиться, несмотря на цвет кожи. Вирджил уже не раз доказал свое умение

рассуждать и не терять головы. И то и другое могло им понадобиться еще до наступления утра.

Машина тронулась с места, пересекла шоссе и оказалась в бедняцком районе. Сэм, как всегда, сбавил скорость и не отрывал глаз от дороги, боясь задеть какую-нибудь спящую собаку. Одна все-таки расположилась у него на пути, и он аккуратно ее объехал.

В мастерской Джесси было темно и пусто. Та же молчаливая темнота окутывала маленький домик преподобного Амоса Уайтберна. У доктора Хардинга, ведавшего более земными нуждами цветных граждан Уэллса, горел тусклый свет, выделяя окна его гостиной, которая служила и для приема больных. Машина перевалила через железнодорожные рельсы и выехала на улицу, ведущую к дому Парди. Сэм немного заколебался и решил никуда не сворачивать – после всего случившегося, пожалуй, не стоило опасаться, что Делорес вновь будет на кухне. В доме Парди царило глухое безмолвие.

– Странно, – сказал Гиллспи, – в это время ночи в воздухе будто что-то сгущается.

Сэм согласно кивнул.

– Я и раньше это замечал, – отозвался он. – Это миазмы.

– Что? – переспросил Гиллспи.

– Простите. Что-то вроде испарений, наполняющих атмосферу.

– Вот-вот, как раз это я и имел в виду, – сказал Гиллспи. – А кстати, не здесь ли живут Парди?

– Мы только что проехали их дом, – ответил Сэм.

Он миновал еще три квартала и повернул к шоссе. Здесь Сэм притормозил, как он давно привык поступать, хотя в это время обычно не бывало никакого движения. Но сейчас к перекрестку приближался автомобиль, и Сэм подождал, пока он проедет. Свет уличного фонаря выхватил очертания проходящей машины, и Сэм тут же узнал ее. Это был пикап Эрика Кауфмана или точно такая же машина.

Сэм повернул следом и поехал к закусочной.

– В это время я обычно останавливаюсь перекусить, – объяснил он.

– Что ж, не возражаю, – сказал Гиллспи.

Сэм увеличил скорость, не выпуская из виду запоздалый автомобиль. У самого города тот притормозил и свернул на стоянку возле закусочной. Сэм выждал, пока Кауфман скроется за дверью, и тоже подъехал к стоянке. Он и Гиллспи вышли.

– А как с Вирджилом? – спросил Гиллспи.

– Я подожду в машине, – ответил Тиббс.

– Может, тебе что-нибудь принести? – предложил Сэм.

– Да нет, не надо. Я дам вам знать, если что-нибудь надумаю.

Сэм и Гиллспи двинулись к закусочной.

Эрик Кауфман удивленно вскинул глаза, когда они выросли на пороге. Затем медленно поднялся навстречу.

– Какая приятная неожиданность, – сказал он, пожимая им руки.

– Для нас тоже, – откликнулся Гиллспи. – Откуда в такой поздний час? – Вопрос прозвучал как бы невзначай, но что-то в нем говорило, что Гиллспи ждет ответа.

– Прямо из Атланты, – объяснил Кауфман. – У меня уже вошло в привычку ездить по ночам. И прохладнее, и никого на дороге.

– Понятно, – сказал Гиллспи, опускаясь на стул. – Ну, и что нового?

– Кое-что есть, – ответил Кауфман. – Мне удалось найти на место Энрико музыканта с именем, одного из самых видных дирижеров. Мне хочется, чтобы первым об этом узнал Джордж Эндикотт, я только потому его и не называю. И продажа билетов идет как нельзя лучше. Через месяц здесь будет настоящее столпотворение.

Сэм сел и задумался, что бы такое заказать. Ральф посмотрел на него, но он лишь махнул рукой – пусть пока обслуживает остальных. Одна мысль поглощала все его существо: сегодня ночью он арестует убийцу. Прошла почти половина дежурства, но ничто не говорило, что решительная минута уже близка. Скоро наступит рассвет и таинственность ночи исчезнет. Сэм боялся, что тогда будет слишком поздно. Убийца напал ночью и поэтому должен быть схвачен ночью... а может, здесь и нет никакой связи. Убийца уже стал казаться ему чем-то нереальным – не просто человеком, который ходит по улицам и похож на встречаемых людей.

Но даже если и не так, попробуй-ка отличи его...

Сэм попросил имбирного пива и поджаренный хлебец – странноватая комбинация, как он понял уже через секунду, но не отменил заказ, а дождался, пока его принесут, и попросту смотрел перед собой, ни к чему не прикасаясь. Затем он почувствовал за спиной какое-то движение и обернулся.

В дверях стоял Тиббс. Негр казался удивительно жалким, словно сам понимал, что отважился на рискованный шаг.

Ральф поднял глаза и увидел его.

– Эй, ты там! Вали отсюда! – скомандовал он.

Вирджил помялся в нерешительности и осторожно ступил вперед.

– Пожалуйста... – сказал он. – Мне ужасно хочется пить. Я хочу только стакан молока.

Ральф быстро взглянул на остальных и снова на Тиббса:

– Это место не для тебя, ты и сам знаешь. Давай-ка отваливай. Когда джентльмены выйдут, может, кто-нибудь из них захватит тебе пакет.

– Я прихватчу, – вызвался Сэм.

Но Вирджил не двинулся из комнаты, более того, он шагнул еще дальше.

– Послушайте, – сказал он. – Мне известно, что у вас такие правила, но я служу в полиции, как и эти джентльмены. И у меня нет никакой заразной болезни. Я прошу только, чтобы мне позволили присесть и что-нибудь заказать, как и всем остальным.

Сэм глубоко вздохнул, прежде чем вынести горькое суждение. Вирджил впервые терял лицо, и Сэм остро переживал за него. Но он не успел ничего сказать – Ральф обогнул стойку и подошел к Вирджилю.

– Я слышал о тебе, – сказал он. – Тебя зовут Вирджил, и ты нездешний. Я все это знаю. Мне не хочется поступать грубо в присутствии этих джентльменов, но ты должен уйти. Если босс когда-нибудь услышит, что я позволил тебе перешагнуть этот порог, он меня вышибет в два счета. Так что лучше уходи по-хорошему.

– В самом деле? – спросил Тиббс.

Ральф побагровел от ярости и уже не мог сдерживаться.

– Я уже сказал тебе! – Он схватил Вирджила за плечо и развернул к выходу.

Тиббс резко повернулся, обеими руками стиснул поднятую пятерню Ральфа и заломил ее за спину.

Сэм больше не мог усидеть, он вскочил на ноги и двинулся вперед.

– Оставь его, Вирджил, – произнес он. – Ральф тут ни при чем.

Негр словно не слышал. Жалкая неуверенность слетела с него как ненужная шелуха, теперь это был прежний Тиббс.

– Вот и все, Сэм, – сказал он. – Вы можете арестовать этого человека за убийство Энрико Мантоли.

Небо было покрыто багровыми полосами чадного, полыхающего рассвета. Казалось, оно подернуто дымом, скрывающим от глаз просветленную красоту, которая возникает с первым лучом солнца. Тиббс сидел на скамье в предварилке и читал книгу в дешевой бумажной обложке. На этот раз "Анатомию убийства".

Дверь в кабинет Гиллспи, захлопнувшаяся почти три часа назад, наконец отворилась. Послышался звук шагов, затем лязг замка. Через несколько секунд на пороге комнаты показалась высоченная фигура человека, который возглавлял полицейское управление Уэллса. Он опустился на скамью и закурил сигарету. Тиббс ждал начала разговора.

– Он подписал признание, – сообщил Гиллспи.

Тиббс отложил книгу.

– Я был уверен, что вам удастся его заставить, – отозвался он. – А этот тип сказал, кто должен был сделать аборт?

Вопрос несколько озадачил Гиллспи.

– Похоже, тебе известно решительно все, Вирджил. Я бы не прочь узнать, как ты это раскопал.

– А где Сэм? – спросил Вирджил. Впервые он назвал Вуда по имени в присутствии Гиллспи.

Шеф, по-видимому, ничего не заметил.

– Он снова вернулся на дежурство – я ему разрешил не ездить, но он сказал, что это его долг.

– Вуд – удивительно добросовестный служащий, – сказал Вирджил, – а это многое значит. Вскоре вам еще больше понадобится его помощь: с толпами, которые нагрянут сюда на музыкальный фестиваль, будет много хлопот.

– Я знаю, – сказал Гиллспи.

– По-моему, Вуд был бы очень хорошим сержантом. В городе его уважают, и Сэм вполне подходит для этой должности.

– Пытаешься управлять моим хозяйством, Вирджил? – спросил Гиллспи.

– Нет, что вы, просто я подумал, если вы решите что-нибудь сделать в этом направлении, Сэм, видимо, будет вам очень благодарен. И тогда та неприятность, которую он только что пережил, по-моему, забудется куда скорее. Извините, что я затронул эту тему.

Гиллспи не спешил отвечать. Тиббс тоже не стал нарушать наступившее молчание.

– И давно ты пришел к выводу, что это Ральф? – наконец спросил шеф.

– Всего лишь вчера, – отозвался Тиббс. – Признаться вам, мистер Гиллспи, я чуть было не испортил все дело. Видите ли, вплоть до вчерашнего дня я шел по ложному следу.

Зазвонил телефон. Дежурный поднял трубку, а затем окликнул Гиллспи:

– Это вас, шеф.

Гиллспи поднялся и пошел поинтересоваться, кто это звонит в начале восьмого утра. Говорил Джордж Эндикотт.

– Я позвонил узнать, когда вы придете в управление, – объяснил он. – И вовсе не ожидал застать вас в такое время.

– А вы ранняя пташка, – сказал Гиллспи.

– Не всегда. Просто мне позвонил Кауфман и сообщил, что вы и ваши люди поймали убийцу Энрико. Примите, пожалуйста, мои самые искренние поздравления. Насколько я понял, вы сами арестовали преступника. Это было проведено просто блестяще.

Гиллспи вспомнил кое-что из того, к чему он пришел путем долгих размышлений.

– В сущности, арест был произведен мистером Вудом, – признался он. – Я только при этом присутствовал. Моя очередь настала потом – я вел допрос, пока этот тип не выдохся и не признался во всем.

– И все же мне трудно поверить, будто вы оказались там случайно, – любезно сказал Эндикотт.

Шеф глубоко вздохнул и решился на шаг, который он раньше никогда бы не сделал.

– Не стоит забывать Вирджила, он сделал удивительно много.

Теперь, когда дело было сделано, оно представлялось не таким уж трудным, тем более что Эндикотт был северянином, а это еще больше облегчало задачу.

– Послушай, Билл, у меня тут был разговор с Грейс и Дьюной. Может быть, это покажется не совсем уместным, ведь со времени смерти Энрико прошла какая-нибудь неделя, но все же мы решили тихонько, по-домашнему собраться сегодня у нас. Надеюсь, вы не откажетесь присоединиться?

– Напротив.

– Вот и прекрасно. И не будете ли вы так добры передать то же самое Сэму Вуду и Вирджилу Тиббсу? Вы ведь наверняка с ними увидите.

Этот барьер был уже немного труднее, но Гиллспи с разгона взял и его.

– Непременно передам, – сказал он. Положив трубку, Гиллспи подумал, что ему встретились два серьезных препятствия и он не споткнулся ни на одном. С таким же успехом он может преодолеть и третье. А если кто-нибудь в управлении заикнется на этот счет, он будет иметь дело с ним, Биллом Гиллспи. Вернувшись в предварилку, он встретился глазами с Вирджилом Тиббсом и протянул ему руку.

Тиббс встал и ответил на рукопожатие.

– Вирджил, – сказал Гиллспи, – я хочу поблагодарить тебя за помощь. Я намерен написать твоему шефу – поблагодарить и его за то, что он позволил тебе задержаться. Я собираюсь сообщить ему, что ты прекрасно справился с этим делом. – Гиллспи выпустил темную ладонь негра, которую он пожимал впервые в жизни. Потом перевел взгляд на лицо собеседника и вдруг с удивлением заметил, что глаза Тиббса увлажнились.

– Вы достойный человек, мистер Гиллспи, – сказал Тиббс. Его голос едва заметно дрогнул.

И тут Гиллспи вспомнилась одна крылатая фраза. Она запала ему в голову, потому что уж очень его задевала, но теперь эти ненавистные слова пришлись как нельзя кстати.

– Спасибо, Вирджил, – сказал он. – Вы оказываете великую честь своей расе. – Гиллспи выдержал паузу. – Я, конечно, имею в виду – человеческой расе.

Вечером, ровно в половине восьмого, Гиллспи подъехал к зданию полиции на своей личной машине и захватил Сэма с Вирджилом. На этот раз на заднем сиденье разместился Тиббс.

По дороге к Эндикоттам почти не разговаривали – все трое сегодня не выспались, но отказаться от приглашения было неловко. К тому же Гиллспи был занят размышлениями о предстоящем вечере в одной компании с негром.

В дверях дома их встретила Грейс Эндикотт и проводила в свою роскошную гостиную, – Гиллспи шел первым, за ним Сэм, а Вирджил замыкал процессию.

Народу в комнате было не так уж мало: Эрик Кауфман, управляющий банком Дженнингс с супругой, Дьюна Мантоли и чета Шубертов.

Сэм Вуд смотрел на все словно сквозь какую-то пелену, для него существовала лишь Дьюна, чья красота в этот вечер показалась ему настолько ошеломляющей, что у Сэма перехватило дыхание. Взглянув на нее, он неловко остановился посередине комнаты и в который раз напомнил себе, что он обнимал эту девушку, а она поцеловала его. Но живое воспоминание было подернуто дымкой нереальности.

Джордж Эндикотт призвал гостей к вниманию. Когда все уселись и стало тихо, он взял слово.

– Возможно, наше сегодняшнее собрание выглядит несколько странным, – сказал Эндикотт, опустив глаза к бокалу, который держал в руках, – но нам с Грейс захотелось, чтобы вы пришли, потому что произошло много событий, которые нельзя не отпраздновать, хотя потрясение от постигшего нас несчастья до сих пор слишком сильно. Мы нашли дирижера, который способен украсить наш фестиваль, и вы все уже слышали, насколько нам повезло. Билеты почти распроданы. Оркестр приступил к репетициям. Мистер Кауфман провел вчера одно занятие и сообщил мне свои впечатления: профессиональный уровень музыкантов очень высок. В связи с этим мне хочется в вашем присутствии попросить мистера Кауфмана не отказать нам всем в одолжении и продирижировать хотя бы в одном из концертов.

Раздались легкие аплодисменты. Кауфман зарделся, и ему понадобилось сделать заметное усилие, чтобы сдерживать свои чувства.

– Почту за честь, – произнес он.

– Далее, мы давно уже задумывались над тем, как назвать нашу импровизированную площадку. В признание того, что все это стало возможным благодаря энергии, способностям и энтузиазму одного-единственного человека, члены правления проголосовали сегодня днем за то, чтобы назвать ее "концертной эстрадой Мантоли".

Взгляды собравшихся обратились к Дьюне. Она уронила лицо в ладони и не произнесла ни слова.

– Уверен, что мисс Мантоли не откажется открыть первый концерт, – продолжал Эндикотт. – И наконец, мы подошли к третьей причине – наша полиция, усиленная талантами человека, которого привела сюда счастливая случайность, нашла и арестовала преступника, виновного в обрушившемся на нас несчастье. Мне не известно, как все произошло, и я хотел бы услышать это от кого-нибудь из присутствующих. Конечно, если они сочтут это достаточно уместным.

– Я бы тоже не прочь узнать, – поддержал Фрэнк Шуберт.

– Быть может, мистер Гиллспи согласится просветить нас? – спросил Эндикотт.

Гиллспи понадобилась всего лишь секунда, чтобы с необычайной ясностью осознать: у него есть единственный приемлемый выход. Он не мог изложить ход расследования, потому что и сам находился в неведении. Признаться в этом сейчас было просто невыносимо, и, кроме того, он понял, что его престиж только выиграет, если он откажется от предложенной чести ради того, кто ее действительно заслужил.

– Вообще-то говоря, его выследили мистер Вуд и Вирджил, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Лучше спросить у них.

Этот шаг, подумал Гиллспи, на какое-то время уладит их отношения с Сэмом.

Джордж Эндикотт взглянул на Сэма.

– Мистер Вуд? – выжидающе произнес он.

– Обращайтесь к Вирджили, – с обезоруживающей скромностью ответил Сэм. – Это все он. Эндикотт перевел взгляд на молчаливого негра, который сидел несколько поодаль от всех.

– Мистер Тиббс, вам слово. Насколько мне известно, вы покидаете Уэллс сегодняшней ночью, так, пожалуйста, не уезжайте, ничего нам не рассказав.

– Вперед, Вирджил, – произнес шеф.

– Право, я чувствую себя в большом затруднении, – сказал Тиббс, и было похоже, что это действительно так.

– Не надо скромничать, – подбодрил его Эндикотт. – Мне прекрасно известна ваша репутация на Западном побережье. Успешное расследование вам совсем не в новинку.

– Дело не в этом, – сказал Тиббс, – просто мне неловко дольше скрывать, как много ошибок я допустил на сей раз. Все спас только счастливый случай, и мне тут нечем гордиться.

– Может быть, вы все-таки предоставите нам судить об этом? – любезно произнес Дженнингс.

Вирджил глубоко вздохнул:

– При любом подобном расследовании прежде всего необходимо установить мотивы убийства, насколько это вообще возможно. Выяснив, кому может быть выгодна смерть жертвы, вы получаете хотя бы какой-то исходный пункт. Это, конечно, в том случае, если нет налицо версии, которую было бы сравнительно легко проследить. Когда мистер Гиллспи договорился о том, чтобы я мог здесь остаться, и привлек меня к делу, я кое-что почерпнул из вещественных доказательств и начал заниматься выяснением мотивов. Боюсь, что сейчас мне придется неприятно удивить вас всех, а мистера Кауфмана в особенности. Я даже сомневаюсь, сможет ли он когда-нибудь мне это простить. Дело в том, что я подозревал именно его в течение нескольких дней и изо всех сил старался найти доказательства этому предположению.

Тиббс взглянул в сторону молодого дирижера, на лицо которого стоило посмотреть! Сэм Вуд тоже поглядел на него и подумал, что не может сказать, какие мысли бродят сейчас в голове этого человека. Но вообще-то Сэм не был удивлен – он и сам подозревал Эрика Кауфмана, хотя и не мог бы объяснить почему.

– Видите ли, – продолжал Тиббс, – у мистера Кауфмана могло быть для этого явное и серьезное основание: трагический уход маэстро Мантоли открывал перед ним прямой путь к тому, чтобы стать во главе фестиваля и получить все грядущие выгоды – что называется, и славу, и деньги. Многие убивали по меньшим причинам. Спешу оговориться, мистер Кауфман полностью опроверг это предположение энергичными и успешными поисками дирижера, уже хорошо известного в музыкальном мире. Итак, в первый момент мистер Кауфман был одним из подозреваемых, и не больше, пока – во время моего первого визита к мистеру Эндикотту – он не обронил при мне, что маэстро Мантоли "пристукнули". Газет еще не было, и если он действительно, как говорил, недавно приехал из Атланты, откуда ему было знать, что маэстро Мантоли на самом деле стукнули по голове? Его могли застрелить, или отравить, или что угодно... Поэтому я воспринял эти слова как невольное признание, и он сразу стал кандидатом номер один для моего расследования. Но при этом я совершенно упустил из виду, что "пристукнуть" – очень ходовое словечко и вовсе не обязательно понимать его в буквальном смысле.

– Может быть, тебе слишком тяжело это слушать? – спросила Грейс Эндикотт у Дьюны, которая сидела с ней рядом. Дьюна покачала головой, не сводя глаз с Тиббса.

– Затем наступил черед вишневого пирога, – продолжал Вирджил. – Проверяя алиби мистера Кауфмана, я узнал, что роковой ночью он действительно был в Атланте, но точное время его прибытия было невозможно установить. К тому же он сказал лифтеру в своем отеле, что слишком поздно поужинал и вряд ли это было умно – соблазниться вишневым пирогом в такое время. По ряду соображений это показалось мне настойчивой попыткой сфабриковать алиби. Прежде всего, заявление о том, что он остановился плотно поужинать, было ничем не подкреплено, но, говоря так, он автоматически прибавлял час к тому времени, которое якобы пробыл в городе. Вишневый пирог в три часа ночи, или что-то около того, – явно необычный

заказ, и я не слишком поверил, будто так все и было. Наконец меня насторожила явная нарочитость такого разговора, словно специально рассчитанного, чтобы лифтер вспомнил об этом, если его спросят. Ведь мистериу Кауфману не могло быть известно, что портье не заметил точного времени его прибытия, а значит, можно обойтись и без этих ухищрений с пирогом. И тогда я пришел к убеждению, что передо мной тот, кого я ищу: все мои усилия были теперь направлены, чтобы загнать его в угол.

– После того как вы изложили все это, я не могу быть ни в малейшей претензии, – сказал Кауфман. – Между прочим, вишневый пирог действительно моя слабость, но откуда вам было это знать?

– Вы очень добры ко мне, сэр, – откликнулся Вирджил.

– Пожалуйста, рассказывайте дальше, – попросила Дьюна.

– Что ж, приходится продолжать перечисление грехов, – подхватил Вирджил. – Как только я остановился на версии о мистере Кауфмане, все прочее перестало для меня существовать.

– Как бы не так, – прервал его Сэм. – Ты заметил, сколько пыли осело на моей машине, и сразу сделал правильный вывод.

Билл Гиллспи не позволил обойти себя в стремлении быть справедливым.

– Ты заметил, что Оберст левша, – присовокупил он.

– Да, но важные вещи я упустил совершенно. Пока я преследовал мистера Кауфмана, все мои мысли и предположения, естественно, были не правильны. Стараясь припереть к стене мистера Кауфмана, я совершил роковую ошибку. Я стремился подогнать улики к подозреваемому, вместо того чтобы действовать наоборот. Тут я просто не нахожу слов в свое оправдание.

– Ну а что все-таки было дальше? – подтолкнула его Грейс Эндикотт.

– Чтобы закончить мое признание, упомяну, что я начал разыскивать орудие убийства, и в конечном счете оно оказалось у меня в руках. – Тиббс еще раз глубоко вздохнул, решаясь на заявление, которое, по его мнению, обязан был сделать. – Оно было найдено возле концертной эстрады, и это вновь, хотя и не так уж бесспорно, указывало на мистера Кауфмана. Теперь я считал, что у меня хватает доказательств для моего внутреннего убеждения, но ни одно из них не было достаточно прочным, чтобы выдержать и пяти минут разбирательства в суде. Чем больше я раздумывал, тем меньше мне казалось возможным отстаивать эту версию, поскольку мистер Кауфман, естественно, был совершенно непричастен. Еще раньше я узнал от задержанного по подозрению Харви Оберста, что в Уэллсе живет одна девушка из тех, общение с которыми обычно кончается плохо, – Делорес Парди. На всякий случай я взял это на заметку, но даже и не помышлял, что на самом деле все крутится вокруг нее. Затем Ральф, бармен из закусочной, выдвинул серьезное обвинение против явно ни в чем не замешанного инженера, которому просто случилось проезжать через город. Почва для подозрений была чрезвычайно скудной, и все куда больше походило на попытку замутить воду, как оно позже и оказалось. И тогда я впервые начал подумывать насчет этого молодого человека. Но я еще не видел никакого связующего звена между ним и Делорес Парди.

– А оно было? – спросила Дьюна.

Тиббс кивнул:

– Мистер Парди работает по ночам. Ральф знал, что из себя представляет Делорес, начал заглядывать к ней, пока отца нет дома. А миссис Парди, очевидно, уделяет мало внимания своим детям и совершенно о них не заботится. Ральф и Делорес имеют много общего. И тот и другой недоучки, уровень их умственного развития очень низок. И оба они были в постоянных поисках какой-нибудь встряски. Полтора или, может быть, два месяца назад они вступили в сожительство. За несколько дней до случившегося Делорес вдруг решила, что она беременна, и

во время очередной встречи с Ральфом сообщила ему об этом, потребовав, чтобы он нашел выход. Ральф до смерти испугался. Он считал Делорес шестнадцатилетней школьницей и, несмотря на скудость своих знаний, понял, что попадает под статью. Вдобавок ко всему, он боялся ее отца. И вот, как бесчисленное множество подобных ему субъектов, он начал лихорадочно озираться вокруг в поисках выхода. Он знал, что найти медика с репутацией, согласного на подпольный аборт, будет тяжело, но ему казалось вполне возможным подыскать кого-нибудь, кто пойдет на это из-за денег.

– Я начинаю кое-что понимать, – заметил мэр Шуберт.

– Пока Ральф был занят этими размышлениями, у Делорес возникла своя собственная идея. Ральф, по ее мнению, не был слишком богатым уловом, каковым она считала, кстати сказать, совсем другого человека.

Дьюна Мантоли, внешне оставаясь спокойной, бросила взгляд на Сэма Вуда. Сэм словно пронзило током, он стиснул ручки кресла и попытался ничем не выдавать своего волнения.

– Мистер Вуд проезжал мимо дома Парди почти каждую ночь, как правило, в одно и то же время – это было ему по пути к закусочной, где он обычно останавливался подкрепиться. И вот Делорес решила подстроиться все так, чтобы показаться перед ним обнаженной. Она была уверена, что это не ускользнет от его глаз и, возможно, он остановится поговорить с ней – хотя бы для того, чтобы предостеречь, что ее можно увидеть с улицы. Во всяком случае, она не сомневалась, что ее прелести, продемонстрированные якобы случайно, произведут на него неотразимое впечатление. А в том случае, если бы мистер Вуд однажды скомпрометировал себя с ней, она бы получила возможность объявить его отцом ребенка и в дальнейшем надеяться занять более высокое положение в обществе. Но мистер Вуд оказался куда проницательнее и устойчивее, чем она воображала: он отчетливо понимал, что поставит себя в двусмысленное положение, хотя бы только приблизившись к двери мисс Парди, с тем чтобы предупредить ее. Он принял очень мудрое решение ни в коем случае не останавливаться у этого дома, и ее незатейливый план потерпел крушение.

Сэм почувствовал себя в центре внимания. Он-то знал, что ничего подобного ему и в голову не приходило, но сейчас явно не стоило в этом признаваться. По крайней мере внешне ему нужно выглядеть так, будто все эти похвалы вполне заслуженны. Он плотно сжал губы и постарался сдержать неровное дыхание.

– Затем произошло событие, которое заставило меня выбраться на правильный путь: на основании некоторых улик, которые стали известны мистеру Гиллспи в результате собственного расследования, он арестовал мистера Вуда по подозрению в убийстве. Мне пришлось на время забыть о мистере Кауфмане, – теперь основной задачей было доказать невиновность мистера Вуда и выволить его из-за решетки. Тут неожиданно на помощь пришла мисс Парди: решив, что мистер Вуд не в таком положении, чтобы суметь защититься, она объявила его ответственным за судьбу будущего ребенка.

– Нечего сказать, прелестная особа, – заметил Дженнингс.

– К сожалению, таких очень много, – присовокупил Джордж Эндикотт. Его супруга наклонила голову в знак согласия.

Вирджил продолжал:

– Получалось так, что мистер Вуд снабдил меня нитью, ведущей к дому Парди, и я серьезно заинтересовался этой молоденькой особой. Затем, благодаря быстрому решению, найденному мистером Гиллспи, мне удалось подслушать разговор, который он имел с мисс Парди и ее отцом. Во время этой беседы она самым определенным образом заявила, что мистер Вуд вызывал ее вечерами по пути на работу. Разумеется, ничего подобного не было, но с этого момента я увидел впереди слабый свет: есть другой человек, гораздо более подходящий для

сомнительной чести быть сердечным дружкойм мисс Парди, и к тому же его работа должна начинаться ночью. Затем я припомнил, что Ральф попытался впутать явно невинного человека, да еще таким дурацким образом. Ничем не связанные до сих пор обрывки улики плотно совпали. Я нашел шестерых свидетелей, которые в ночь убийства видели патрульную машину мистера Вуда. Четверо из них согласились ответить на мои вопросы, и их совместные показания создали ему вполне весомое алиби. Кстати сказать, наткнуться на этих людей мне помог случай – я попросту обзвонил те дома, где заметил огни во время ночной поездки с мистером Вудом. Обычно это входит в привычку – не засыпать до глубокой ночи, и действительно, большинство из моих предполагаемых свидетелей обратили внимание на патрульную машину. Затем я наконец-то осознал два необычайно важных факта. Во-первых, тот человек, который сбросил тело маэстро Мантоли посередине шоссе, должен был хорошо знать, насколько часто в это время проезжают машины, – Ральф полностью отвечал этому требованию. И во-вторых, я понял роковое значение той изнурительной духоты, которая была в ночь убийства.

– Вы хотите сказать, что погода как-то повлияла на этот случай? – спросил Фрэнк Шуберт.

– Несомненно, и даже двояким образом. И то и другое вело к тому, что у Ральфа появилось очень серьезное алиби, о котором он сам и не помышлял. Как только я вспомнил о ночной духоте, самое главное препятствие к доказательству его вины перестало существовать, и я понял, что на этот раз нити сходятся. Мне был известен мотив преступления, я знал, когда и при каких обстоятельствах оно могло быть совершено, и личность этого человека вполне совпадает с обычным типом убийцы.

– Так что же он все-таки сделал? – спросил Эндикотт.

– В тот вечер он пораньше вышел на работу, чтобы успеть заглянуть к Делорес. И тут она прямо заявила, что ему пора позаботиться о ней, иначе он будет отвечать за все неизбежные последствия. Он думал, что его затруднения могут разрешить только деньги, но сбережений у него не было, а одного жалованья явно не хватало для этой цели. Он был загнан в угол или, что одно и то же, убедил себя в этом.

– Но на самом-то деле девушка не была беременна, – вставила Дьюна.

– Совершенно верно, – согласился Тиббс. – И когда вы догадались об этом?

Дьюна поглядела на него:

– В тот самый день, когда я ее увидела. Она испытала слишком очевидное облегчение. Ей ничего так не хотелось, как быть оставленной в покое. И кроме того, она боялась обследования.

– Ну а дальше, Вирджил? – вмешался Гиллспи.

– В ту ночь Ральф ехал по шоссе к закусочной и размышлял, что же теперь делать. Он пришел к выводу, что ему надо кого-нибудь ограбить, вопрос был лишь в том, кого именно. Несколькими минутами раньше мистер Эндикотт расстался с маэстро Мантоли у дверей отеля, который, как известно, далеко не первого класса и не имеет кондиционера. Возбужденный и взволнованный мыслями о предстоящем фестивале, маэстро, вероятно, понял, что не сможет заснуть, и решил немножко прогуляться. Помните, я спрашивал, был ли он способен на такие импульсивные поступки? Тогда же я поинтересовался, легко ли он сходился с людьми и много ли для него значила воображаемая или действительная разница в социальном положении.

– И я ответила вам, что он был способен принимать самые неожиданные решения и всегда сам стремился к знакомству, – сказала Дьюна.

– Да-да, и ваши слова помогли мне увидеть, как все это случилось. Проезжая на своей машине, Ральф заметил и узнал маэстро – его внешность очень своеобразна и необычна, по крайней мере для этого городка. Вот самый удобный случай, подумал Ральф. Он предложил маэстро немного проехаться, и мистер Мантоли согласился. Когда я узнал, что орудие убийства было найдено возле эстрады, я сперва воспринял это как улику против мистера Кауфмана. Я

глубоко заблуждался. Ральф, видимо, сказал, что еще не видел концертной площадки, и маэстро Мантоли предложил подъехать туда. Он и сам был не прочь взглянуть на нее еще разок – ведь с момента последнего обсуждения планов, связанных с фестивалем, прошел какой-то час. Они подъехали к эстраде: мистер Мантоли – побуждаемый теми чувствами, о которых я только что говорил, Ральф – для того, чтобы ограбить маэстро и с помощью этих денег разрешить свои затруднения.

Они вылезли из машины и остановились возле эстрады, оглядывая концертную площадку. Зрители или, вернее сказать, слушатели будут сидеть на бревнах, по крайней мере первый сезон. Последние ряды были только что сооружены, и вокруг еще валялись всякие чурбаки, обрубки и прочий строительный мусор. Ральф поднял один из увесистых обрубков и прикидывал, что бы с ним сделать. Затем ему в голову пришла дикая, несообразная мысль: оглушить маэстро, а позже заявить, что к ним подкрались сзади какие-то неизвестные злоумышленники. И, опуская роковую дубинку, он вовсе не предполагал, что удар получится таким сильным.

– Значит... В какой-то степени это можно назвать случайностью? – спросила Дьюна.

– Да, вооруженное нападение и непреднамеренное убийство, но не заранее обдуманное преступление.

– Я почти рада, что узнала это, – тихо сказала девушка.

– Когда, потеряв сознание, маэстро упал на землю, Ральф тут же запаниковал, и первое его побуждение было чуть ли не благородно: он хотел доставить человека, которого только что ударил, к ближайшему доктору. Теперь Ральф был в холодном поту, его просто знобило от страха. Он поднял безжизненное тело, пронес его несколько шагов, втащил в машину и погнал назад, в город. И лишь недалеко от центра наконец-то до него дошло, что он совершил. Он завернул в переулок, вынул бумажник своей жертвы и вытащил часть денег, которых, как он считал, хватит, чтобы выпутаться из истории с Делорес. Затем он сбросил тело посередине шоссе, положил рядом бумажник и помчался в закусочную – он уже опаздывал на работу, на которую должен был являться два-три раза в неделю.

– Но почему же посередине шоссе? – широко раскрыв глаза, спросила Грейс Эндикотт.

– Он думал, что во всем обвинят какого-нибудь проезжего: мол, сбил и побоялся остановиться. Но положение тела не отвечало такой версии, и это была, конечно, важная нить, хотя поначалу я не мог восстановить логику событий.

– А при чем тут погода? – напомнил Джордж Эндикотт.

– Ах да... Жара помогла Ральфу дважды: во-первых, движение на шоссе почти прекратилось и тело обнаружили не сразу.

– Одну минуточку, – прервал его Фрэнк Шуберт. – А как же с тем инженером, который проезжал через город?

– Никто не попросил его уточнить, когда это было. По словам Ральфа, за сорок пять минут до того, как Сэм нашел тело, и Готтшалк не оспаривал его заявление: откуда ему было знать, в какое время это случилось? Он проезжал, когда Ральф рылся в бумажнике своей жертвы. Ральф заметил необычную окраску машины и потом, увидев ее возле закусочной, позвонил в полицию, надеясь, что водителя арестуют за попытку скрыться после того, как он сбил человека.

Грейс Эндикотт медленно покачала головой:

– Какое извращенное мышление должно быть у этого юноши! Даже не могу себе представить. Он словно животное!

– Ну а второе, что ты хотел сказать о погоде? – напомнил Гиллспи.

– Да-да... Жара дала Ральфу совершенно непредвиденное алиби. Когда молодой врач, который приехал на "скорой помощи", определял время смерти, он ни в чем не погрешил против

обычного метода, установив, сколько тепла потеряло тело, но он совсем упустил из виду температуру воздуха и поэтому значительно ошибся. Душная ночь буквально окутала тело теплом. А пока официально установленное время смерти не было опровергнуто, Ральф имел бесспорное алиби, и я не мог быть уверен, что он тот, кто мне нужен.

Неожиданно Тиббс стал выглядеть очень утомленным.

– Вот почти и все, – заключил он. – Я вошел в закусочную и попросил стакан молока. Если бы я попросил пакет, он бы еще мог это стерпеть. Но мысль о том, что негр дотронется до стакана, вывела его из себя, а когда я пристал к нему с просьбой разрешить мне поесть в закусочной, он дошел до точки кипения и поднял на меня руку. Тут-то я и получил возможность скрутить его, конечно, этот путь был далеко не единственный, но я жаждал отмщения. Он так нескрываяемо презирал меня из-за цвета кожи и чувствовал себя настолько выше, что я был не прочь преподать ему серьезный урок. Признаюсь, это было ребячеством.

К железнодорожной станции Тиббса подвез Билл Гиллспи. Он затормозил у самой платформы, вышел из машины и поднял чемодан Вирджилла. Тиббс все понял и не попытался ему помешать.

Шагая впереди, Гиллспи прошел на платформу и опустил чемодан перед единственной скамьей, которая предлагала свои незavidные удобства ожидающим пассажирам.

– Вирджил, я бы с удовольствием подождал с тобой, но, честно говоря, мне смертельно хочется спать, – сказал Гиллспи. – Ты не обидишься, если я уйду?

– Разумеется, нет, мистер Гиллспи. – Тиббс выдержал секундную паузу, прежде чем заговорить вновь. – Ничего, если я присяду, как вы думаете? Уж больно приятная ночь.

Гиллспи и не глядя знал, что на скамье надпись: "Для белых". Но было уже за полночь и вокруг ни души.

– Я думаю, это не так уж важно, – ответил он. – Если тебе кто что скажет, сошлись на меня.

– Хорошо, – сказал Тиббс.

Отойдя на два шага, Гиллспи обернулся.

– Спасибо, Вирджил, – произнес он.

– Рад был познакомиться с вами, мистер Гиллспи.

Гиллспи хотел было сказать что-то еще, даже попытался, но не смог заставить себя. Стоящий перед ним человек был черным, как ночь, и лунный свет подчеркивал эмалевые белки глаз.

– Ну, всего хорошего, – только и обронил Гиллспи.

– Всего хорошего, сэр.

Гиллспи подумал, не протянуть ли руку, но решил, что не стоит. Один раз он уже сделал это, и хватит. Вряд ли есть смысл повторять такие широкие жесты – это может только ослабить впечатление. И он зашагал обратно к машине.

notes

